

2016 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Критика и библиография

Кантор П.Ю.

К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы «за» 1-8

Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н.

Комментарий к статье П.Ю. Кантора: аргументы «против» 9-17

Методологические проблемы юридической психологии

Бердников Д.В.

Юридические и методологические основы комплексной судебной экспертизы порнографических материалов 18-24

Ювенальная юридическая психология

Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б.

Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей
(Часть 2. Результаты эмпирического исследования) 25-38

Гурина О.Д.

Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением 39-57

Дегтярев А.В., Галкина Е.А.

Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 1) 58-72

Нуцкова Е.В.

Феноменология психологических последствий сексуального злоупотребления у детей и подростков в зависимости от действия различных факторов 73-90

Терехина С.А., Пимонов В.А.

Проблемы защиты интересов несовершеннолетних в судебных делах по семейным спорам при разводе 91-104

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Булгына В.Г., Дубинский А.А., Токарева Г.М., Лысенко Н.Е.

Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом 105-119

Дворянчиков Н.В., Юшина Н.Н., Макарова Т.Е.

Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению 120-131

Психология профессиональной деятельности

Кроз М.В.

Деятельностные факторы мотивации труда прокурорских работников 132-139

К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы «за»

Кантор П.Ю., юрист правовой группы Региональной благотворительной общественной организации «Центр лечебной педагогики» (РБОО «Центр лечебной педагогики») (kantor@ccp.org.ru)

Статья обращается к вопросу о процедуре назначения судебной экспертизы в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации при рассмотрении гражданских дел о лишении либо ограничении дееспособности вследствие психического расстройства. В статье критически разбираются возражения против введения нормы об обязательной комплексной психолого-психиатрической экспертизе по этой категории дел. Указывается на взаимосвязь такой нормы с предшествующими изменениями законодательства. Изменение в порядке назначения экспертизы логически вытекает из потребности учитывать в соответствии с законом способности гражданина к принятию решений и социальному взаимодействию. В настоящее время комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по этой категории дел назначается слишком редко, что приводит к тому, что существенные для дела обстоятельства остаются невыясненными судами. Организационно-технические препятствия, которые выдвигаются в качестве основных доводов против обсуждаемой нормы, сами по себе не могут блокировать назревшие изменения законодательства. Приводимые оппонентами статистические данные относятся к другим категориям дел и не могут служить основанием для выводов по обсуждаемой проблеме.

Ключевые слова: ограниченная дееспособность, недееспособность, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе, обязательное назначение судебной экспертизы.

Для цитаты:

Кантор П.Ю. К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы «за» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 1-8. doi: 10.17759/psylaw.2016060101

For citation:

Kantor P.Y. On the issue of a mandatory forensic comprehensive psychological and psychiatric examination of capacity: pro arguments [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.1-8. doi: 10.17759/psylaw.2016060101

В первом номере журнала «Психология и право» за 2015 г. вышла статья «К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности» [7].

Авторы (психолог и юрист), научные сотрудники ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии Минздрава РФ» (в прошлом – ФГБУ ГНЦССП имени В.П. Сербского), критикуют предложение о включении в Гражданский процессуальный кодекс РФ нормы об обязательном производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства. Основные аргументы критиков сводятся к организационным осложнениям при переходе от однородной экспертизы к комплексной, дефициту психологов и увеличению финансовых затрат, связанных с ликвидацией такого дефицита.

Следовало ожидать, что введение в законодательство нового для нашего правового порядка института ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства, как и реформирование давно сложившегося института недееспособности, вызовут дискуссии, столкновения мнений и поставят множество вопросов перед законодателем и правоприменителем, которые окончательно могут быть разрешены и сняты лишь по мере накопления и обобщения судебной и экспертной практики. В этой связи можно только приветствовать обращение представителей профессионального сообщества к этим вопросам.

Однако, на наш взгляд, приводимые авторами статьи аргументы являются во многом несостоятельными и неубедительными, местами же – не вполне корректными.

1. Прежде всего, авторы пытаются представить дело таким образом, что введение обязательной КСППЭ – это некая произвольная новелла разработчиков. При этом ими не учитывается следующее ключевое обстоятельство. Законодатель, внося в Гражданский кодекс изменения, которые уже вступили в силу, изменил предмет доказывания как по делам об ограничении дееспособности, так и по делам о признании недееспособным (в частности, теперь перед судами встает вопрос о возможности выявления мнений и предпочтений недееспособного лица, а также о выявлении способности гражданина с психическим расстройством руководить своими действиями при помощи других лиц – см. части 2, 3 ст. 29 ГК РФ в новой редакции). Таким образом, судам необходимо отвечать на такие вопросы, которые раньше перед судами в делах о признании граждан недееспособными не стояли, причем эти вопросы выходят за пределы сферы специальных познаний врача-психиатра, поскольку находятся не в сфере психического здоровья, а в сфере способностей к социальной коммуникации и принятию решений, которые, даже будучи поврежденными психическим расстройством, остаются предметом специальных познаний психолога. Таким образом, предлагаемые изменения – это логичное продолжение и развитие новаций, уже внесенных в законодательство.

2. Подавляюще большинство данных, которые приводят авторы, относятся к КСППЭ по другим категориям дел. Так, можно с уверенностью сказать, что 30% КСППЭ от всех СПЭ составляют экспертизы практически исключительно по уголовным делам, либо по гражданским делам, касающимся оспаривания сделок (в основном – завещаний). Что же касается дел о лишении граждан дееспособности, то судебные дела, где была бы назначена КСППЭ, а не однородная СПЭ, носят единичный и исключительных характер. В известных разработчикам делах СПЭ никогда не выходила за пределы чисто медицинских аспектов психического состояния подэкспертного. Авторы статьи не отрицают, в принципе, необходимости КСППЭ по некоторым делам о лишении (ограничении) дееспособности¹, однако их тезис о том, что суды имеют возможность пользоваться КСППЭ и прибегают к этому инструменту в случае необходимости, практикой не подтверждается. Именно тотальное засилье однородных и сугубо «медицинских» экспертиз² вызвало к жизни предлагаемое нововведение. На неоправданную редкость назначения КСППЭ в гражданских делах указывают³ также и представители экспертного сообщества.

3. Главное препятствие для введения нормы авторы статьи видят в нехватке медицинских психологов в СПЭУ. На взгляд разработчиков предлагаемой нормы, указанная проблема, если и существует, носит организационный, а не научный или принципиальный характер, а организационные и материально-технические трудности сами по себе не могут быть препятствием для совершенствования законодательства, поскольку любое изменение законодательства, вообще говоря, требует организационных мер. Такой же позиции *mutatis mutandis* придерживался и Конституционный Суд РФ по многим делам (например, при рассмотрении вопроса о судебной процедуре заключения под стражу [4], введении суда присяжных⁴ и др.). К тому же, сами авторы указывают, что существующие штатные должности медицинских психологов заполнены на 45–65%. Можно предположить, что это связано именно с недостаточной востребованностью медицинских психологов как экспертов, и острота проблемы во многом может быть снята просто заполнением штатной численности. К тому же можно ожидать, что новые для судебной и экспертной практики дела об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства первые годы не будут носить массового характера и едва ли значительно повлияют на загруженность СПЭУ, что даст возможность экспертным органам плавно и постепенно перестроить свою деятельность. Следует отметить, что за три года, прошедшие с момента введения в Гражданский кодекс института ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства, головными экспертными организациями не было предпринято серьезных и конструктивных шагов по разработке методических рекомендаций проведения и организации соответствующих СПЭ. В этой связи было бы неправильно откладывать внесение назревших изменений в законодательство до того момента, пока организационные трудности будут устранены по собственной инициативе экспертного сообщества.

¹ На необходимость участия психолога при формулировании экспертного вывода о дееспособности указывают многие авторы, см., например: «Преодоление нерезультативности экспертного исследования может осуществляться за счет преобразования однородной судебно-психиатрической экспертизы в комплексную судебную психолого-психиатрическую.» [1, с. 284]

² И порождаемые этим судебные ошибки по данной категории дел, которые становились даже и предметом рассмотрений в ЕСПЧ [3].

³ «Несмотря на то, что СПЭ в гражданском процессе достаточно сложные, вызывает удивление, что суды редко назначают комплексные СПЭ» [2, с. 31].

⁴ Учет обстоятельств «организационного, материального и технического характера» не может «препятствовать законодателю... принять федеральный закон» [5, п. 5].

Сам по себе рост востребованности психологов связан с введением в 2012 г. в Гражданский кодекс категории ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства. Внесение необходимых изменений в ГПК predetermined этой новацией и носит по существу технический характер. Высказываемое в статье недовольство повышением роли психологов можно расценить как косвенное торпедирование решения Конституционного суда РФ, во исполнение которого в Гражданский кодекс и были введены указанные новации. Логичным было бы по мере накопления практики применения новеллы оценить и осуществить требуемые для ее реализации организационные мероприятия, а не занимать заранее пораженческую позицию.

4. Авторы указывают на нерешенность в настоящий момент проблемы разработки научных критериев экспертной оценки ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства. Следует согласиться с авторами в том, что эта проблема чрезвычайно актуальна. При этом, с одной стороны, нет оснований сомневаться в наличии в Российской Федерации достаточно квалифицированных научных кадров для решения этой задачи (к которым можно отнести и одного из авторов обсуждаемой статьи); с другой стороны, в окончательном виде такие критерии могут и должны сформироваться именно на основе практики применения проектируемой нормы.

Остальные, менее принципиальные аргументы, также вызывают возражения.

5. С учетом того, что действующее законодательство в принципе предусматривает крайне ограниченное количество случаев назначения обязательной судебной экспертизы, на наш взгляд, нельзя говорить о «беспрецедентном» характере нормы и нарушении «общих принципов назначения судебных экспертиз». Каждый из предусмотренных законом случаев обязательного назначения судебной экспертизы по-своему уникален, а потому и нет общих их принципов.

6. Нельзя признать убедительным и довод о том, что в случае невозможности исследования экспертом-психологом личности гражданина ситуация становится безвыходной. В экспертной практике регулярно возникают ситуации, когда эксперт любой специальности оказывается неспособен дать ответы на поставленные перед ним вопросы, что ни в коем случае не становится непреодолимым препятствием для рассмотрения судебного дела. В этом случае дело разрешается судом, исходя из других обстоятельств. Если эксперт-психолог укажет, что психологическое исследование подэкспертного невозможно, то суд просто сделает из этого соответствующие выводы.

7. Нельзя согласиться с утверждением о том, что дополнительные (по сравнению с однородной экспертизой) исследования будут ненужным травмирующим фактором для подэкспертного. Безусловно, мучительный и унижительный для подэкспертного характер судебно-психиатрической экспертизы в России представляет, как показывает практика, отдельную проблему, однако прием психолога и психологическое тестирование входят в существующие стандарты⁵ оказания психиатрической помощи, и вопрос об их негативном влиянии на больных, насколько известно, никогда не поднимался.

8. Нет ясной логической связи в умозаключении о том, что введение обязательной КСППЭ в данном случае неизбежно повлечет за собой расширение назначения обязательной судебной экспертизы и по другим категориям дел, а также упразднение однородной

⁵ См., например, Приказ Минздрава России от 24.12.2012 № 1400н и др.

судебно-психиатрической экспертизы. В действительности наличие обязательной судебной экспертизы по отдельным категориям гражданских и уголовных дел в течение многих десятилетий в общем не привело к ее распространению и на другие категории. С другой стороны, можно только приветствовать назначение экспертизы, в том числе и КСППЭ, там, где это может привести к установлению юридической истины. Кроме того, развивая тезис авторов о недопустимости ограничения суда и экспертов в определении вида и содержания экспертизы по конкретному делу, можно было бы предложить отменить обязательные экспертизы по определенным категориям дел вообще, оставив вопрос о назначении экспертизы на усмотрение сторон по делу и суда. Однако законодатель последовательно стоит на позиции сохранения в законе института обязательных экспертиз там, где публичный интерес превалирует над принципами состязательности сторон и независимости судов, т. е. там, где в деле участвует лицо особо уязвимое и не вполне способное отстаивать свои интересы в силу возраста или психического заболевания. Институт обязательных КСППЭ по обсуждаемой категории дел вполне отвечает этому принципу.

9. Неубедительным представляется и возражение против нововведений в принципе (обсуждаемому нововведению вменяется его «беспрецедентность» – не характерный для научного сообщества аргумент из серии «так никогда не делали»). Насколько известно, судебные психиатры по этой проблеме ни в печати, ни в рамках профессионального сообщества своего консолидированного мнения не выражали (в частности, ни один из авторов не является, собственно, психиатром-экспертом). Более того, как отмечают сами авторы, специфика развития этой сферы допускает сначала введение новых необходимых видов экспертиз в процессуальное законодательство (авторы приводят пример экспертиз, связанных с защитой ребенка) и затем, уже как следствие, их практическую разработку.

10. Как безосновательный и некорректный полемический прием следует расценить обвинение авторов обсуждаемого законопроекта в «антипсихиатрической» позиции⁶, с отдельным упоминанием РБОО «Центр лечебной педагогики». Ни представители Центра, входящие в состав группы разработчиков, ни рабочая группа в целом никогда не ставили под сомнение роль психиатров в рассмотрении данной категории дел, как и то, что первопричинами для лишения или ограничения дееспособности являются именно психические расстройства, требующие квалифицированной психиатрической помощи. Скорее, можно вернуть авторам статьи упрек в том, что они заведомо сомневаются в квалификации экспертов-психиатров, если предвидят неизбежные противоречия в выводах экспертов-психиатров и экспертов-психологов, которые, якобы, придется разрешать суду. Высказанный в начале и проходящий красной нитью через всю статью тезис, что введение КСППЭ при определении меры дееспособности гражданина «грубо нарушает профессиональную самостоятельность судебных психиатров», содержит признаки немотивированного страха, а также «комплекса монополиста»: ведь психологи тоже имеют право на «профессиональную самостоятельность». При этом (как верно подмечено в самой статье) именно в компетенцию психологов входит исследование способностей человека, в том числе юридически значимых – понимать значение своих действий и руководить ими:

⁶ В настоящее время термин «антипсихиатрический» обычно используется в отношении представителей нетрадиционных деструктивных религиозных культов и «медицинских диссидентов» с экстремистскими реформаторскими идеями. Но даже в более традиционном назначении, как наименование конкретного направления западных научных школ, этот термин не может быть применен по отношению к Центру лечебной педагогики – как организации, уже более 25 лет оказывающей психолого-педагогическую и медико-социальную помощь детям и взрослым с нарушениями психического развития и их последствиями в сотрудничестве с психиатрами традиционной российской школы и имеющей медицинскую лицензию на оказание психиатрической помощи.

эти способности, согласно свидетельству самих авторов, «определяются через психологические категории». На взгляд разработчиков, выводы психологов и психиатров должны дополнять друг друга, давая суду многостороннюю оценку ситуации, что, собственно, и является целью любой комплексной судебной экспертизы.

На основании изложенного можно сказать, что статья в целом не указывает на какие-то непреодолимые, а тем более принципиальные препятствия для введения в действие предлагаемой новеллы, а также не содержит убедительных доводов против ее целесообразности.

Литература

1. *Корзун Д.Н.* Методология судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе: дис. ... докт. мед. наук / ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского». М., 2014. 309 с.
2. *Мохонько А.Р., Муганцева Р.А.* Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2012 году: аналитический обзор. Вып. 21. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 192 с.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.03.2008 «Дело “Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации”» (жалоба N 44009/05).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 г. № 14-П.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П.
6. Приказ Минздрава России от 24.12.2012 № 1400н.
7. *Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н.* К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76144.shtml> (дата обращения: 20.02.2016).

On the issue of a mandatory forensic comprehensive psychological and psychiatric examination of capacity: pro arguments

Kantor P.Y., Legal Consultant, Legal Department of the Regional Non-profit Social Organization «Center for Curative Pedagogics» (RNSO «Center for Curative Pedagogics») (kantor@ccp.org.ru)

The article again addresses the issue of forensic examinations of incapacity or limited capacity due to the mental disorder in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The article critically discusses the common objections to establishing a mandatory appointment for a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in this category of cases. The author observes how this proposed requirement is connected with earlier legislation updates. The new rule logically follows from the need to consider, in according to law, a person's ability for decision making and social communication. Currently, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination is appointed too rarely in these cases, which leads to the insufficient comprehension of these significant factors by the courts. Organizational and technical hurdles, which are considered to be main arguments against the discussed rule, shouldn't prevent the long overdue legislation innovations. Statistical data presented by the opponents relates to different categories of cases and, therefore, cannot be a basis for the conclusions about the issue discussed.

Keywords: limited capacity, disability, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination in civil proceedings, mandatory appointment of judicial examination.

References

1. Korzun D.N. Metodologiya sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy v grazhdanskom protsesse: diss. ... dokt. med. nauk. [Methodology of forensic psychiatric examination in the civil procedure. Dr. Sci. (Medicine) diss.]. FGBU «GNTsSSP imeni V.P. Serbskogo», Moscow, 2014. 309 p.
2. Mokhon'ko A.R., Mugantseva R.A. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti sudebno-psikhiatricheskoi ekspertnoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v 2012 godu: Analiticheskii obzor.[General indicators of forensic psychiatric expert service activity in the Russian Federation at 2012: Analytic Review].– Moscow: FGBU «GNTsSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2013. – Vyp. 21. – 192 p.
3. Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 27.03.2008 «Delo "Shtukaturov (Shtukaturov) protiv Rossiiskoi Federatsii"» (zhaloba N 44009/05) [The European Court of Human Rights Chamber judgment in the case of Shtukaturov v. Russia (application no. 44009/05)].

4. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.06.1996 g. [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation]. № 14-П.
5. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.02.1999 g. [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation]. № 3-П.
6. Prikaz Minzdrava Rossii ot 24.12.2012 [Decree of the Ministry of Health of the Russian Federation]. № 1400н.
7. Safuanov F.S., Shishkov S.N. K voprosu ob obyazatel'nom naznachenii kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy ogranichennoi deesposobnosti [Elektronnyi resurs] [On the issue of mandatory appointment of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of limited capacity]. *Psikhologiya i pravo. [Psychology and Law]*. 2015. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76144.shtml> (Accessed 20.02.2016).

Комментарий к статье

П.Ю. Кантора: аргументы «против»

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГОУ ВПО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Шишков С.Н., кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (shishkov50@mail.ru)

В статье формулируются возражения против доводов, изложенных в статье П.Ю. Кантора «К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы "за"», в пользу необходимости законодательного закрепления нормы об обязательном производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства. Приводятся аргументы с точки зрения теории и методологии комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: авторы неправомерно сужают границы компетенции судебных психиатров, игнорируют возможность и необходимость интеграции медицинских и психологических знаний в судебной экспертизе. Вызывают возражения утверждения П.Ю. Кантора о тотальном засилье психиатрических экспертиз в гражданском судопроизводстве и о мучительном и унижительном для подэкспертного характере судебно-психиатрической экспертизы в России. Показаны негативные организационно-правовые последствия введения данной законодательной нормы. Предлагается широкий междисциплинарный диалог по обсуждаемой проблеме.

Ключевые слова: ограниченная дееспособность, недееспособность, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе, обязательное назначение судебной экспертизы.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Комментарий к статье П.Ю. Кантора: аргументы «против». [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 9-17. doi: 10.17759/psylaw.2016060102

For citation:

Safuanov F.S., Shishkov S.N. Commenting the Article by P.Y.Kantor: Counter-arguments.

[Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.9-17.
doi: 10.17759/psylaw.2016060102

Комментировать положения, изложенные в статье П.Ю. Кантора «К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы "за"», которые вызывают у нас возражения, мы будем в порядке их изложения самим автором статьи с первого пункта по десятый.

1. По мнению нашего оппонента, дискутируемая законодательная новелла не носит произвольного характера, а выступает как «логичное продолжение и развитие новаций, уже внесенных в законодательство». Новации же заключаются в необходимости решения судами принципиально новых, беспрецедентных для отечественного законодательства вопросов – об установлении способности гражданина с психическим расстройством понимать значение своих действий или руководить своими действиями «лишь при помощи других лиц», а также о возможности выявления предпочтений и мнений недееспособного лица. Автор утверждает, будто указанные вопросы «находятся не в сфере психического здоровья, а в сфере способностей к социальной коммуникации и принятию решений, которые, даже будучи поврежденными психическим расстройством, остаются предметом специальных познаний психолога».

Выдвинутый автором тезис о том, что установление способности к социальной коммуникации и принятию решений не относится к сфере психического здоровья, удивителен. Если с ним согласиться, то становится непонятным, как врачи-психиатры вообще в состоянии оказывать психиатрическую помощь. Ведь в процессе ее оказания психиатру приходится постоянно выяснять мнения и предпочтения своего пациента, а пациенту – принимать решения. Он должен принять решение о добровольном информированном согласии на психиатрическое вмешательство или об отказе от него, решение о согласии или об отказе от предлагаемого психиатром лечения и т. п. Кроме того, мнения и предпочтения пациентов с тяжелым психическим расстройством обусловлены психопатологическими факторами, например, характером бредовых переживаний. Но если своеобразие мнений и предпочтений, обусловленное бредом ревности или бредом преследования, находится «не в сфере психического здоровья», т. е. выводится за рамки собственно психиатрии, то что же у психиатрии остается вообще? Мы полагаем, что выведение вопросов коммуникации и принятия решений только в психологическую сферу нелогично и некорректно, как с точки зрения медицины, так и с точки зрения судебной психиатрии и клинической психологии.

Кстати, законодательные новеллы, беспрецедентные для отечественного права и касающиеся проблем соотношения однородной судебно-психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), у нас уже были. С 1 января 1997 г. действует Уголовный кодекс РФ. В ст. 21 впервые в российском уголовном праве появились нормы, по сути, легализовавшие институт «ограниченной вменяемости»¹, вследствие чего роль эксперта-психолога в уголовном процессе возросла, а общее число КСППЭ по уголовным делам увеличилось. Однако КСППЭ не стали обязательными при назначении судебной экспертизы в связи с сомнениями во вменяемости обвиняемого. Правильность такого подхода уже на протяжении многих лет подтверждается следственной, судебной и экспертной практикой. Но коль скоро принципиально новый институт «ограниченной вменяемости» не привел к обязательности КСППЭ обвиняемых, то

¹ Хотя сам этот термин в УК РФ отсутствует.

почему принципиально новые нормы, касающиеся гражданской дееспособности, должны обусловить обязательность КСППЭ по соответствующим категориям гражданских дел?

2. Все сказанное нашим оппонентом в этом пункте совершенно не доказывает необходимости включения в ГПК отстаиваемого им и его коллегами нововведения. Так, он пишет, что число назначаемых судами КСППЭ явно недостаточно, а по делам о признании граждан недееспособными их будто бы нет совсем (оппонирующий нам автор их не сумел найти)². После чего он констатирует: «Именно тотальное засилье однородных и сугубо “медицинских” экспертиз вызвало к жизни предполагаемое нововведение». Разберемся во всем по порядку.

Если к КСППЭ редко прибегают суды, то назначаемые ими однородные СПЭ вправе «превращать» в комплексные руководители экспертных учреждений в пределах прав, предоставленных им законом³. Однако тогда обвинение в содействии «тотальному засилью сугубо “медицинских” экспертиз» следует адресовать не только судам, но и руководителям СПЭУ. Правда, для чего последним понадобилось содействовать «тотальному засилью» психиатров в ущерб своим же психологам, совершенно непонятно. По крайней мере, непонятно, зачем это нужно руководителям, у которых штатных медицинских психологов вполне хватает и их необходимо обеспечить экспертной работой. Сами работающие в СПЭУ медицинские психологи на «тотальное засилье» психиатров тоже не жалуются.

Объяснение кроется в другом. Относительно небольшой процент комплексных экспертиз по делам о признании граждан недееспособными обусловлен тем, что данная категория дел нуждается в КСППЭ в наименьшей степени. Причину этого мы в своей статье раскрыли достаточно подробно.

В качестве наглядной иллюстрации приведем такой пример. При экспертизе лиц, обвиняемых в разбое, сексолог не участвует (хотя в отдельных крайне редких случаях такое возможно). Для объяснения этого феномена можно прибегнуть к двум гипотезам: 1) гипотезе о тотальном засилье психиатров, подвергающих сексологов профессиональной дискриминации; 2) гипотезе о том, что при экспертизе обвиняемых в разбое в подавляющем большинстве случаев участие сексолога попросту не требуется. Второе объяснение выглядит гораздо более убедительным. Сходная картина наблюдается и при проведении СПЭ по делам о недееспособности (гл. 31 ГПК); по этой категории дел реальная потребность в эксперте-психологе невелика.

Но даже если допустить, что КСППЭ назначают действительно мало, разве само по себе это доказывает необходимость их обязательности по всем делам, рассматриваемым в порядке главы 31 ГПК? Полагаем, что нет.

Например, при анализе экспертной работы время от времени выясняется, что в отдельных регионах страны число назначаемых по уголовным делам психиатрических экспертиз явно недостаточно. Но пока еще никому не пришла в голову мысль об устранении этого недостатка путем назначения СПЭ по всем без исключения уголовным делам!

² К сожалению, в статистической отчетности деятельности судебно-психиатрических экспертных учреждений (СПЭУ) отсутствуют данные об удельном весе КСППЭ в общем объеме экспертиз, проведенных в стране по делам о признании граждан недееспособными. Данные по отдельным СПЭУ позволяют предполагать, что удельный вес указанных экспертиз не превышает 10%.

³ Согласно абз. 2 ст. 21 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», «Комиссионный характер судебной экспертизы определяется органом или лицом, ее назначившими, либо руководителем государственного судебно-экспертного учреждения». Комплексная экспертиза является разновидностью комиссионной (абз. 1 ст. 21).

Комплексных экспертиз вообще не может быть «много» или «мало», а должно быть ровно столько, сколько необходимо. И там, где они не нужны, назначать их не следует.

3. Как отмечает оппонент, «главное препятствие для введения нормы авторы статьи видят в нехватке медицинских психологов в СПЭУ». Почему «главное»? Мы ни разу не называем означенное препятствие «главным». Теперь о проблеме по существу.

Обязательность КСППЭ по всем делам о признании граждан недееспособными либо ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства, безусловно, приведет к необходимости увеличивать штаты психологов в СПЭУ и, следовательно, потребует дополнительных финансовых вложений. В силу чего авторы законопроекта обязаны были представить и его финансово-экономическое обоснование. Вместо этого мы имеем рассуждения о том, что «дела об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства первые годы не будут носить массового характера и едва ли повлияют на загруженность СПЭУ». Согласиться с приведенными словами мы не можем.

Во-первых, какой характер будут носить новые гражданские дела, массовый или не очень, пока неизвестно. Во-вторых, и это главное, согласно предлагаемому законодательному нововведению, КСППЭ станут назначаться не только по этим делам (об ограничении дееспособности), но и по всем традиционным делам о ее «полном» лишении. А таких экспертиз много: в 2014 г. их было проведено 31 915, что составило 82,8% от общего числа СПЭ в гражданском судопроизводстве. Если к ним добавится еще и некоторое количество экспертиз по поводу ограниченной дееспособности, то утверждать, что число обязательных КСППЭ «не будет носить массового характера», будет невозможно.

Обязанность разработчиков законопроекта дать его финансово-экономическое обоснование и произвести подсчет числа требуемых для его реализации экспертных кадров представляется нам отнюдь не формальным требованием. Не так давно российские СПЭУ уже испытали на себе последствия скоропалительных законодательных решений. В мае 2014 г. вступил в силу пункт 3.2 статьи 196 УПК, предусмотревший новый вид обязательной экспертизы⁴. В результате буквально за считанные недели объем экспертной работы некоторых СПЭУ вырос в несколько раз, что существенно затруднило их нормальную деятельность. Трудности стали испытывать также следователи и другие участники процесса. Однако «крайними» во всей этой неприятной истории оказались именно эксперты, хотя они не были причастны к появлению непродуманной законодательной новеллы и больше всех от нее пострадали, тогда как ее инициаторы благополучно избежали упреков и критики. Разумеется, мы совсем не хотели бы, чтобы нечто подобное повторилось вновь.

4. В своей статье мы выражали озабоченность по поводу недостаточной разработанности экспертных критериев, необходимых для реализации законодательных новшеств, указав, что данная проблема на современном этапе представляется чрезвычайно актуальной, вне зависимости от того, будет КСППЭ ограниченной дееспособности обязательной или нет.

Наш оппонент, соглашаясь с актуальностью данной проблемы, тем не менее, полон оптимизма, полагая, что «нет оснований сомневаться в наличии в Российской Федерации достаточно квалифицированных научных кадров для решения этой задачи». Однако сама задача значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

⁴ Судебная экспертиза психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией.

Ряд ведущих судебных психиатров вообще считают законодательные формулировки ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства принципиально неприемлемыми. В этой связи возникает вопрос: как же судебный психиатр сможет разработать экспертные критерии того, что он, как профессионал, считает неприемлемым для себя?

В частных разговорах мы неоднократно обращали внимание наших оппонентов на это обстоятельство, но они не придавали ему большого значения, лишь изредка замечая в ответ, что сами судебные психиатры не выдвигают своих возражений. Это не так. Возражения были как устными (наличие которых теперь уже не докажешь), так и письменными, которые вполне доказуемы. Они содержатся, например, в статье В.П. Котова и М.М. Мальцевой⁵. Оба автора являются профессорами, посвятившими большую часть своей жизни научным проблемам судебной психиатрии. Их с полным основанием можно отнести к «достаточно квалифицированным научным кадрам», обладающим к тому же громадным опытом практической экспертной работы.

5. Содержание этого пункта возражений, как и его предназначение, нам не вполне ясны, ибо он содержит некие разрозненные тезисы. Например, тезис относительно «крайне ограниченного числа случаев назначения обязательной экспертизы». Выше мы приводили это число – 31 915 – только по делам о признании граждан недееспособными, которые были рассмотрены в 2014 г. Цифра уже не маленькая, и к ней может добавиться некое неизвестное пока количество экспертиз по делам об ограниченной дееспособности. Тезис о том, что каждый случай обязательного назначения экспертизы уникален, и потому не существует общих их принципов, откровенно говоря, непонятен. Тем более, что в пункте 8 возражений наш оппонент все же попытался сформулировать эти общие принципы.

Институт обязательной экспертизы наиболее разработан в уголовном процессе и законодательно отражен в ст. 196 УПК. Хотим обратить внимание, что в этой статье вообще нет ни одного наименования судебных экспертиз. В ней перечисляются лишь вопросы, которые по закону необходимо устанавливать только экспертным путем, что, на наш взгляд, является оптимальным законодательным решением.

Сам же институт обязательных экспертиз никаких нареканий с нашей стороны не вызывает.

6. Мы отмечали, что требование ст. 283 ГПК об обязательности КСППЭ недееспособности в ряде случаев окажется неисполнимым. Не видя в этом ничего страшного, автор статьи пишет: «Если эксперт-психолог укажет, что психологическое исследование подэкспертного невозможно, то суд просто сделает из этого соответствующие выводы». Но в подобной ситуации суд может сделать только один вывод, что требование закона об обязательности КСППЭ нарушено, и потребовать от экспертов устранить допущенное нарушение.

Именно в этом и заключается суть вопроса. Если при производстве экспертиз в порядке ст. 283 ГПК психолого-психиатрическая экспертиза недееспособности не всегда выполнима (с чем наш оппонент согласен), то этот факт свидетельствует о том, что в данной статье ГПК не может и не должно содержаться требование об обязательности КСППЭ. Иначе, какая же это «обязательность», если ее можно и не исполнять. Оппонент, сам того не желая, привел очень весомый аргумент против признания обязательной КСППЭ, назначаемой на основании ст. 283 ГПК.

⁵ Котов В.П., Мальцева М.М. Клинико-психопатологические аспекты категорий невменяемости и недееспособности в российском законодательстве // Российский психиатрический журнал. 2014. № 1. С. 11–18.

7. Нам снова приписывают слова, которых мы не говорили. Мы не утверждали, будто дополнительные (по сравнению с однородной экспертизой) экспертные исследования выступают в роли «ненужного травмирующего фактора». А вот бездоказательный тезис оппонента относительно «безусловно мучительного и унижительного для подэкспертного характера судебно-психиатрической экспертизы в России» вызывает у нас неприятие. Столь серьезные обвинения в адрес всей судебно-психиатрической экспертной службы страны необходимо подкреплять серьезными аргументами. Упомянуть об этом без приведения каких-либо доводов, как бы походя, мы считаем совершенно непозволительным.

Мы же имели в виду другое: при производстве судебной экспертизы живого лица ненужные и излишние исследования, которым это лицо подвергается, нарушают его права и законные интересы. Причем независимо от того, травмируют они подэкспертного или нет, унижают или не унижают. Мы вообще считаем недопустимость ненужных и избыточных исследований общим принципом, которым обязан руководствоваться судебный эксперт любой специальности, будь то психиатр, психолог, баллист или почерковед и т. п.

8. Автор статьи не согласен с нами в том, что обязательность КСППЭ по одной категории гражданских дел неизбежно повлечет за собой их обязательность по другим категориям дел, причем не только гражданских, но и уголовных.

Мы действительно так считаем и продолжаем считать. Ибо, если обязательность КСППЭ будет законодательно закреплена по тем делам, по которым эта экспертиза необходима в наименьшей степени, то вывод о ее необходимости по другим делам становится логически неизбежным. Причем данный принцип можно даже не закреплять в законе. Как только норма об обязательности КСППЭ появится в ст. 283 ГПК, следователи и судьи тотчас станут гораздо чаще назначать такие экспертизы и по всем другим делам тоже, ссылаясь на ст. 283 ГПК как на образцовый пример для подражания. Общее число назначаемых КСППЭ может очень быстро увеличиться многократно.

А вот особых опасений по поводу того, что само по себе существование института обязательной экспертизы способно привести к его чрезмерному распространению на другие дела, у нас нет.

9. Автор статьи упрекает нас в том, что мы используем аргумент, «не характерный для научного сообщества» – аргумент из серии «так никогда не делали». При этом он сам использует аргумент из серии «подмена тезиса». В своих рассуждениях основной упор мы делаем не на «беспрецедентность» как таковую. Мы говорим о том, что беспрецедентное для отечественного права законодательное закрепление обязательного производства комплексной экспертизы по одной категории дел действующему российскому законодательству не соответствует. Ибо в процессуальном законе и в законе о государственной судебно-экспертной деятельности закреплён совершенно иной принцип: комплексный характер экспертизы определяется в каждом конкретном случае либо органом, ее назначающим, либо руководителем экспертного учреждения⁶.

10. Оппоненту очень не понравилось, что занимаемую им и его коллегами по ряду вопросов позицию мы охарактеризовали словом «антипсихиатрическая». Нам брошен упрек и в том, что мы «заведомо сомневаемся в квалификации экспертов-психиатров», поскольку усматриваем неизбежные противоречия в их выводах и выводах психологов.

⁶ Статьи 200 и 201 УПК РФ, статья 82 ГПК РФ, а также абзац 2 статьи 21 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 № 73-ФЗ.

Автор статьи почему-то меряет квалификацию экспертов-психиатров только одним мерилom – насколько взгляды этих экспертов соответствуют взглядам психологов из Центра лечебной педагогики (ЦЛП) и насколько быстро и эффективно эксперты-психиатры сумеют освоить предлагаемые им законодательные нововведения. Однако ряд ведущих судебных психиатров вовсе не торопятся их осваивать, а подвергают их критике, доходящей иногда до полного неприятия. Такой вариант нашими оппонентами, видимо, не прогнозировался и не принимался в расчет. Между тем принципиальное несогласие судебных психиатров с предлагаемыми нововведениями и, следовательно, с теми психологами (как правило, не профессиональными экспертами), которые данные нововведения поддерживают, предвещает появление серьезных противоречий в будущем, в частности, при производстве конкретных экспертиз.

Теперь об «антипсихиатрии». В ходе дискуссии на одном из заседаний рабочей группы по подготовке законопроекта, содержащего анализируемые нами нововведения, его составители заявили: даже тяжелый аутизм является медицинской проблемой не более чем на 10%. Авторы этих строк, не будучи медиками, обратились за разъяснениями к психиатрам. Все, с кем довелось побеседовать на эту тему, с «тезисом о 10%» не согласились. Один опытный профессор в своем ответе тоже воспользовался образной ссылкой на проценты, сказав, что для него выраженный аутизм является более чем на 90% проблемой хронического психического расстройства в форме шизофрении. Но коль скоро психологи ЦЛП считают аутизм преимущественно не медицинской проблемой, а психиатры практически целиком относят его к сфере «большой» психиатрии, то позицию этих психологов можно, на наш взгляд, трактовать как «антипсихиатрическую». Сделав это в порядке объективной констатации факта, без каких-либо личных обид.

Кстати, пришло время поговорить и о психиатрии. Оба мы психиатрами не являемся, о чем авторы статьи не преминули нам напомнить. Видимо намекая тем самым, что, высказываясь по ряду вопросов, мы занимаемся явно не своим делом: возражаем как бы от имени судебных психиатров, тогда как сами они молчат (см. пункт девятый возражений). О том, что психиатры не молчат, мы уже говорили, хотя гораздо более важным представляется нам другое обстоятельство.

Начиная с весны 2014 г. сотрудники Центра имени В.П. Сербского, участвующие в заседаниях рабочей группы, неоднократно предлагали разработчикам законопроекта организовать встречу с представителями профессионального психиатрического сообщества с целью серьезного обсуждения ряда принципиальных вопросов. Такую встречу целесообразно было бы организовать под эгидой Главного внештатного специалиста психиатра Минздрава России и Российского общества психиатров. Необходимость встретиться и поговорить была обусловлена важностью для психиатрии ряда положений законопроекта. Однако встреча не состоялась, а по завершении работы над проектом нам объявили: напрямую общаться мы больше не будем, все остающиеся разногласия переносятся «на площадку Госдумы», т. е. на то время, когда законопроект будет официально направлен в Государственную Думу. Таким образом, сотрудники ЦЛП, часто апеллируя к психиатрам, встретиться с ними в широком формате общения так и не пожелали.

В своей статье оппонент усмотрел в занятой нами позиции по ст. 283 ГПК «признаки немотивированного страха» и даже «комплекс монополиста». Мы, со своей стороны, вправе спросить: кто же больше обьят страхом и закомплексован? Те, кто постоянно призывал сотрудников ЦЛП к открытому профессиональному диалогу с психиатрами или сами сотрудники, упорно от предложенного диалога уклонявшиеся?

Впрочем, все еще поправимо. Поэтому мы предлагаем в дальнейшем не обмениваться упреками и нелестными характеристиками. Ведь так и не состоявшийся ранее широкий междисциплинарный диалог можно организовать и сейчас. Как говорится, поезд еще не ушел. Если диалог состоится, то и не будет больше нужды вспоминать о взаимных претензиях и обидах. Режим открытого разговора предоставляет прекрасную возможность решить все накопившиеся вопросы и разобраться со всеми недоразумениями.

Commenting the article by P.Y. Kantor: counter-arguments

Safuanov F.S., *Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Head of the Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Shishkov S.N., *PhD (Law), Associate Professor, Leading Research Associate, V.P. Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation (shishkov50@mail.ru)*

The article presents objections to the arguments set out in article «Revisiting an issue of mandatory assignment of complex forensic psychological and psychiatric examination of legal capability: pro arguments» by P.Yu. Kantor in favor of legislative recognition of mandatory complex forensic psychological and psychiatric examination of legal capability in the case of adjudge a citizen incapable due to mental disorder. From the point of view of the theory and methodology of complex forensic psychological and psychiatric examination, the authors inappropriately constrict competence limits of forensic psychiatrists and ignore the possibility and the need to integrate medical and psychological knowledge in forensics. P. Yu. Kantor's theses about the total dominance of psychiatric examinations in civil proceedings and a painful and humiliating for subject forensic psychiatric examination in Russia are objectionable. The present paper shows negative organizational and legal consequences of this legal norm and proposes a wide interdisciplinary discussion on the problem.

Keywords: limited dispositive legal capacity, legal incapacitation, complex forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination in litigation proceedings, mandatory legal enquiry.

Юридические и методологические основы комплексной судебной экспертизы порнографических материалов

Бердников Д.В., кандидат медицинских наук, ведущий государственный судебный эксперт, федеральное бюджетное учреждение «Курская лаборатория судебной экспертизы» Министерства юстиции Российской Федерации (ФБУ «Курская ЛСЭ» Минюста России) (*berdnikov@rambler.ru*)

В статье проведен анализ юридического определения информации порнографического характера. Выделены две группы обязательных для ее квалификации критериев: описательные и целевые. Проведен анализ содержания описательных критериев информации порнографического характера и того, каким образом они должны быть зафиксированы. В качестве обязательного целевого критерия определена фиксация внимания на анатомических и физиологических особенностях сексуальных отношений. Отмечено, что понятие «порнография» является юридическим и не подлежит экспертной квалификации. Исходя из этого выделены некоторые методологические основы проведения комплексных психолого-лингвистических и психолого-искусствоведческих экспертиз. Сформулирован типовой вопрос, который должен ставиться на разрешение экспертов. Рассмотрены случаи необходимого привлечения к исследованиям врачей, а также критерии принятия экспертного решения. Кроме того, определен предмет, объект и основные задачи психологического исследования информации порнографического характера.

Ключевые слова: порнография, судебная экспертиза, текст, психологическое исследование.

Для цитаты:

Бердников Д.В. Юридические и методологические основы комплексной судебной экспертизы порнографических материалов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 18-24. doi: 10.17759/psylaw.2016060103

For citation:

Berdnikov D.V. Legal and methodological bases of comprehensive forensic enquiry of pornography. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no.1 pp.18-24.

doi: 10.17759/psylaw.2016060103

В настоящее время актуальность производства судебных экспертиз, связанных с правоприменением ст. 242, ст. 242.1 и ст. 242.2 УК РФ и переводом предусмотренных ими преступлений в разряд тяжких, является бесспорной. Этой тематике посвящен ряд научных работ, раскрывающих понятия субъекта и объекта преступления, особенностям его расследования, а также необходимости назначения судебной экспертизы для определения того, являются ли материалы порнографическими [3; 5]. Часть из них посвящена попыткам дать юридическое определение порнографии и в соответствии с этим определить, какой вид экспертизы необходимо проводить [7]. При этом практически единодушно считается, что порнография слита с материальным носителем, т. е. опредмечена в конкретных вещах [4]. Однако в попытках определить порнографию юристы и некоторые эксперты, как и прежде опираются на не всегда адекватное ее разграничение с эротикой, что ранее уже приводило к сложностям квалификации и проблемам в назначении и дальнейшем производстве судебной экспертизы.

В то же время в современном законодательстве существует единственное определение, позволяющее прояснить сложившуюся ситуацию и выделить параметры необходимой судебной экспертизы. Так в Федеральном законе от 29.12.2010 №436-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в ст. 2 п. 8 указывается, что «информация порнографического характера – информация, представляемая в виде натуралистических изображений или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного». Соответственно, анализ представленных положений позволяет выделить юридические значения, определяющие необходимые экспертные понятия, сферы специальных знаний и пределы компетенции экспертов.

Во-первых, определение имеет описательный характер, т. е. перечисление групп необходимых признаков того «что» должно быть изображено или описано.

1. Натуралистическое изображение или описание половых органов человека, как самостоятельно, так и в совокупности с половым сношением либо сопоставимым с ним действием сексуального характера. Следует отметить, что изображение или описание «половых органов человека» чаще всего ограничивается фиксацией внимания на наружных половых органах (пенис, мочеиспускательный канал, мошонка; лобок, большие и малые половые губы, клитор, половая щель, преддверие влагалища, девственная плева, бартолинова железа). Кроме того, использование законодателем ассоциированного союза и (или) указывает на то, что данный признак является как самостоятельным, так и не обязательным для перечисленных далее.

2. Натуралистическое изображение или описание полового сношения. Юридическое понимание термина «половое сношение», согласно, например, ст. 131 УК РФ, – достаточно узкое и сводится только к вагинальному половому акту между мужчиной и женщиной [2]. При этом если изображение или описание половых органов человека является необязательным, то становится достаточно демонстрации натуралистической имитации полового сношения, что также подтверждается положениями п. 11 той же статьи закона.

3. Натуралистическое изображение или описание сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера. Понятие «сопоставимое с половым сношением действие сексуального характера» в соответствии с толкованиями по ст. 132 УК

РФ имеет наиболее широкий смысл. Оно включает не только гомосексуальные половые акты, но и различный спектр направленных на сексуальное удовлетворение действий, в том числе замещающие формы половой активности (например, мастурбацию, петтинг и т. д.).

4) Натуралистическое изображение или описание полового сношения, в том числе сопоставимого с ним действия сексуального характера, совершаемого в отношении животного, охватывает демонстрацию всего спектра актов зоофилии.

Во-вторых, п. 11 той же статьи Федерального закона дает необходимые разъяснения о том, «как», каким образом должны быть зафиксированы перечисленные выше признаки. В ней указывается, что «натуралистическое изображение или описание – изображение или описание в любой форме и с использованием любых средств человека, животного, отдельных частей тела человека и (или) животного, действия (бездействия), события, явления, их последствий с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах». Следовательно указание на достижение натуралистичности использованием изображений, любой формы описания, а также любых средств позволяет относить к информации порнографического характера, кроме прочего, рисованные, анимированные, стихотворные и иные продукты, имеющие соответствующие признаки. При этом достаточно фиксации частей тела, а также действий и бездействия (например, фотография некой позы), явлений, их последствий (например, эякуляции как следствия полового акта и сексуальной разрядки). Также несложно заметить, что в данном пункте законодателем делается попытка ввести элементы целевого критерия оценки информации, т. е. не только как и что изображается и описывается, но и «зачем» – для обязательной фиксации внимания на неких особенностях. К таковым отнесены детали, анатомические подробности в совокупности с физиологическими процессами, физиологические процессы (например, эрекция, lubricация, фрикции, эякуляция).

Таким образом, именно целевой критерий становится основным для определения порнографического характера информации. В то же время, по нашему мнению, оно не совсем удачное. Под него попадают медицинская (по анатомии, физиологии, сексологии), обучающая, историческая литература («Камасутра») и художественные фильмы («Калигула», реж. Тинто Брасс и Боб Гуччионе, 1979). С другой стороны, для него не вполне подходят видеозаписи с участием малолетних девочек, одетых в кружевное белье, демонстрирующих область паха, промежности и совершающих сексуальные телодвижения, используемые педофилами в качестве сексуального фетиша.

В-третьих, в п. 8 ст. 2 Федерального закона фиксируется внимание на том, что порнографический характер имеет именно «информация», а в статьях 242, 242.1 и 242.2 УК РФ зафиксировано понятие «порнография». Более того, ни в одной науке нет обоснования данных определений. Из этого имеет место два следствия.

С одной стороны, можно утверждать, что они являются исключительно юридическими и их квалификация не входит в компетенцию какого-либо эксперта. Эксперт способен лишь научно обоснованно установить наличие или отсутствие соответствующих признаков и критериев.

С другой стороны, экспертный анализ представленных на исследование материалов должен строиться на тех же основаниях и принципах, что и любой другой информации, т. е. с опорой на целевой критерий ее оценки. Это позволяет определить круг экспертов, специальные знания которых дают возможность анализировать цели создателей исследуемых материалов. К ним однозначно не относятся культурологи, антропологи и врачи, рассматривающие информацию с описательных, либо нравственных позиций. Такие

исследования должны проводить психологи, искусствоведы, лингвисты и лишь в некоторых случаях должны привлекаться врачи.

Наиболее детально универсальные принципы анализа информации разработаны для исследования содержания экстремистских материалов [6]. В соответствии с ними натуралистические описания необходимо рассматривать как текст и проводить комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Натуралистические же изображения также являются текстом, но креолизованным, применительно к которому необходимо проводить комплексные психолого-искусствоведческие экспертизы. Исходя из положений ст. 2 Федерального закона №436-ФЗ перед экспертами может ставиться следующий типовой вопрос: «*Имеются ли в представленных материалах признаки информации порнографического характера?*». При этом эксперты должны решить две задачи. В соответствии с п. 8 необходимо установить, «что» представлено в исследуемой информации и достаточным ли будет определение хотя бы одного из перечисленных признаков. Однако решение данной задачи не позволяет в полной мере ответить на поставленный вопрос, так как, согласно п. 11, необходимо выяснить, с какой целью, «зачем» это сделано ее автором. Кроме того, при правоприменении ст. 242.1 и 242.2 УК РФ перед экспертами часто ставится дополнительная задача – установление того, достигли ли четырнадцатилетнего или восемнадцатилетнего возраста зафиксированные на видеозаписи дети или подростки. Решение именно этих вопросов требует привлечения врачей педиатров, сексологов, гинекологов.

Применительно к деятельности судебного эксперта-психолога можно утверждать, что при исследовании информации, предположительно порнографического характера, как и любой другой, объектом является текст, как замкнутая система иерархической содержательно-смысловой структуры элементов и продукт коммуникативной деятельности человека (его автора) [1]. Именно в нем зафиксирована информация, как предназначенная для оказания необходимого воздействия на ее получателя, так и отражающая особенности психической деятельности ее автора. Исходя из этого, предметом исследования являются зафиксированные и отраженные в тексте фактические данные об особенностях функционирования психической деятельности автора, имеющие юридическое значение и влекущие правовые последствия. Соответственно, основной задачей эксперта-психолога становится диагностика отраженных в «тексте» намерения, мотива, цели автора, сводящихся к стремлению фиксировать внимание адресата на изображенных или описанных анатомических особенностях или аспектах сексуального поведения людей. При этом приводимые различными авторами многочисленные признаки порнографии, типа демонстрации деиндивидуализированного секса, отведение большинства экранного времени демонстрации полового акта, использование крупных планов для показа натурализма области гениталий, сексуальных манипуляций и т. д., являются лишь отдельными составляющими целевого критерия оценки информации.

Таким образом, проведенный анализ законодательного определения информации порнографического характера позволяет выделить некоторые методологические основы проведения комплексных психолого-лингвистических и психолого-искусствоведческих экспертиз, случаи необходимого привлечения к экспертизе врачей, предмет, объект и основные задачи психологического исследования. Представляется, что использованный подход открывает перспективы для дальнейшей разработки методики судебной экспертизы порнографических материалов, определения задач и границ компетенции экспертов различных специальностей.

Литература

1. *Бердников Д.В.* Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. 2014. № 4 (36). С. 10–15.
2. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов [и др.]. М.: Инфра-М, 2001. 790 с.
3. *Гусарова М.В.* Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 262 с.
4. *Миллерова Е.А.* Основные проблемы квалификации незаконного распространения порнографических материалов или предметов по объективным признакам // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 4(11). С. 34–36.
5. *Миллерова Е.А.* Особенности квалификации преступлений по статье 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Публичное и частное право. 2013. № III. С. 84–88.
6. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюста России, 2014. 98 с.
7. *Шмыков Д.В.* К юридическому определению порнографии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2(20). С. 268–272.

Legal and methodological bases of comprehensive forensic enquiry of pornography

Berdnikov D.V., PhD (Medicine), Leading State Forensic Expert, Kursk forensic laboratory, Ministry of Justice of the Russian Federation (berdnikov@rambler.ru)

The article gives an analysis of the legal definition of pornography. The author identified descriptive and target criteria groups which are required for the analysis and analyses the content of descriptive criteria of pornography and the way how they should be documented. Fixing attention to the anatomical and physiological characteristics of the sexual relations is determine as necessary target criterion. It is noted that the term "pornography" is a legal and cannot be subject of expertise. That is why author underlined some methodological basis of complex psycholinguistic and psycho-art expertise. The article presents general issue depends on expert conclusion and studies cases where the research is necessary to involve doctors, as well as criteria for expert's opinion. Besides that, author defined subject, object and main tasks of psychological studies of pornographic information.

Keywords: pornography, forensic enquiry, text, psychological research.

References

1. Berdnikov D.V. Psikhologicheskoe issledovanie ekstremistskogo teksta: teoreticheskie aspekty [Psychological assessment of extremist texts: theoretical aspects]. Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy: nauch.-prakt. zhurn. [Theory and practice of forensic expertise: scient.-pract. journal], 2014, no. 4 (36), pp. 10–15.
2. Bol'shoj juridicheskij slovar' [Big Law Dictionary]. Dodonov V.N. [i dr.]. Moscow: Publ. Infra-M, 2001. 790 p.
3. Gusarova M.V. Nezakonnyj oborot pornograficheskikh materialov ili predmetov: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. Dis. ... kand. jurid. nauk [Illegal circulation of pornographic materials or objects: criminal-legal and criminological aspects. PhD (Law) diss.]. N. Novgorod. 2010. 262 p.
4. Millerova E.A. Osnovnye problemy kvalifikacii nezakonnogo rasprostraneniya pornograficheskikh materialov ili predmetov po obektivnym priznakam [The basic problems of qualification of illegal distribution of pornographic materials or subjects to objective attributes]. Vektor nauki TGU. Seriya: Juridicheskie nauki [Vector TSU. Series: Jurisprudence], 2012, no. 4(11), pp. 34–36.
5. Millerova E.A. Osobennosti kvalifikacii prestuplenij po stat'e 242.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Peculiarities of qualifying crimes by clause 242.2 of the Criminal

Code of the Russian Federation]. *Publichnoe i chastnoe pravo [Public and Private Law]*, 2013, no. III, pp. 84–88.

6. Kukushkina O.V., Safonova Ju.A., Sekerazh T.N. *Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [Methods of conducting the forensic psychologico-linguistic expertize of materials from cases connected with counteraction against extremism and terrorism]*. Moscow: FBU RFCSJe pri Minjusta Rossii, 2014. 98 p.
7. Shmykov D.V. *K juridicheskomu opredeleniju pornografii [On juridical defining the pornography]*. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Yuridical sciences]*, 2013, no. 2(20), pp. 268–272.

Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 2. Результаты эмпирического исследования) ¹

Будыкин С.В., аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (*moscow858@yandex.ru*)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (*dvorian@gmail.com*)

Бовина И.Б., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (*innabovina@yandex.ru*)

В настоящей работе предлагается вторая часть работы по проблеме информационной безопасности детей и подростков в понимании родителей и учителей. В фокусе внимания в этой части работы – результаты эмпирического исследования, целью которого является изучение так называемых «наивных теорий» об информационной безопасности.

В исследовании приняли участие 136 человек (в возрасте от 21 до 62 лет). Мы исходили из следующих предположений: 1) группы родителей и учителей сходным образом понимают угрозу информационной безопасности детей и подростков, но различаются в понимании последствий воздействия опасной информации на детей и подростков: родители преуменьшают серьезность последствий по сравнению с учителями; 2) в понимании родителей и учителей именно на родителях в первую очередь лежит ответственность за обеспечение информационной безопасности детей, в меньшей степени – на учителях; при этом учителя ожидают от родителей таких действий, как контроль, запрет, ограничение доступа детей и подростков к информации. Родители, в свою очередь, ожидают от учителей действий по обучению детей и подростков правилам информационной безопасности, а также безопасному поведению в Интернете. Предположения получают частичную эмпирическую поддержку. Полученные результаты обсуждаются в рамках теории социальных представлений.

¹Работа стала возможной благодаря финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 15-06-10649.

Ключевые слова: информационная безопасность детей и подростков, теория социальных представлений, риск, родители, учителя.

Для цитаты:

Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 2. Результаты эмпирического исследования). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 25-38. doi: 10.17759/psylaw.2016060104

For citation:

Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Information Security of Children and Adolescents According to Parents and Teachers (Part 2: The Results of an Empirical Study). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.25-38. doi: 10.17759/psylaw.2016060104

Изменения, происходящие в современном мире, обусловленные техническим и экономическим развитием, приводят к возникновению нового типа риска [1]. Этот риск, точно охарактеризованный У. Бекком, имеет следующие отличительные признаки: 1) выходит за *временные ограничения*, как следствие, он может воздействовать на будущие поколения; 2) преодолевает *пространственные границы*, т. е. выходит за различного рода национальные границы, таким образом, его воздействие глобально; 3) для этого типа риска не существует каких-либо *социальных границ*, он затрагивает судьбы большого числа различных людей [6]. Нет сомнений в том, что люди сталкиваются с новым типом риска, используя традиционные и современные средства массовой коммуникации, причем наиболее уязвимыми к его воздействию оказываются дети и подростки [15]. Насколько позволяют судить исследования по проблеме восприятия риска, люди едва ли могут безошибочно оценивать риск того или иного явления [6; 9]. Очевидно, что в современном мире люди вынуждены в той или иной мере адаптироваться к тому, что ситуаций с «0% риска» не существует, и тогда вопрос заходит о стратегиях управления риском. Эта проблема получает значимость в связи с необходимостью защитить детей и подростков от различного рода информации, которая угрожает их благополучию.

Проблема информационной безопасности оказывается в фокусе публичного дискурса: с одной стороны, на это указывает факт принятия соответствующего закона (уровень политического дискурса), с другой – принятие к действию концепции об информационной безопасности детей, как следствие – обсуждение того, как обеспечить информационную безопасность, в частности, в рамках телевизионных передач [3] (уровень публичных дебатов). Все это только еще раз говорит в пользу того, что информационная безопасность является объектом обыденных представлений, и теория социальных представлений [19] – продуктивная теоретическая рамка для изучения обозначенной проблемы.

Таким образом, нами было предпринято исследование в рамках теории социальных представлений, направленное на изучение того, как взрослые люди понимают информационную безопасность детей и подростков, какие стратегии поведения связывают с ее обеспечением. В глобальном исследовании, реализованном в 28 европейских странах, было продемонстрировано [16], что родители оказываются в затруднительной ситуации, относительно того, какую стратегию поведения выбрать в связи с широким распространением Интернета. Насколько позволяют судить статистические данные

относительно использования Интернета, дети и подростки достаточно самостоятельно используют Интернет, причем это мировая тенденция [4; 8; 12; 13; 14; 17]. Очевидно, что эта самостоятельность ставит под угрозу здоровье и развитие детей и подростков. Зачастую родители затрудняются оценить риск той или иной информации, с которой дети сталкиваются в Интернете, или оценить продолжительность использования Интернета их детьми, не знают точно, с кем общаются их дети в социальных сетях [3; 13; 16; 17]. Кроме того, родители скорее ожидают, что именно школа должна взять на себя функции обучения детей и подростков правилам информационной безопасности в связи с использованием Интернета [15; 16]. Предположения о том, насколько учителя готовы обеспечивать информационную безопасность детей, можно выстраивать на основе результатов немногочисленных опросов, полученных группой отечественных исследователей на примере анализа проблемы информационной безопасности в Интернет-пространстве [4]. Отметим при этом, что мы говорим в данной работе об информационной безопасности в целом, не ограничиваясь только Интернет-пространством.

Программа исследования. *Цель* исследования – изучение специфики обыденного понимания информационной безопасности детей и подростков, в частности, нас интересовало то, как в своей повседневной жизни взрослые (родители и учителя) понимают то, какая информация угрожает детям, в чем именно заключается ее вред, откуда исходит эта информация, какие действия ожидаются родителями и учителями друг от друга в связи с обеспечением информационной безопасности детей и подростков. Таким образом, в наши задачи входил анализ так называемых «наивных теорий» [19], которые порождаются родителями и учителями для объяснения того, что такое информационная безопасность, и которые используются ими в повседневной жизни. Сравнение того, как родители и учителя понимают, что такое информационная безопасность детей и подростков, открывает возможность рассматривать специфику социальных представлений, обусловленную разным способом взаимодействия с этой проблемой – в семейном и профессиональном контекстах. В качестве дополнительной задачи мы планировали предпринять сравнительный анализ обыденного понимания информационной безопасности для детей и подростков, а также ожиданий в отношении действий по ее обеспечению.

Объектом исследования были учителя и родители. Всего в исследовании приняли участие 136 человек в возрасте от 21 до 62 лет, из них – 50 родителей (M= 35,16 лет; SD=6,4 лет, 42 женщины и 7 мужчин) и 86 учителей ряда московских школ (M= 41,8 год; SD=9,9лет, 76 женщин, 6 мужчин, 4 респондентов не указали свой пол).

49 человек в группе родителей имеют высшее образование, 1 – среднее; в группе учителей – 76 человек – с высшим образованием, 3 – со средним образованием, 7 – не указали уровень своего образования.

33 человека в группе родителей состоят в браке, 1 человек не указал своего семейного положения, 11 человек – в разводе, остальные – в браке не состоят.

31 человек в группе родителей имеют одного ребенка, 14 родителей – по 2 ребенка, 5 – по 3 ребенка. Возраст детей составляет от 6 месяцев до 21 года, каждый родитель имеет хотя бы одного несовершеннолетнего ребенка.

Предметом исследования были особенности обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах родителей и учителей.

Мы исходили из общего положения о том, что группы родителей и учителей сходным образом интерпретируют угрозу информационной безопасности детей и подростков, но различаются в понимании последствий воздействия опасной информации на детей и

подростков, а именно: родители преуменьшают серьезность последствий по сравнению с учителями.

Также предполагалось, что в понимании родителей и учителей на родителях в первую очередь лежит ответственность по обеспечению информационной безопасности детей и подростков, в меньшей степени – на учителях; при этом учителя ожидают от родителей таких действий, как контроль, запрет, ограничение доступа детей и подростков к информации. Родители, в свою очередь, ожидают от учителей действий по обучению детей и подростков правилам информационной безопасности, а также безопасному поведению в Интернете.

Основным **методом** исследования был **опрос** в варианте анкеты. В соответствии с теорией социальных представлений, ключевыми методиками были: методика свободных ассоциаций [10; 11], а также методика незаконченных предложений. Анкета состояла из четырех частей. В *первой части* содержалась ассоциативная методика². Респондентам предлагалось написать не менее пяти понятий или выражений, которые приходят им в голову, когда они думают об информационной безопасности детей, далее каждый ответ требовалось оценить с точки зрения его значимости (по шкале от 1 до 10), а также с точки зрения валентности понятия для респондента (по шкале от -3 до +3).

Во *второй и третьей частях* анкеты содержалась серия незаконченных предложений, направленных на выявление того, как родители и учителя понимают: какая информация является опасной для детей и подростков, каков источник этой информации, каково ее воздействие на них, на ком возлежит ответственность за обеспечение информационной безопасности, какие действия они принимают на своем уровне и что ожидают от других (родители от учителей, а учителя – от родителей). Причем, во второй части речь идет об информационной безопасности детей, а в третьей – об информационной безопасности подростков. В *четвертой части* содержались социально-демографические вопросы, а также вопросы относительно действий респондентов, связанных с обеспечением информационной безопасности детей и подростков. Основным методом анализа полученных данных был частотно-смысловой анализ.

Описание и анализ результатов. Как показал анализ данных, полученных с помощью ассоциативной методики, обыденные представления об информационной безопасности детей в группах родителей и учителей выстраиваются вокруг двух основных тем – угроза информационной безопасности детей и противостояние этой угрозе [5]. С помощью серии незаконченных предложений мы предполагали уточнить специфику обыденного понимания информационной безопасности детей и подростков. В названии Федерального закона говорится об информационной безопасности детей (это понятие присутствует в общественном дискурсе), при этом понятие «дети», по сути, указывает на несовершеннолетних, а возрастная градация информационной продукции подразделяется на пять возрастных категорий (0+,6+,12+,16+,18+), где для каждого возраста определены свои ограничения. С психологической точки зрения, имеет смысл выделить две категории – «дети» и «подростки», ибо, с нашей точки зрения, действия по обеспечению информационной безопасности разнятся. Таким образом, в нашем исследовании мы решили

² Будучи ограниченными объемом статьи, результаты сравнения специфики представлений об информационной безопасности детей в группах родителей и учителей, полученные с помощью этой методики, были изложены нами в отдельной работе [2]. В предлагаемой вниманию читателей статье речь пойдет, в первую очередь, о результатах, полученных с помощью методики незаконченных предложений. Наряду с этим, мы уделим внимание результатам дополнительного анализа данных, полученных с помощью ассоциативной методике в группе родителей.

проследить, как родители и учителя понимают специфику опасности информации для этих групп, а также, насколько они готовы к реализации соответствующих мер в каждом случае.

Группа родителей. Всего был получен 126 ответов в случае опасной информации для детей и 113 ответов – в случае опасной информации для подростков.

Основные темы, которые родители считают опасными для детей, таковы: *насилие* (насилие, жестокость, агрессия, убийство, самоубийство) – 33 ответа; *информация сексуального содержания* (сексуальные отношения, порнография, нетрадиционная сексуальная ориентация) – 30 ответов; *ПАВ и их употребление* (наркотики, алкоголь, курение) – 17 ответов, *информация о действиях, нарушающих нормы и правила* (противоправные действия, аморальные действия) – 10 ответов, *информация, не соответствующая возрасту* – 7 ответов, *искажение информации* – 7 ответов, *смерть* (смерть, катастрофы, массовые жертвы) – 5 ответов, *экстремистские взгляды* – 5 ответов, *пропаганда* – 4 ответа³.

Итак, можно говорить о некоторой иерархии тем, которые, с точки зрения родителей, являются опасными для детей. В первую очередь, это темы, касающиеся насилия, информация сексуального содержания, а также темы, связанные с употреблением психоактивных веществ. Основные темы, которые в понимании родителей являются опасными для подростков, таковы: *насилие* (насилие, жестокость, агрессия, убийство, самоубийство) – 43 ответа; *ПАВ и их употребление* (наркотики, алкоголь, курение) – 25 ответов; *информация сексуального содержания* (сексуальные отношения, порнография, нетрадиционная сексуальная ориентация) – 14 ответов; *информация о действиях, нарушающих нормы и правила* (противоправные действия, аморальные действия) – 7 ответов; *секты* – 4 ответа; *вред психическому и физическому здоровью* – 4 ответа; *искажение информации* – 3 ответа.

Подкатегория «самоубийство» чаще упоминалась в случае подростков, чем детей (10 ответов против 2 ответов). Категория «ПАВ и их употребление» чаще упоминалась в случае подростков, чем детей. В целом же, понимание того, какая информация является опасной, сходно в случае детей и подростков.

Источниками опасной информации в случае детей (всего 86 ответов) являются: Интернет – 30 ответов, телевидение – 24 ответа, сверстники – 17 ответов, СМК в целом – 6 ответов, сами родители – 6 ответов. В случае подростков источники опасной информации (всего 96 ответов) таковы: Интернет – 39 ответов, сверстники – 31 ответ, телевидение – 18 ответов, взрослые – 5 ответов, СМК в целом – 3 ответа. В понимании родителей в подростковом возрасте опасная информация в большей степени разделяется в общении со сверстниками, по сравнению с детьми.

Родители интерпретируют эффект столкновения детей с опасной информацией (68 ответов) следующим образом: вред здоровью и развитию, травма – 23 ответа, изменение поведения в соответствии с тем, что увидел – 11 ответов, неправильное понимание информации – 10 ответов, интерес – 10 ответов. В случае подростков родителей в большей степени заботит воспроизведение увиденного опыта, попадание в опасные ситуации в силу того, что продемонстрированное поведение заинтересует подростков и может быть реализовано в действии – 32 ответа из 65. Общая категория «вред здоровью и развитию, травма» в меньшей степени представлена в случае подростков – 11 ответов из 65. Редко встречались категории «интерес к опасной информации» или «искаженное понимание информации» – по 5 ответов соответственно.

³ Здесь и далее единичные ответы были объединены в категорию «другое».

В понимании родителей ответственность за обеспечение информационной безопасности детей лежит на родителях (38 ответов из 89), в меньшей степени – на государстве в целом (21 ответ) и школе (17 ответов). Аналогично – в случае подростков: родители (43 из 102 ответов), школа (21 ответ), государство (18 ответов).

Относительно ожиданий родителей от учителей как агентов, обеспечивающих информационную безопасность детей, было получено 68 ответов. В первую очередь родители ожидают от учителей разнообразных действий по обеспечению информационной безопасности детей (35 ответов): обсуждение того, что является опасным для детей, обучение правилам безопасности (профилактические занятия по использованию Интернета), обучение тому, чтобы дети умели говорить о своих чувствах, о своих страхах. В меньшей степени родители ожидают от учителей контроля за информацией и ограничения в ее использовании детьми (10 ответов). В незначительной степени родители ожидают от учителей действий по объяснению самим родителям сути информационной безопасности или взаимодействия с родителями по этому поводу (5 ответов). Остальные ответы касались квалификации учителей (8 ответов), специфики контакта с детьми (4 ответа), другое (6 ответов).

Ожидания о действиях учителей в отношении подростков (73 ответа) сходны с ожиданиями о действиях в случае детей: разнообразные действия по обеспечению информационной безопасности подростков (36 ответ): информирование об опасности, обсуждение и объяснение того, что является опасным для подростков, обучение правилам безопасности (профилактические занятия по использованию Интернета), обучение работе с источниками. В меньшей степени родители ожидают от учителей наблюдения за учениками, их состоянием, интересами (11 ответов). Другая группа ответов касается квалификации учителей (12 ответов). Еще одна группа ответов касается воспитания подростков, развития критического мышления (7 ответов). Едва ли можно говорить о разнице в ожиданиях родителей относительно действий учителей в случае детей и подростков.

Респонденты декларировали, что для обеспечения информационной безопасности собственных детей ими используется одна из трех стратегий действий: *первая стратегия* (12 респондентов) – контроль за информацией или ограничение информации (преимущественно речь идет об ограничении и контроле за информацией, которую дети и подростки получают, используя Интернет, а также в связи с просмотром телевизионных передач, мультфильмов и фильмов, в редкий случаях речь шла о контроле за кругом общения, хотя, как было сказано выше, сверстники рассматриваются родителями как источник получения опасной информации); *вторая стратегия* (14 респондентов) – взаимодействие с ребенком в той или иной форме (с одной стороны, речь идет о специфических действиях, как, например, объяснение вреда информации, обсуждение фильмов и передач, обучение ребенка тому, как пользоваться Интернетом, как быть, если столкнулся опасной информацией, как раз тот способ действий родителей, который, согласно ряду исследований [9,16], является наиболее эффективным с точки зрения управления риском, с которым дети и подростки сталкиваются в современном мире; с другой стороны речь идет об общих действиях – воспитании ребенка, построении доверительных отношений). Наконец, *третья стратегия* (23 респондента) сочетала в себе как контроль и ограничение информации, так и обсуждение с детьми опасности той или иной информации, организацию досуга. В соответствии с теорией социальных представлений, социальная практика, стратегия поведения, являются фактором изменения представлений об объекте, на который направлены эти действия [18,20]. Таким образом, в процессе обработки данных у нас возникло рабочее предположение, согласно которому, в

трех группах родителей будут иметь место разные представления об информационной безопасности, оправдывающие стратегию действий. Анализ представлений в группе родителей позволил выявить две темы, вокруг которых выстраивается представление об информационной угрозе: собственно угроза информационной безопасности детей и противостояние ей [2]. Планируя дополнительный анализ данных ассоциативной методики, мы предполагали, что значимость темы «угроза информационной опасности» наибольшая в группах родителей с первой и третьей стратегией, ибо необходимо понимать, какую информацию нужно контролировать, с какой информацией ограничивать столкновение. В группе со второй стратегией – значимость этой темы будет ниже, чем в остальных группах. Аналогичным образом, группы будут различаться в оценках валентности угрозы: респонденты в группах с первой и третьей стратегиями будут негативнее оценивать угрозу, чем респонденты со второй стратегией. Серии дисперсионного анализа, однако, не позволили принять это предположение – различия в ожидаемом направлении не были обнаружены: оценка значимости темы – $F(2,108)=3,1$, $p<0,049$, при этом разница на маргинальном уровне значимости ($p<0,053$) по критерию Шеффе была обнаружена между группами с первой и третьей стратегиями действий; разница в оценке валентности темы отсутствовала – $p<0,26$. Факт отсутствия разницы в понимании угрозы информационной безопасности детей в группах с различной стратегий действий может быть проинтерпретирован в соответствии с тем, что связь поведения и представлений не столь однозначна и линейна, на что было указано в работе Л. Салесс [20]. Действительно, необходима большая детализация стратегии поведения, что позволило бы проанализировать динамику социальных представлений об объекте действий. Несомненно, что во внимание стоит принимать и факт того, что родители имеют детей разного возраста (детей и подростков, например), а это определяет как понимание угрозы, так и стратегию поведения по обеспечению информационной безопасности. Наше внимание в последующих исследованиях будет направлено на анализ информационной безопасности в группах родителей, разделенных по критерию возраста их детей.

Группа учителей. При уточнении того, какая именно информация видится учителям опасной для детей, было получено 198 ответов, для подростков – 167 ответов. Основные темы, которые учителя считают опасными для детей, таковы: *насилие* (насилие, жестокость, убийство, самоубийство, войны) – 63 ответов; *ПАВ и их употребление* (наркотики, алкоголь, курение) – 43 ответа; *информация сексуального содержания* (сексуальные отношения, порнография, проституция) – 19 ответов; *информация о действиях, нарушающих нормы и правила* (противоправные действия, нецензурная брань) – 17 ответов; *экстремистские взгляды* – 12 ответов; *угроза здоровью и развитию* – 8 ответов, *информация, не соответствующая возрасту* – 5 ответов; *пропаганда* – 5 ответов.

В случае подростков понимание учителями опасной информации было категоризировано следующим образом: *насилие* (насилие, жестокость, убийство, самоубийство, оружие) – 64 ответа; *ПАВ и их употребление* (наркотики, алкоголь, курение) – 37 ответов; *информация о действиях, нарушающих нормы и правила* (противоправные действия, преступления, нецензурная брань) – 16 ответов; *информация сексуального содержания* (сексуальные отношения, порнография) – 15 ответов; *экстремистские взгляды* – 10 ответов; *угроза здоровью и развитию* – 7 ответов; *информация, не соответствующая возрасту* – 4 ответа.

Учителя имеют достаточно дифференцированную картину того, какая именно информация угрожает детям. Как и в случае родителей, есть определенная иерархия тем, в первую очередь речь идет о насилии и о психоактивных веществах, причем, в обеих группах наибольшую озабоченность вызывает информация о наркотических веществах – по

сравнению с алкоголем и табаком, информация сексуального характера и информация о нарушении правил и норм. Если сравнить полученные ответы в группе родителей и учителей, то можно отметить, что обе группы респондентов сходятся в своем понимании того, какая информация угрожает детям и подросткам, первые четыре темы, при некотором варьировании рангов, совпадают. Этот факт еще раз говорит в пользу нашего предположения о том, что респонденты в группах родителей и учителей сходным образом понимают угрозу информационной безопасности детей и подростков.

Источниками опасной информации для детей являются (всего 167 ответов): Интернет – 75 ответов, телевидение – 41 ответ, сверстники – 26 ответов, СМК в целом – 9 ответов, взрослые – 4 ответа. В случае подростков: Интернет (75 ответов из 133), сверстники (29 ответов), телевидение (19 ответов), СМК в целом (9 ответов). Иерархия источников сходна с той, которая была получена в группе родителей. Учителя, как и родители, считают сверстников важным источником опасной информации в случае подростков в большей степени, чем в случае детей.

С точки зрения учителей, последствия столкновения детей с опасной информацией таковы (130 ответов): вред здоровью и развитию, травма – 49 ответов; изменение поведения в соответствии с тем, что увидел ребенок – 38 ответов; неправильное понимание информации – 14 ответов; информированность – 7 ответов; обращение к взрослым за разъяснением – 5 ответов. Учителя едва ли ожидают от детей обращения за советом к взрослым. В случае подростков учителя видят последствия следующим образом (102 ответа): изменение поведения в соответствии с тем, что увидел подросток – 37 ответов; вред здоровью и развитию, травма – 25 ответов; искаженная картина мира – 9 ответов; информированность – 8 ответов; разделение информации с другими – 4 ответа. При общем сходстве понимания эффектов от воздействия опасной информации обращает на себя внимание то, что, с точки зрения учителей, изменение поведения занимает первую позицию в иерархии, подростки, скорее, делятся информацией со своим окружением, чем обращаются с вопросами к взрослым; кроме того, воздействие опасной информации оборачивается, с точки зрения учителей, искаженной картиной мира подростка, когда воспринимаются как нормальные те или иные действия, которые, в понимании учителей, таковыми не являются. Как и в случае группы родителей, единичные ответы свидетельствовали об отсутствии эффекта. Сравнение того, как родители и учителя понимают последствия воздействия опасной информации на детей, говорят, скорее, в пользу отсутствия разницы между этими группами. В понимании респондентов обеих групп суть воздействия опасной информации сводится к общему вреду здоровью и развитию детей, а также в возникновении поведенческих изменений (в общем варианте – попробовать сделать то, что видел, или в конкретном варианте – ожесточиться, сделаться агрессивным). В случае понимания того, как опасная информация воздействует на подростков, опять же можно говорить о сходстве, в первую очередь и родители, и учителя опасаются воспроизведения того поведения, с которым подросток ознакомился. Также родители говорят об искаженном понимании информации, а учителя – об «искажении картины мира подростка». В нашем предположении мы исходили из того, что родители и учителя различаются в понимании последствий воздействия опасной информации на детей и подростков, а именно: родители преуменьшают серьезность последствий по сравнению с учителями. Полученные результаты не позволяют принять это предположение.

Вопрос, который видится интересным для последующего анализа: подразумевается ли однократное столкновение с опасной информацией или многократное, как родители и учителя понимают процесс изменения поведения?

В понимании учителей ответственность за обеспечение информационной безопасности детей лежит, в первую очередь, на родителях (69 ответов из 165), в меньшей степени – на государстве в целом (35 ответов) и школе (34 ответа). В случае информационной безопасности подростков: на родителях (57 из 137 ответов), школе (28 ответа), государстве (23 ответа). Сходная иерархия имела место и в группе родителей.

Ожидания учителей в отношении действий родителей, нацеленных на обеспечение информационной безопасности детей, таковы (156 ответов): запрет, ограничение, контроль за информацией, интересами ребенка и его друзьями – 83 ответа; воспитание, доверительное общение, организация досуга – 53 ответа; обсуждение информации, объяснение и обучение – 20 ответов. В случае подростков (124 ответа): запрет, ограничение, контроль за информацией, интересами подростка и его друзьями – 68 ответов; воспитание, доверительное общение, организация досуга – 28 ответов; объяснение вреда, профилактические беседы и обучение – 23 ответа.

Обращает на себя внимание тот факт, что учителя отдают предпочтение действиям контроля (за информацией, за интересами и кругом общения подростка), ограничения информации, нежели объяснению опасности, обучению тому, как быть в ситуации столкновения с опасной информацией.

Сравнение ожиданий родителей и учителей в отношении действий по обеспечению информационной безопасности позволяет говорить о том, что наше предположение о том, что учителя ожидают от родителей таких действий, как контроль, запрет, ограничение доступа детей и подростков к информации, а родители, в свою очередь, ожидают от учителей действий по обучению детей и подростков правилам информационной безопасности, а также безопасному поведению получает эмпирическую поддержку.

Выводы. Реализованное нами исследование, позволяет сделать следующие выводы: родители и учителя сходным образом понимают угрозу информационной безопасности детей и подростков, в каждом случае имеет место достаточно дифференцированная картина того, что является опасной информацией. Иерархия опасных тем такова: насилие, психоактивные вещества и их использование, информация сексуального характера, информация о действиях, нарушающих нормы и правила.

Родители и учителя сходным образом интерпретируют последствия воздействия опасной информации на детей. В представлениях респондентов обеих групп суть воздействия сводится к возникновению вреда здоровью и развитию детей, возникновению травмы (эта формулировка восходит скорее всего к общественному дискурсу относительно информационной безопасности), а также к возникновению поведенческих изменений в соответствии с тем, что ребенок почерпнул из того или иного источника. Последствия для подростков родители и учителя видят преимущественно сходным образом – в обоих случаях речь идет в первую очередь о поведенческих последствиях воздействия, т. е. о воспроизведении того, что подросток узнал. Далее речь идет о вреде здоровью и развитию, родители говорят об ошибочном понимании, а учителя – об «искажении картины мира» в результате воздействия опасной информации.

Иерархии источников опасной информации сходны в обеих группах в случае детей – это Интернет, телевидение, сверстники. Сходны и в случае подростков – Интернет, сверстники, телевидение.

Для обеих групп основная ответственность по обеспечению информационной безопасности лежит на родителях, при этом родители ожидают от учителей обучения школьников правилам безопасности и поведению при столкновении с опасной

информацией (в первую очередь это касается Интернет-среды). Учителя ожидают от родителей в первую очередь контроля за доступом к информации и ограничения этого доступа.

Таким образом, наши предположения получили частичную эмпирическую поддержку. Пока мы видим, что вопрос обучения детей и подростков тому, как управлять риском, связанным с получением той или иной информации из различных источников (будь то Интернет, телевидение или сверстники), второстепенен по сравнению с контролем за доступом к информации, ограничением этого доступа; родители ожидают от учителей действий в этом отношении.

Заявленная цель была достигнута, однако нами были сформулированы вопросы для дальнейшего анализа проблемы информационной безопасности детей и подростков в рамках теории социальных представлений. В частности, нас интересует динамика представлений об информационной безопасности в различных группах взрослых (бездетных взрослых, родителей детей, родителей подростков, а также учителей, совмещающих и не совмещающих родительскую и профессиональную роль). Детализация практики по обеспечению информационной безопасности детей и подростков позволила бы проследить то, как меняются сами представления об информационной безопасности.

Кроме того, любопытно понять, как интерпретируется механизм развития нежелательных последствий от воздействия опасной информации, идет ли речь об одноразовом предъявлении информации или о многократном, требуется ли, с точки зрения родителей и учителей, разделение почерпнутой информации со сверстниками для возникновения нежелательных последствий.

Литература

1. Бовина И.Б. Риск: социально-психологический взгляд [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49292.shtml> (дата обращения: 09.12.2015).
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика», 2016, № 1.
3. Мама URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KDltrxzoVz8&feature=youtu.be> (дата обращения: 15.12.2015).
4. Солдатова Г.У., Зотова Е., Чекалина А., Гостимская О. Пойманные одной сетью. Социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете. М.: Фонд развития Интернет, 2011. 176 с.
5. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Shared meaning about information security of children: an exploratory study // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 146. P. 94–98.
6. *Breakwell G.M. The psychology of risk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 325p.
7. *Flament C. Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
8. Internet world stats. Usage and population statistics URL:

- <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm>_(дата обращения: 12.09.2015).
9. *Joffe H.* Risk and «the Other». Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 180 p.
 10. *Joffe H., Elsey J.W.B.* Free association in psychology and Grid elaboration method // Review of general psychology. 2014. Vol. 18. № 3. P. 173–185.
 11. *Jovchelovitch S.* In defence of representations // Journal of the theory of social behaviour. 1996. Vol. 26. № 2. P. 121–135.
 12. *Kopecky K., Szotkowski R., Krejci V.* The risks of Internet communication // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 69. P. 1348–1357.
 13. La perception par les parents des risques en cours par leurs enfants sur Internet [Электронный ресурс] // IPSOS. URL: <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/famille,774/publications,893/archives,3019/la-perception-par-les-parents-des,7411.html> (дата обращения: 15.12.2015).
 14. *Livingstone S., Haddon L.* Risky experience for children online: charting European research on children and the Internet // Children and society. 2008. Vol. 22. P. 314–323.
 15. *Livingstone S., Haddon L.* Theoretical framework for children's internet use // Children, risk and safety on the Internet: research and policy challenges in comparative perspective / Eds. by S. Livingstone, L. Haddon, A. Görzig. Bristol: The Policy Press, 2012. P. 1–12.
 16. *Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K.*, with members of the EU kids online network. EU kids online. London, Final report, September, 2011. 54 p.
 17. *McAfee* Digital Deception Study 2013: Exploring the Online Disconnect between Parents, Pre-teens, Teens and Young Adults. URL: <http://www.mcafee.com/au/resources/reports/rp-digital-deception-survey.pdf>. (дата обращения: 15.12.2015).
 18. *Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales// La dynamique des représentations sociales / Ed.by P. Moliner. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.
 19. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations: explorations in social psychology / Ed. By G.Duveen. N. Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
 20. *Salesses L.* Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale // Les cahiers internationaux de psychologie sociale. 2005. № 66. P. 25–42.

Information Security of Children and Adolescents According to Parents and Teachers (Part 2: The Results of an Empirical Study)⁴

Budykin S.V., Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (moscow858@yandex.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Bovina I.B., Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)

In this paper we present a second part of the study on information security of children and adolescents according to parents and teachers. This part of the study focuses at empirical research results aimed in studying the so-called "naive theories" about information security. 136 people (aged 21 to 62 years) attended the study. We based on the following hypotheses : 1) the group of parents and teachers understand similarly the issue of information threat for children and adolescents, yet they have different understandings of the dangerous effects of information on children and adolescents: parents underestimate the seriousness of the effects compared with teachers; 2) according to parents and teachers, the formers are primarily responsible for information security of children; while teachers expect parents to monitor, prohibit, restrict the access to information for children and adolescents. Parents, in turn, expect teachers to train children and teenagers to observe the safety procedures, as well as use Internet safely. Our assumptions are confirmed partly, and study results are discussed in terms of the theory of social representations.

Keywords: information security for children and adolescents, theory of social representations, risk, parents, teachers.

References

1. Bovina I.B. Risk: sotsial'no-psikhologicheskiiy vzglyad [Elektronnyy resurs] [Risk: a socio-psychological perspective]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2011, no.4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49292.shtml> (Accessed 09.12.2015). (In Russ., Abstr. in Engl.).

⁴ Supported by RFH, project 15-06-10649

2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Informatsionnaya bezopasnost' detey v obydenom ponimanii roditeley i uchiteley [Information security of the children in the usual sense, parents and teachers]. *Vestnik RUDN. Seriya «Psikhologiya i pedagogika»*, 2016, no.1 (v pechati).
3. Mama URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KDltrxzoVz8&feature=youtu.be> (Accessed 15.12.2015)
4. Soldatova G.U., Zotova Ye., Chekalina A., Gostimskaya O. Poymannyye odnoy set'yu. Sotsial'no-psikhologicheskoye issledovaniye predstavleniy detey i vzroslykh ob Internetе [Caught by the same net. Socio-psychological study of the views of children and adults about the Internet]. Moscow: Publ. Fond razvitiya Internet, 2011. 176 p.
5. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Shared meaning about information security of children: an exploratory study// *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol.146, pp..94 – 98.
6. Breakwell G.M. *The psychology of risk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 325p.
7. Flament C. Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003, 256 p.
8. Internet world stats. Usage and population statistics URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm>(Датаобращения: 12.09.2015).
9. Joffe H. *Risk and «the Other»*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 180 p.
10. Joffe H., Elsey J.W.B. Free association in psychology and Grid elaboration method// *Review of general psychology*, 2014, Vol., 18, N3, pp..173-185.
11. Jovchelovitch S. In defence of representations// *Journal of the theory of social behaviour*, 1996, vol.26, N2, pp..121-135.
12. Kopecky K., Szotkowski R., Krejci V. The risks of Internet communication// *Procedia - Social and Behavioral Sciences*.- 2012. Vol.69. pp..1348 – 1357.
13. La perception par les parents des risques en cours par leurs enfants sur Internet. IPSOS. URL: <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/famille,774/publications,893/archives,3019/la-perception-par-les-parents-des,7411.html> (Дата обращения: 15.12.2015)
14. Livingstone S., Haddon L. Risky experience for children online: charting European research on children and the Internet// *Children and society*. – 2008. vol.22. pp.. 314-323.
15. Livingstone S., Haddon L. Theoretical framework for children's internet use // *Children, risk and safety on the Internet: research and policy challenges in comparative perspective* / Eds. by S. Livingstone, L. Haddon, and A. Görzig.- Bristol: The Policy Press, 2012, p.1-12.

16. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online network. EU kids online. - London, Final report, September, 2011. – 54 p.
17. McAfee Digital Deception Study 2013: Exploring the Online Disconnect between Parents, Pre-teens, Teens and Young Adults. URL: <http://www.mcafee.com/au/resources/reports/rp-digital-deception-survey.pdf>. (Дата обращения: 15.12.2015)
18. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales// La dynamique des représentations sociales/ Ed.by P.Moliner, Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001, p.245-268.
19. Moscovici S. The phenomenon of social representations// Social representations: explorations in social psychology. S.Moscovici/ Ed. By G.Duveen. - N. Y.: New York University Press, 2000. pp. 18-77.
20. Salesses L. Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale// Les cahiers internationaux de psychologie sociale, 2005, N66, pp. 25-42.

Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (ver210@yandex.ru)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Токарева Г.М., медицинский психолог – судебный эксперт Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Московской области «Центральная клиническая психиатрическая больница» (ГБУ ЦКПБ) (galatgala@gmail.com)

Лысенко Н.Е., медицинский психолог Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (nlisenko@yandex.ru)

В статье изложены результаты исследования взаимосвязи между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом. Было обследовано 563 мужчины и 200 женщин, находящихся на принудительном лечении. Использовалась методика оценки защитных факторов (Булыгина В.Г. и соавт.), «Исторический клинический риск» (HCR-20, Webster), которая была дополнена клиничко-психопатологическими критериями, используемыми в отечественной практике. Применялся метод построения «деревьев классификации» и ROC-анализ. Целевыми переменными для математического анализа были: гендерная принадлежность, кратность совершения повторных ООД, интервал рецидивности. Обнаружено, что универсальными защитными факторами в обобщенной выборке лиц с тяжелыми психическими расстройствами являются развитость социальных и коммуникативных навыков, а также более высокая мотивация на лечение. Выделены гендер-специфические протективные факторы. Выявлено, что с более длительным периодом социальной адаптации ассоциируются мотивация на

лечение и развитые социальные и коммуникативные навыки в группе женщин, в группе мужчин – отсутствие проблем, связанных со злоупотреблением ПАВ и терпимое отношение к судебным и административным предписаниям. Модели риска криминального рецидива для психически больных женщин обладают более высокой прогнозной ценностью, нежели модели для мужчин.

Ключевые слова: факторы риска насилия, защитные факторы, общественно опасные действия, принудительное лечение психически больных с криминальным анамнезом.

Для цитаты:

Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Токарева Г.М., Лысенко Н.Е. Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). №1. С. 105-119.

doi: 10.17759/psylaw.2016060109

For citation:

Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Tokareva G.M., Lysenko N.E. The relationship between violence risk factors and protective factors among mentally ill offenders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.105-119. doi: 10.17759/psylaw.2016060109

Введение

Проблема совершения психически больными общественно опасных действий является одной из наиболее актуальных в современной психиатрии. В последние годы увеличивается количество случаев общественно опасных деяний против личности, совершенных психически больными. Только в 2013 г. количество общественно опасных деяний, совершенных психически больными с расстройствами, исключаящими вменяемость, составило 10642 случая. В отношении 16895 пациентов осуществлялись принудительные меры медицинского характера в психиатрических стационарах [7]. На протяжении последнего десятилетия остается стабильным показатель количества повторных общественно опасных деяний, который составляет около 30% всех правонарушений [8]. Совершение больными повторных правонарушений после отмены принудительного лечения и наблюдения отражает недостаточную эффективность существующей системы профилактики и требует дальнейшего активного изучения проблемы общественной опасности психически больных [3; 4; 5; 6]. Столь значительные цифры о криминальной активности психически больных и совершении повторных правонарушений говорят о масштабности данной проблемы и ее значимости для обеспечения безопасности общества.

Определение степени общественной опасности лиц, страдающих психическими расстройствами, требует тщательного рассмотрения следующих проблем: сущность такой опасности, прогнозирование ее вероятности у психически больных с криминальным анамнезом с выявлением как факторов риска общественно опасного поведения, так и факторов, сдерживающих или уменьшающих этот риск – защитных факторов [1].

Существуют различные точки зрения о взаимосвязи между факторами риска насилия и защитными факторами. Некоторые авторы указывают на то, что факторы, сдерживающие агрессию, находятся на одной оси с факторами риска, предполагая, что определенный фактор риска может стать защитным фактором, и наоборот [10; 11; 14]. Другие считают, что защитные факторы способны компенсировать факторы риска и, таким образом, выполняют важную роль в общем снижении риска насилия [12]. Тем не менее, начиная с 2000-х гг. не вызывает дискуссий положение о том, что лечение, направленное на снижение риска совершения повторных правонарушений, должно быть направлено не только на уменьшение факторов риска насилия, но и на укрепление защитных факторов [9; 13].

Особо актуальным является учет защитных факторов в судебно-психиатрической практике при принятии решения об отмене или изменении вида принудительного лечения. Без этого оценка риска общественной опасности пациента будет неполной и несбалансированной [1].

В связи с вышесказанным **целью исследования** было изучение взаимосвязи между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом для совершенствования оценки их общественной опасности.

Материал и методы исследования

Было обследовано 563 мужчины и 200 женщин, находящихся на принудительном лечении в стационарах специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением. Средний возраст мужчин составил 37 лет, женщин – 40 лет. Среди обследованных групп наибольшее количество человек имели диагнозы: шизофрения, хронические бредовые расстройства (F20.0, 20.01, 20.06, 20.014, 20.016): 51,9% мужчин и 60,63% женщин. Диагнозы органические психические расстройства (F07.08, F07.09, F01-07) составили среди мужчин и женщин 26,88% и 21,98% соответственно. 9,43% мужчин и 9,57% женщин имели следующие диагнозы: аффективные расстройства, (F30-39); расстройства, связанные с приемом ПАВ (F10-19), и расстройства личности (F60-69).

Критериями включения в исследование являлись: 1) решение суда о невменяемости пациента; 2) направление на принудительное лечение; 3) возраст, начиная от 17 лет. Критериями исключения стали: 1) начало заболевания после совершенного ООД; 2) острая психотическая симптоматика на момент обследования.

Для проведения исследования была разработана карта исследования, состоящая из 253 пунктов, которая включала в себя несколько блоков (социально-демографические, клинично-криминологические, социально-психологические, патопсихологические). В качестве источника сведений о пациентах использовались: истории болезни пациентов, амбулаторные карты пациентов, заключения комиссии экспертов, журнал регистрации амбулаторных пациентов отделения АПЛ с кабинетом АДН, журналы ведения психокоррекционной работы.

На основании анализа отечественного и зарубежного опыта изучения факторов, сдерживающих риск агрессивного поведения, а также обследования 380 пациентов мужского и женского пола, находящихся на принудительном лечении в психиатрических стационарах общего, специализированного и специализированного типов с интенсивным наблюдением (2009–2013) была создана методика оценки защитных факторов. Подробно данная методика описана в методических рекомендациях «Факторы, сдерживающие риск насилия. Субъективные оценки и реабилитационный потенциал» [2]. Оценка защитных факторов была дополнена изучением факторов риска насилия с помощью методики

«Исторический клинический риск» (HCR-20, Webster C., перевод Ручкина В.В., 2008). Перечень факторов риска был дополнен клинико-психопатологическими критериями, используемыми в отечественной практике при определении вида рекомендуемых принудительных мер медицинского характера и их отмене (Котов В.П., Мальцева М.М.).

Клинические факторы включают в себя внутреннюю картину болезни, наличие патологии раннего развития, приверженность к лечению, коморбидность со злоупотреблением алкоголем, ПАВ и личностными расстройствами, недостаточно критическое отношение к себе, резистентность к лечению, пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов, бредовые идеи определенного содержания и аффективная напряженность, маниакальные и гипоманиакальные состояния с общей расторможенностью и псевдопредприимчивостью. Социальные факторы включали социоэкономический статус, характеристики условий воспитания, социальной поддержки, партнерских взаимоотношений, а также внесемейное окружение. Психологические – особенности познавательной, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой сфер, стратегии совладания и механизмы психологической защиты.

Пункты методики оценки защитных факторов и факторов риска кодировались консенсусно членами полипрофессиональных бригад по трехбалльной шкале, отражающей степени выраженности фактора.

Целевыми переменными для математического анализа были: гендерная принадлежность, кратность совершения повторных ООД, период времени между отменой принудительного лечения и совершением повторного ООД.

Статическая обработка

Статистическая значимость различий устанавливалась с помощью критерия Манна-Уитни. Корреляционный анализ проводился по методу Спирмена. Для оценки прогнозных возможностей переменных и факторов использовался метод построения «деревьев классификации», который широко используется для предсказания принадлежности объектов к тому или иному классу в зависимости от соответствующих значений признаков, характеризующих объекты, и анализа вклада отдельных переменных в процедуру классификации. Для оценки надежности модели строились ROC-кривые, которые показывают зависимость доли истинно положительных случаев (чувствительности) от доли ложноположительных случаев (специфичность).

Результаты исследования

С использованием критерия Манна-Уитни была проверена значимость различий в показателях факторов риска в группе женщин, совершивших повторные и первичные ООД. Было обнаружено, что пациенток, совершивших неоднократные ООД, значимо отличает недостаточно критическое отношение к себе, импульсивность, преобладание психопатоподобного синдрома с повышенной поведенческой активностью и патологией влечений. При этом такие факторы риска, как проблемы, связанные со злоупотреблением ПАВ, были минимально представлены.

У пациенток, совершивших повторные ООД, среди защитных факторов были наиболее представлены развитость социальных и коммуникативных навыков, а также демонстрация более высокой мотивации на лечение. Закономерно (в связи с некритичностью) в наименьшей степени был представлен такой защитный фактор, как «количество субъективно осознаваемых проявлений дефекта». Также отмечалась выраженность отрицательного смещения атрибуций.

Группу пациентов мужского пола, совершивших неоднократные ООД, значимо отличали такие факторы риска, как: более молодой возраст совершения ООД; неспособность поддерживать стабильные партнерские отношений; недостаточно критическое отношение к себе; резистентность к лечению; пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов; бредовые идеи определенного содержания и аффективная напряженность; маниакальные и гипоманиакальные состояния с общей расторможенностью и псевдопредприимчивостью. Кроме того, у таких пациентов были отмечены более низкие значения по выраженности таких факторов риска, как проявление насилия в прошлом, психопатоподобные расстройства, систематическое употребление алкоголя и ПАВ.

Среди защитных факторов в группе мужчин более выражены были следующие: мотивация на лечение, развитость социальных и коммуникативных навыков, а также принадлежность к более высокому социальному слою. Минимально представлены были такие защитные факторы, как количество субъективно осознаваемых проявлений дефекта, позитивное отношение к фармакотерапии и устойчивый терапевтический альянс. Анализируемую группу пациентов также характеризовали отрицательное смещение атрибуций, дисбаланс между побудительной и тормозной функциями волевых процессов.

Далее была изучена взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами в зависимости от длительности периода между отменой ПЛ и совершением повторного ООД.

Корреляционный анализ (критерий Спирмена) в группе женщин выявил, что для больных, совершивших повторные ООД в течение меньшего периода времени после отмены ПЛ, характерны положительные связи со шкалами: недостаточно критическое отношение к себе, импульсивность, пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов, а также – психопатоподобный синдром с повышенной поведенческой активностью.

Пациенток с более длительным периодом между отменой ПЛ и совершением повторного ООД отличали отрицательные корреляции со следующими переменными: трудности с трудоустройством; проблемы, связанные со злоупотреблением ПАВ. По защитным факторам были выявлены положительные взаимосвязи с типом отношения к болезни, мотивацией на лечение и параметром «развитые социальные и коммуникативные навыки».

Корреляционный анализ изучаемых факторов в группе мужчин показал, что для пациентов, совершивших повторное ООД в течение меньшего временного интервала после отмены ПЛ, характерны положительные связи с фактором «недостаточно критическое отношение к себе». Отрицательные корреляции были со следующими параметрами: проблемы, связанные со злоупотреблением ПАВ, систематическое употребление алкоголя и ПАВ, отрицательное отношение к властям.

Следующим этапом анализа было выявление факторов, значимо отличающих пациентов в зависимости от гендерной принадлежности. Сравнительный анализ факторов риска насилия в группе женщин выявил, что лиц с диагнозом шизофрения значимо отличают более высокие показатели по переменным: нарушение требований надзора в прошлом, несоблюдение лечебного режима, нарушения больничного режима (при прошлых госпитализациях). Среди защитных факторов в группе пациенток с диагнозом шизофрения были наименее выражены: мотивация на лечение, развитость навыков совладания, принадлежность к более высокому социальному слою.

В группе мужчин при проверке значимости различий количественных показателей факторов риска у пациентов с диагнозом органическое психическое расстройство и шизофрения было обнаружено следующее. Больных шизофренией значимо отличают более высокие показатели по факторам нарушение требований надзора в прошлом, несоблюдение лечебного режима, проявления социальной дезадаптации, криминальный опыт, повторность ООД, нарушения больничного режима при прошлых госпитализациях. Кроме того, у пациентов, страдающих шизофренией, отмечались одновременно более низкие значения по шкалам: молодой возраст на момент проявления насилия и пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов.

Среди защитных факторов группу мужчин больных, шизофренией, по сравнению с группой ОПР, отличает отсутствие коморбидности со злоупотреблением ПАВ и личностными расстройствами. Одновременно для них характерна более низкая мотивация на лечение, негативное отношение к фармакотерапии, неустойчивый терапевтический альянс, менее развитые социальные и коммуникативные навыки и копинг-стратегии, а также выраженность гнева в структуре конструкта агрессии.

Следующим этапом анализа было построение «деревьев классификации» при помощи метода математического моделирования с использованием факторов риска насилия и протективных факторов. Классификация с последующим построением «дерева решений» строится на основе моделирования переменных, имеющих информативную ценность для распознавания случаев возможного риска совершения повторных ООД.

«Деревья классификаций» строились отдельно для психически больных женщин и мужчин (рис. 1). При построении «деревьев классификации» с моделированием значимых факторов риска насилия для прогнозирования вероятности совершения повторных ООД в группе психически больных женщин выявлено следующее.

Одно правило решений подчеркивает роль выраженных нарушений критичности и позволяет прогнозировать повторные ООД с вероятностью 93,3%. Другое правило решений охватывает меньшее количество пациенток анализируемой группы. Оно выводит на первый план недостаточно критическое отношение к себе в сочетании с систематическим употреблением алкоголя и ПАВ. При этом проявления импульсивности не выражены. Это правило решений позволяет прогнозировать повторность ООД с вероятностью 34,5%.

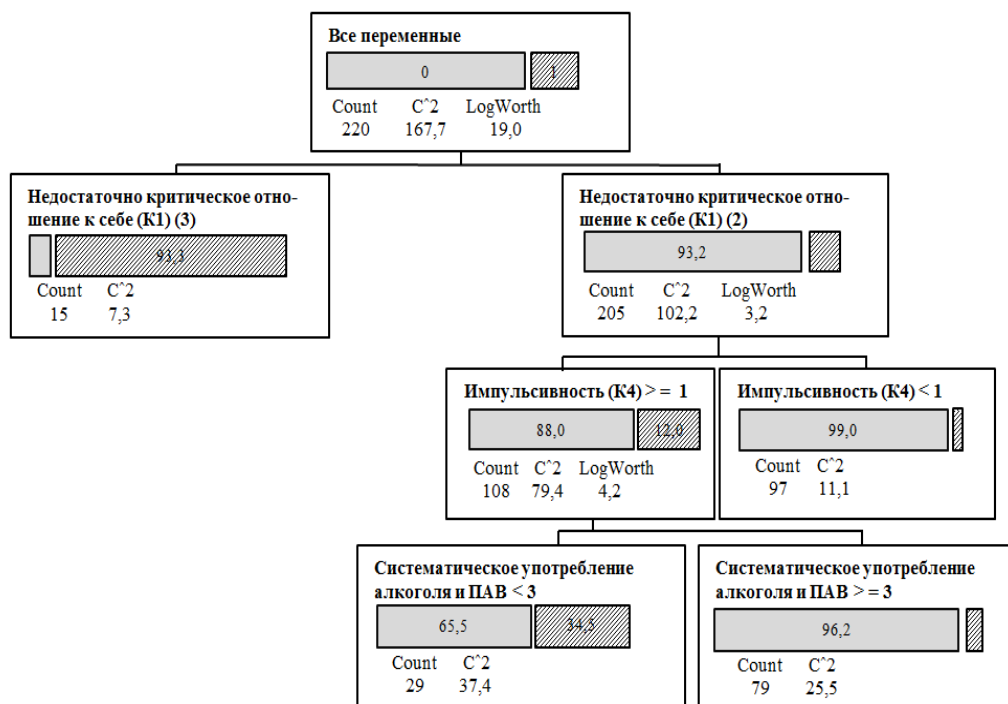

Рис. 1. Дерево решений для прогноза вероятности свершения повторного ООД в группе женщин (по факторам риска насилия)

При построении деревьев классификации с моделированием значимых факторов риска насилия для прогнозирования вероятности совершения повторных ООД в группе психически больных мужчин было выявлено следующее (рис. 2). Было выведено три основных правила решений.

Первое правило решений подчеркивает отсутствие критичного отношения к себе в сочетании с отсутствием выраженных проблем, связанных со злоупотреблением ПАВ. Это правило позволяет прогнозировать совершение повторных ООД с вероятностью 90,9%.

Второе правило охватывает небольшой процент обследованных и выдвигает на первый план не критичность при малой представленности бредовых идей с аффективной напряженностью, что дополняется проблемами, связанными со злоупотреблением ПАВ и отсутствием в прошлом криминального опыта. Данная модель позволяет прогнозировать совершение повторного ООД с вероятностью 86%.

Третье правило отличается от первого лишь выраженностью проблем в связи со злоупотреблением ПАВ. Таким образом, в сочетании с нарушением критического отношения к болезни модель позволяет прогнозировать совершение повторного ООД с вероятностью 81,4%.

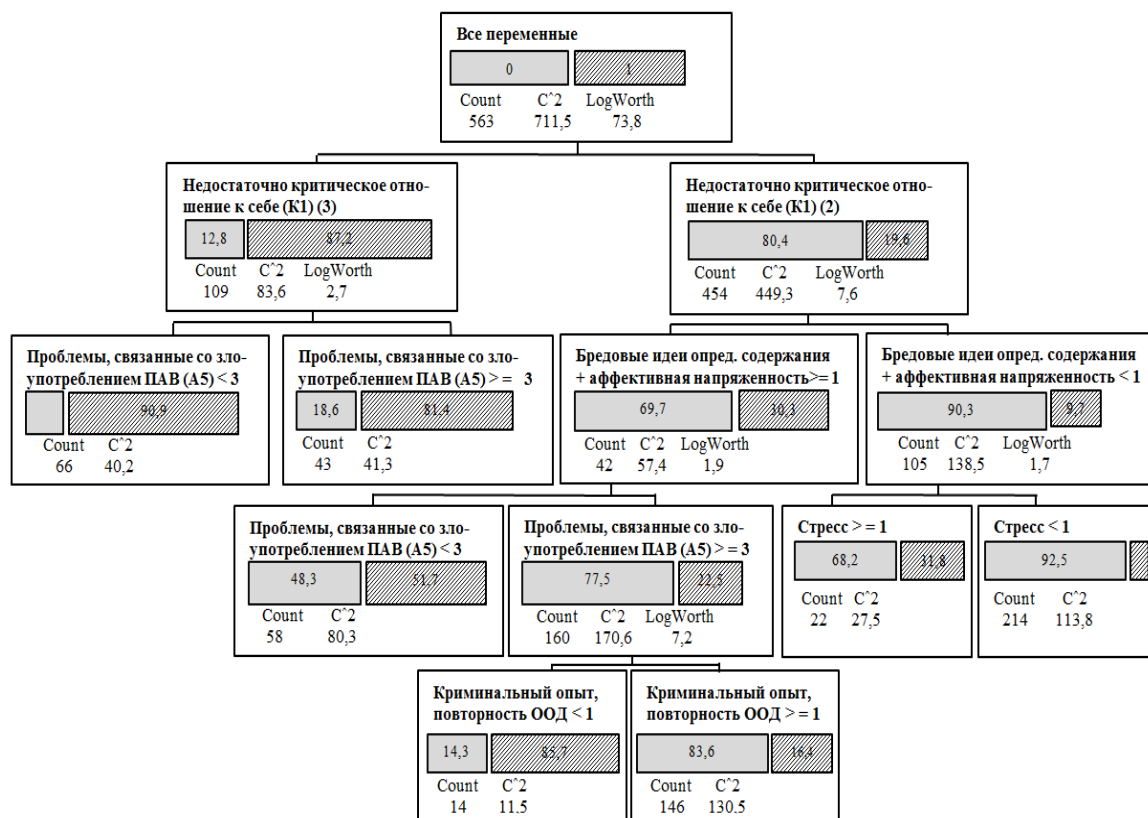
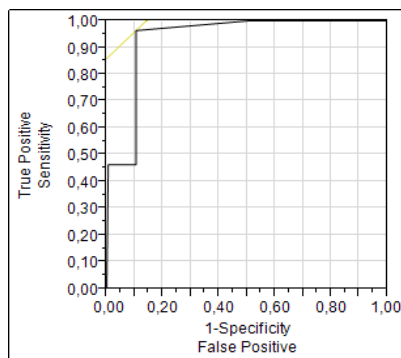
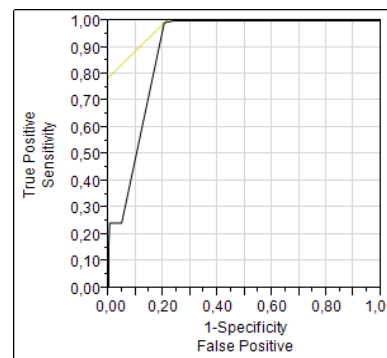

Рис. 2. Дерево решений для прогноза вероятности совершения повторного ООД в группе мужчин (по факторам риска насилия)

Для оценки качества моделей были построены ROC-кривые (рис. 3). Обе модели обладают высокой прогнозной ценностью при моделировании вероятности совершения повторных ООД психически больными женского пола (0,93) и мужского пола (0,9). Показатель чувствительности, отражающий процент верно идентифицированных случаев повышенного риска совершения повторных ООД, высок как для женщин (96,4%), так и для мужчин (99,3%). Показатель специфичности (число верно идентифицированных случаев с умеренным и низким риском) высокий в группе женщин (89,6%) и более низкий в группе мужчин (79,7%).

Женщины

Мужчины

Рис.3. ROC-кривые моделей прогнозирования повторных ООД (факторы риска насилия)

Построение деревьев классификации с моделированием значимых факторов, уменьшающих риск насилия, для прогнозирования вероятности совершения повторных ООД, было направлено на выделение тех защитных факторов, которые не были «усилены» на этапе принудительного лечения.

Включение защитных факторов в прогностическую модель риска совершения повторных ООД является, на наш взгляд, обоснованным, поскольку показывает приоритетность «усиления» на этапе принудительного лечения именно тех, недостаточная представленность которых вносит вклад в риск криминального рецидива.

Построение «дерева классификаций» в группе психически больных женщин выявило следующее (рис. 4).

Первое правило решений подчеркивает сочетание развитых социальных и коммуникативных навыков с зависимостью от ПАВ и личностными расстройствами и позволяет прогнозировать совершение повторных ООД с вероятностью 31,3%.

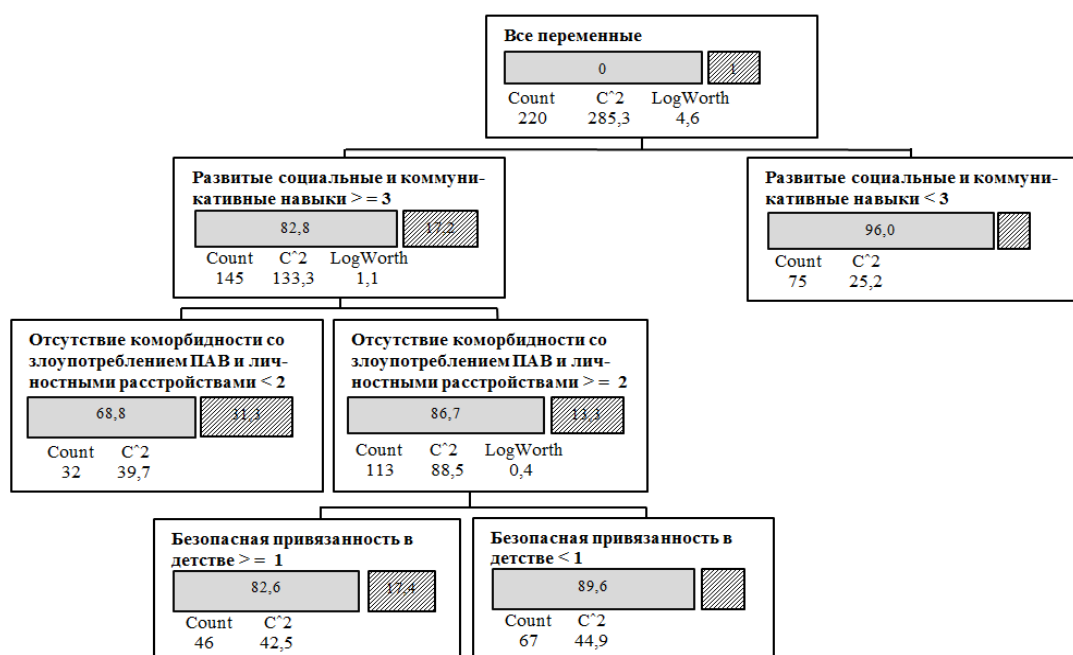

Рис. 4. Дерево решений для прогноза вероятности совершения повторного ООД в группе женщин (по защитным факторам)

Дерево решений с включением в анализ защитных факторов для прогноза вероятности свершения повторного ООД в группе мужчин включает иные переменные, чем в модели для женщин (рис. 5).

Первое правило решений подчеркивает дисбаланс побудительной и тормозной функций волевых процессов у лиц, принадлежащих к среднему социальному слою, но с отсутствием положительной ролевой модели и неразвитостью эмпатии («отсутствие безопасной привязанности в детстве»). Мотивация на лечение сформирована недостаточно. Это правило позволяет прогнозировать риск совершения повторного ООД с вероятностью 64,8%.

Второе правило решений охватывает в два раза большее количество пациентов и подчеркивает роль сочетания относительной сбалансированности побудительной и тормозной функций волевых процессов со злоупотреблением ПАВ при недостаточном терапевтическом альянсе. Это правило позволяет прогнозировать риск совершения повторного ООД с вероятностью 33,6%.

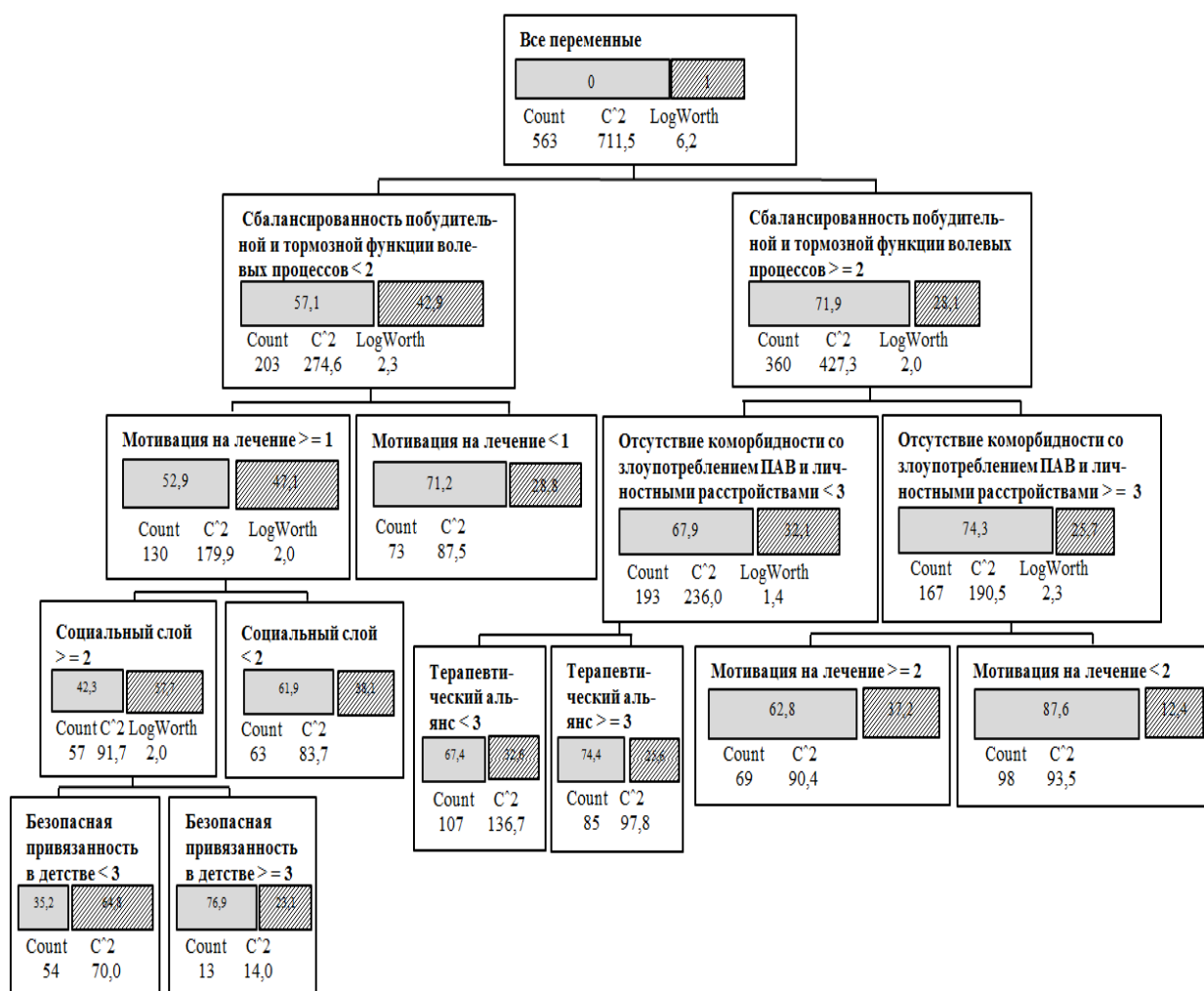

Рис. 5. Дерево решений для прогноза вероятности совершения повторного ООД в группе мужчин (по защитным факторам)

ROC-кривые моделей прогнозирования повторных ООД с учетом защитных факторов показывают, что модель для выборки психически больных женщин обладает достаточно высокой прогнозной ценностью (0,86). Что нельзя сказать в отношении модели для лиц мужского пола, прогнозная ценность которой составляет 0,69 (рис. 6).

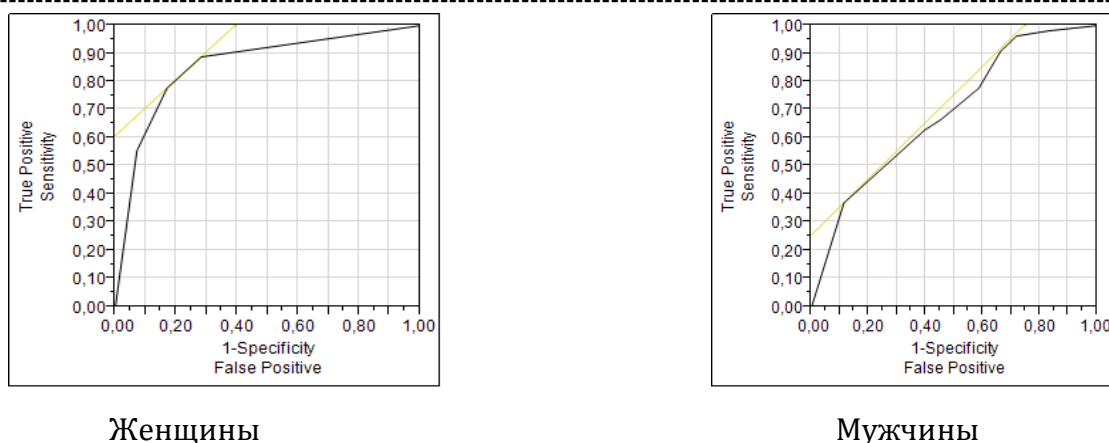

Рис. 6. ROC-кривые моделей прогнозирования повторных ООД с учетом защитных факторов

Показатель чувствительности, отражающий процент верно идентифицированных случаев повышенного риска совершения повторных ООД, выше для женщин (77,84%), чем для мужчин (63%). Показатель специфичности (число верно идентифицированных случаев с умеренным и низким риском) высок в группе женщин (83,1%) и удовлетворителен в группе мужчин (60,4%).

Заклучение

Универсальными защитными факторами в обобщенной выборке лиц с тяжелыми психическими расстройствами являются развитость социальных и коммуникативных навыков, а также демонстрация более высокой мотивации на лечение.

Использование методики оценки защитных факторов на этапе принудительного лечения показало различия в их представленности в зависимости от гендерной принадлежности пациентов. У женщин в связи с некритичностью наименее был представлен такой защитный фактор, как «количество субъективно осознаваемых проявлений дефекта», отмечалась выраженность отрицательного смещения атрибуций. В группе мужчин среди защитных факторов наименее представлены «позитивное отношение к фармакотерапии» и «устойчивый терапевтический альянс», а также «сбалансированность между побудительной и тормозной функциями волевых процессов».

Анализ взаимосвязи между присутствием защитных факторов и интервалом рецидивности (период времени между отменой ПЛ и совершением повторного ООД) показал, что с более длительным периодом социальной адаптации ассоциируются мотивация на лечение и развитые социальные и коммуникативные навыки в группе женщин, в группе мужчин – отсутствие проблем, связанных со злоупотреблением ПАВ и терпимое отношение к судебным и административным предписаниям.

Построение «деревьев классификации» при помощи метода математического моделирования с использованием факторов риска насилия и защитных факторов показало, что модели для психически больных женщин обладают более высокой прогнозной ценностью ($\geq 0,85$), нежели модели для мужчин.

При оценке риска совершения повторных ООД, свидетельствующих о недостаточной эффективности реабилитационных мероприятий, «дерево решений» с включением в анализ защитных факторов для прогноза вероятности свершения повторного ООД в группе мужчин содержит иные, чем в модели для женщин, факторы. Правило решений для субпопуляции

женщин подчеркивает значимость сочетания развитых социальных и коммуникативных навыков с зависимостью от ПАВ. Оно выдвигает на первый план фактор «отсутствие безопасной привязанности в детстве», отражающий несформированность просоциальной ролевой модели и эмпатии. При этом значимый вклад в модель имеют факторы «развитость социальных и коммуникативных навыков» и «отсутствие коморбидности основного психического расстройства с зависимостью от ПАВ».

Для мужчин правила решений выдвигают на первый план дисбаланс побудительной и тормозной функций волевых процессов мотивации на лечение и недостаточный терапевтический альянс.

Литература

1. Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... докт. психол. наук. М., 2015. 346 с.
2. Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А., Макушкина О.А., Кабанова Т.Н. и др. Факторы, сдерживающие риск насилия. Субъективные оценки и реабилитационный потенциал: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦ ССП имени В.П. Сербского» Минздрава РФ. 2014. 22 с.
3. Винникова И.Н. Меры медицинской профилактики общественно опасных действий больных шизофренией (терапевтические, реабилитационные и фармако-экономические аспекты принудительного лечения): автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2009. 33 с.
4. Дмитриев А.С., Морозова М.В., Савина О.Ф. Актуальные социально-психологические аспекты осуществления принудительного лечения в стационаре общего типа // *Российский психиатрический журнал*. 2007. № 2. С. 4–9.
5. Казаковцев Б.А., Макушкина О.А., Булыгина В.Г. Полипрофессиональная бригада в практике принудительного лечения // *Судебная психиатрия. Актуальные проблемы* / под ред. профессора В.В. Вандыша. Вып. 10. – М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В. П. Сербского» Минздравсоцразвития России. – 2013. – С. 62–74.
6. Кекелидзе З.И., Казаковцев Б.А. Развитие служб психического здоровья: руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 672 с.
7. Макушкина О.А., Голланд В.Б., Яхимович Л.А. Значение мер медицинского характера в системе профилактики общественно опасных действий психически больных // *Российский психиатрический журнал*. 2013. № 4. С. 20–26.
8. Макушкина О.А., Котов В.П., Мальцева М.М. и др. Система профилактики общественной опасности психически больных в России в 2006–2013 гг. (динамика показателей и анализ эффективности): аналитический обзор. М: ФГБУ «ФМИПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ, 2015. 192 с.
9. Blum R.W., Ireland M. Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 493–500.
10. Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S. Transition into adolescent problem drinking: The role of psychosocial risk and protective factors // *Journal of Studies on Alcohol*. 1999. Vol.

60. P. 480–490.

11. *Hawkins J.D., Catalano R. F., Miller J. Y.* Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // *Psychological Bulletin*. 1992. Vol. 112. P. 64–105.
12. *Otto R.K., Douglas K.S.* Handbook of violence risk assessment. New York: Taylor and Francis Group. 2010. P. 147–185.
13. *Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I.* Youth violence perpetration: What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health // *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 424–434.
14. *Webster C.D., Martin M.L., Brink J.* Manual for the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.0 Consultation Edition). Port Coquitlam, BC: Forensic Psychiatric Services Commission and St. Joseph's Healthcare. 2004.

The relationship between violence risk factors and protective factors among mentally ill offenders

Bulygina V.G., PhD in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychological problems of forensic psychiatry prevention Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (ver210@yandex.ru)

Dubinsky A.A., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Tokareva G.M., medical psychologist-court expert, State Budgetary Institution of health care of the Moscow region "Central clinical psychiatric hospital" (galatgala@gmail.com)

Lysenko N.E., medical psychologist, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (nlisenko@yandex.ru)

The results of research of the relationship between violence risk factors for and protective factors among psychiatric patients with a criminal history are presented. There were interviewed 563 men and 200 women undergoing compulsory treatment. The methodology of the assessment of protective factors (Bulygina V.G. et al.), "The historical clinical risk" (HCR-20, Webster), which was supplemented with a clinical-psychopathological criteria used in the Russian practice, were applied. It has been used the method of classification tree and ROC analysis. Target variables for the mathematical analysis were: gender, frequency of reoffending, interval of criminal recidivism. It was discovered that the universal protective factors in a general sample of persons with severe mental disorders are development of social and communication skills as well as higher motivation for treatment. There were highlighted gender specific protective factors. It is revealed that with a longer period of social adaptation associated the motivation for treatment and developed social and communication skills in female sample, in male – absence of problems connected with substance abuse and tolerant attitude to judicial and administrative regulations. Model of risk of the criminal recidivism among mentally ill women have higher predictive value than models for men.

Keywords: the risk factors of violence, protective factors, socially dangerous acts, compulsory treatment of mentally sick with the criminal anamnesis.

References

1. Bulygina V.G. Psihologicheskaja koncepcija profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij lic s tjazhelymi psihicheskimi rasstrojstvami: Dis. ... dokt. psihol. nauk [Psychological conception of prevention of socially dangerous acts persons with severe mental illnesses]. Moscow, 2015. 396 p.
2. Bulygina V.G., Kazakovcev B.A., Makushkina O.A., Kabanova T.N. i dr. Faktory, sderzhivajushhie risk nasilija. Sub#ektivnye ocenki i reabilitacionnyj potencial [Factors, which protect violence risk. Subjective evaluations and rehabilitation positional]. Metodicheskie rekomendacii. – Moscow: FGBU «GNC SSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava RF, 2014. 22 p.
3. Vinnikova I.N. Mery medicinskoj profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij bol'nyh shizofrenij (terapevticheskie, reabilitacionnye i farmako-jekonomicheskie aspekty prinuditel'nogo lechenija) [Measures of medical prevention of socially dangerous acts of schizophrenics (therapy, rehabilitation and pharmacy-economic aspects of compulsory treatment): Avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. Moscow, 2009. 33 p.
4. Dmitriev A.S., Morozova M.V., Savina O.F. Aktual'nye social'no-psihologicheskie aspekty osushhestvlenija prinuditel'nogo lechenija v stacionare obshhego tipa [Actual social-psychological aspects of managing compulsory treatment in the hospital with low level of security]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*, 2007. № 2. pp. 4-9.
5. Kazakovcev B.A., Makushkina O.A., Bulygina V.G. Poliprofessional'naja brigada v praktike prinuditel'nogo lechenija [Multidisciplinary team in the practice of compulsory treatment]. *Sudebnaja psihiatrija. Aktual'nye problemy. Pod red. Professora V.V. Vandysha. Vyp. 10.* Moscow: FGBU «GNC SSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava RF, 2013. pp. 62-74.
6. Kekelidze Z.I., Kazakovcev B.A. Razvitie sluzhb psihicheskogo zdorov'ja [Development of the mental health services]. *Rukovodstvo dlja vrachej.* Moscow: GJeOTAR-Media, 2009. 672 p.
7. Makushkina O.A., Golland V.B., Jahimovich L.A. Znachenie mer medicinskogo harak-tera v sisteme profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh [The role of medical measures in the system of the prevention of social dangerous acts of mentally ill]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*. 2013. № 4. pp. 20-26.
8. Makushkina O.A., Kotov V.P., Mal'ceva M.M. i dr. Sistema profilaktiki obshhe-stvennoj opasnosti psihicheski bol'nyh v Rossii v 2006-2013 g.g. [The system of prevention social dangerousness of mentally ill in Russia during 2006-2013]. (dinamika pokazatelej i analiz jeffektivnosti): *Analiticheskij obzor.* Moscow: FGBU «FMIPN im. V.P. Serbskogo» MZ RF. 2015. 192 p.
9. Blum R.W., Ireland M. Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey. *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 493-500.

10. Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S. Transition into adolescent problem drinking: The role of psychosocial risk and protective factors. *Journal of Studies on Alcohol*. 1999. V. 60. P. 480-490.
11. Hawkins J.D., Catalano R. F., Miller J. Y. Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention. *Psychological Bulletin*. 1992. V.112. P. 64-105.
12. Otto R.K., Douglas K.S. *Handbook of violence risk assessment*. New York: Taylor and Francis Group. 2010. P. 147–185.
13. Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I. Youth violence perpetration: What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. *Journal of Adolescent Health*. 2004. V. 35. P. 424-434.
14. Webster C.D., Martin M.L., Brink . *Manual for the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.0 Consultation Edition)*. – Port Coquitlam, BC: Forensic Psychiatric Services Commission and St. Joseph’s Healthcare. 2004.

Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением

Гурина О.Д., главный эксперт отдела психологических исследований, ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (knurik@yandex.ru)

Среди подростков нередки проявления расовой, национальной нетерпимости, которые, на наш взгляд, обусловлены наличием ксенофобских установок, определенного сочетания личностных структур, а также средовых и ситуативных факторов. В исследовании проверялась гипотеза о существовании специфики связей ксенофобских установок и личностных особенностей в структуре личности подростков с отклоняющимся (в том числе противоправным) и нормативным поведением. Выборку составили 254 подростка женского и мужского пола в возрасте 14–18 лет. Применялись методики, направленные на выявление личностных особенностей подростков и смысловых конструктов личности, а также апробированный и стандартизированный авторский опросник для определения степени выраженности ксенофобских установок. В результате были обнаружены существенные различия смысловых структур и индивидуально-психологических особенностей у подростков с нормативным и противоправным поведением с разной степенью выраженности ксенофобских установок, а также у подростков-правонарушителей, совершивших правонарушения с националистической направленностью и без нее. Полученные результаты могут быть использованы в рамках профилактики преступлений несовершеннолетних на национальной почве.

Ключевые слова: ксенофобия, ксенофобские установки, национализм, девиантное поведение, личностные особенности, индивидуально-психологические особенности, смысловые конструкты, подростки-правонарушители.

Для цитаты:

Гурина О.Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 39-57. doi: 10.17759/psylaw.2016060105

For citation:

Gurina O.D. Xenophobic attitudes and personal characteristics of adolescents with deviant behaviour. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1.

pp.39-57.

doi: 10.17759/psylaw.2016060105

Враждебность, агрессия по отношению к чужой группе – часто свойственные для подростков особенности поведения, связанные со сложным неоднозначным процессом усвоения социокультурных норм и ценностных ориентаций в этом возрасте. С одной стороны, для подростка важно быть признанным в значимой для него группе, с другой стороны, ему необходимо сохранить свое «Я». В некоторых случаях сочетание личностных особенностей подростка и ситуационных факторов может привести к совершению преступлений на почве ненависти, вражды по отношению к представителям каких-либо групп.

За 2015 год в России за насильственные преступления по мотивам ненависти было осуждено 9 подростков, при этом наибольший пик насильственных преступлений среди подростков пришелся на 2011 и 2010 годы, 60 и 118 человек соответственно¹.

В связи с этим возникает вопрос: какие личностные структуры способны оказать тормозящее влияние на открытые проявления национальной, расовой и иной нетерпимости, а какие, напротив, способствуют возникновению подобных проявлений.

С точки зрения психологии, совершение преступлений ненависти обусловлено наличием определенных факторов, среди которых ведущее место занимают враждебные установки по отношению к какой-либо группе лиц [3; 7; 9; 10; 12; 13; 15; 19; 19; 21; 24; 26; 32; 34; 35; 36; 37]. Эти установки мы будем называть ксенофобскими. Они представляют собой негативное эмоционально-смысловое отношение к определенной социальной группе, которое обуславливает готовность к враждебным действиям в отношении данной группы.

На материале обследований взрослых с ксенофобскими установками по отношению к иностранцам было показано, что их жесткие смысловые конструкты ксенофобского содержания сочетаются с враждебностью, диффузной идентичностью, низким уровнем когнитивной содержательности образа «Я», высокой зависимостью от внешних обстоятельств, аффективной неустойчивостью, преобладанием примитивных защитных механизмов [3; 13; 14; 15; 25].

В работе О.Е. Хухлаева (2009) у подростков обнаружена связь негативного национализма (на наш взгляд, понятия близкого к ксенофобским установкам) с такими личностными особенностями, как склонность к конфронтационному решению проблем, низкая ценность универсализма и убеждение в бессмысленности мира.

Подростки, совершившие правонарушения на национальной почве, в исследовании Н.Е. Лысенко (2010) характеризовались псевдосоциальной активностью, низким чувством вины, поверхностностью контактов, низкой эмпатией и сопереживанием. В работе Д.С. Ошевского (2012), посвященной изучению негативных социальных установок и смысловых конструктов у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве, выявлено, что смысловая сфера исследуемых подростков отличается конфликтностью, недифференцированностью смыслов.

¹ Сведения информационно-аналитического центра «СОБА». URL: http://www.sova-center.ru/database/sentences/?minor=yes&date_start=01%2F01%2F2015&date_end=31%2F12%2F2015&xfield=crime&yfield=y&nr=%D1%81onviction&show=1 (дата обращения: 22.01.2016).

В своем исследовании К. Wahl (2004) показал, что у подростков, склонных к агрессивному поведению в отношении «чужих», основные ценности и смыслы связаны с демонстрацией силы, превосходства над другими группами. Для них характерно проявление гиперидентичности, ингруппового инфаворитизма, снижение способности к саморегуляции, контролю деятельности.

В зарубежных исследованиях в том числе изучаются связи ксенофобских установок с такими личностными особенностями, как ценностные ориентации [29; 30], этническая идентичность [27; 31], устанавливается влияние эмоциональной сферы на проявление ксенофобии [28].

В настоящее время существуют лишь отдельные адаптированные методики, направленные на выявление ксенофобских установок и близких к нему явлений среди подростков. К ним, например, относятся методика определения типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (2008), методика «Индекс толерантности», разработанная Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаевым, Л.А. Шайгеровой (2002), шкала этнонациональных установок О.Е. Хухлаева (2008) и др. [20]. Однако ни одна из них не направлена на оценку ксенофобии среди подростков.

Для оценки характера и степени выраженности ксенофобских установок у подростков нами был разработан и апробирован опросник (шкала), включающий в себя 20 утверждений. Выраженность и характер установки по отношению к иностранцам определяется в нем степенью согласия с соответствующими утверждениями. Утверждения содержат различного рода представления о взаимоотношениях между местным населением и приезжими, чужими (иностранцами, мигрантами). При разработке и апробации шкалы с помощью специальных методов были подтверждены надежность и валидность разрабатываемого диагностического инструмента. Эта шкала может быть использована для экспресс-оценки и определения как личностных установок подростка, так и общего отношения к людям другого этнического происхождения в группе подростков [2; 5; 6].

Разработанная шкала была применена в исследовании, ориентированном на поиск ответа на поставленный выше вопрос о связи определенных личностных особенностей и ксенофобских установок у подростков. Мы предположили, что ксенофобские установки могут быть более выраженными у подростков с определенной констелляцией личностных свойств, включая индивидуально-психологические особенности (в том числе агрессивность) и характеристики смысловых образований. Предположение заключалось также в том, что у подростков с противоправным поведением выраженность ксенофобских установок будет выше. В особенности это должно касаться несовершеннолетних, совершивших преступления на национальной почве, за криминальными действиями которых стоит специфика их смысловой сферы.

Для оценки личностных свойств подростков были использованы следующие методики:

- Индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик (2009), направленный на определение индивидуально-психологических особенностей подростков;
- Личностный опросник агрессивности А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского (2007), оценивающий качества агрессивности;
- Цветовой тест отношений (ЦТО) в варианте психосемантической методики Е.Г. Дозорцевой (2004), Д.С. Ошевского (2006). С его помощью исследовались

структурные характеристики смысловой сферы подростков, включая отношение к людям своей и чужой национальности;

- интервью, разработанное Д.С. Ошевским (2006), с помощью которого оценивался уровень развития моральных суждений.

Дополнительно проводился анализ личных дел подростков для выяснения их семейных обстоятельств.

В исследовании приняли участие несколько групп подростков с противоправным и условно нормативным поведением. Общая выборка составила 254 подростка в возрасте от 14 до 18 лет. В основную группу входили подростки с противоправным поведением (несовершеннолетние, проходящие судебную экспертизу по уголовным делам; воспитанники колонии; подростки, находящиеся в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП)), в группу сравнения – подростки с условно нормативным поведением, в данном случае – учащиеся школы.

Исследование проводилось в два этапа.

На **первом этапе** данные эмпирического исследования были получены в рамках адаптации шкалы ксенофобских установок с применением всех перечисленных методик за исключением Цветового теста отношений. Выборку составили 140 подростков, из них:

- 100 подростков (средний возраст – $14,58 \pm 0,24$ лет) – учеников 8–9 классов общеобразовательной школы № 1420. Среди них 48 лиц женского пола и 52 лица мужского пола;
- 40 подростков (средний возраст – $14,50 \pm 0,25$ лет) мужского пола с девиантным поведением, содержащихся в ЦВСНП при ГУВД г. Москвы.

На **втором этапе** исследование было проведено в полном объеме методических средств.

Основную группу составили 54 подростка с противоправным поведением:

- 42 воспитанника Можайской и Рязанской воспитательных колоний (средний возраст – $17,20 \pm 0,63$ лет), среди них 25 лиц мужского пола (Можайская воспитательная колония) и 17 лиц женского пола (Рязанская воспитательная колония).

- 12 несовершеннолетних лиц мужского пола (средний возраст – $16,0 \pm 1,4$ лет), совершивших агрессивные противоправные действия на национальной почве (статьи УК РФ: 105 – «Убийство», 111 – «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», 282 – «Возбуждение ненависти, либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и прошедших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в ФГБУ «ГНЦ ССП имени В.П. Сербского» Минздрава России в период с 2008 по 2011 г. (использовались данные по Цветовому тесту отношений). Материалы были любезно предоставлены Д.С. Ошевским.

Группа сравнения – 60 подростков условной нормы, ученики 9–11 классов общеобразовательной школы (средний возраст – $16,00 \pm 1,04$ лет), 31 лицо мужского и 29 лиц женского пола.

В проведенном исследовании связей личностных особенностей и ксенофобских установок у подростков были получены следующие результаты.

На основании разработанной нами шкалы установок по отношению к иностранцам (мигрантам) были выделены три основных варианта отношений: доминирование

положительных установок, сочетание негативных и положительных установок, доминирование негативных установок. Распределение этих категорий установок в различных группах подростков представлено в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Процентное распределение выраженности установок в отношении иностранцев у подростков с противоправным поведением

	Количество (N)	Доминирование положительных установок	Сочетание негативных и положительных установок	Доминирование негативных установок
Мальчики, отбывающие наказание в колонии	25	4,0%	72,0 %	24,0 %
Мальчики, находящиеся в ЦВСНП	40	17,5%	35,0 %	47,5 %
Мальчики с противоправным поведением (все)	65	12,3 %	49,2 %	38,5 %
Девочки, отбывающие наказание в колонии	17	35,3%	53,0 %	11,7 %
Всего	83	17,0 %	50,0 %	33,0 %

Таблица 2

Процентное распределение выраженности установок в отношении иностранцев у подростков с нормативным поведением

	Количество (№)	Доминирование положительных установок	Сочетание негативных и положительных установок	Доминирование негативных установок
Мальчики	83	21,7%	47,0 %	31,3 %
Девочки	77	39,0 %	48,0 %	13,0 %
Всего	160	30,0 %	47,5%	22,5 %

Результаты опроса демонстрируют, что отсутствие ксенофобских установок нехарактерно для всех обследованных групп, большинство подростков проявляют либо сочетание негативных и позитивных установок, либо преобладание негативных установок по отношению к иностранцам, мигрантам. В то же время сравнение полученных данных по группам показывает, что положительные установки по отношению к иностранцам в значительно большей степени присутствуют у мальчиков группы нормы по сравнению с мальчиками-правонарушителями, отбывающими наказание в колонии ($\varphi^*=1,64$, $p\leq 0,05$). Аналогичным образом тенденцию к более позитивному отношению к иностранцам демонстрируют девочки, независимо от характера их социального поведения. Последнее обстоятельство требует более углубленного анализа; можно предположить, что подобный тип отношения является истинным, либо результатом ориентации на социальную желательность ответов.

Характер отношения к людям иной национальности, мигрантам может быть также определен в контексте более широких смысловых структур в соответствии с семантическими связями этих категорий с другими смысловыми комплексами, образуемыми оценочными понятиями [1; 4; 15]. Выявление таких смысловых комплексов возможно с помощью психосемантического варианта Цветового теста отношений.

Мы предположили, в частности, что смысловые структуры, включающие представление о мигрантах, людях другой национальности, будут различаться у несовершеннолетних правонарушителей, совершивших агрессивно-насильственные преступления на национальной почве, и тех, чьи преступления не имеют националистической окраски. Результаты исследования, представленные в виде кластерных структур, подтвердили эту гипотезу. Для подростков-правонарушителей свойственна полярность негативных и позитивных смыслов, в связи с чем мы иллюстрируем эти различия сопоставлением положительных и отрицательных оценочных полюсов на рисунках 1–4.

На рисунках 1, 2 представлены структуры смыслов подростков мужского пола, совершивших преступления, не связанные с националистическим мотивом.

Содержание смысловой сферы этой категории подростков характеризуется положительным отношением к ближайшему окружению, подростки идентифицируются с «матерью», «друзьями», «братом», «сестрой», «семьей», со своей национальностью «русский». Таким образом, подростки с противоправным поведением характеризуются сильной привязанностью к близкому окружению. Категория «Я сам» связана с понятиями «сила», «я глазами других», «совесть». Понятия, связанные с будущим, также входят в структуру положительных смыслов.

При этом у подростков с противоправным поведением, не связанным с националистическими мотивами, выражено негативное отношение к «нерусским», «мигрантам». Эти понятия связаны с категориями «презрение», «вина», «не мой идеал», «не я». В то же время негативную окраску имеют установки этой группы подростков по отношению к категориям, обозначающим национализм («национализм», «скинхед»).

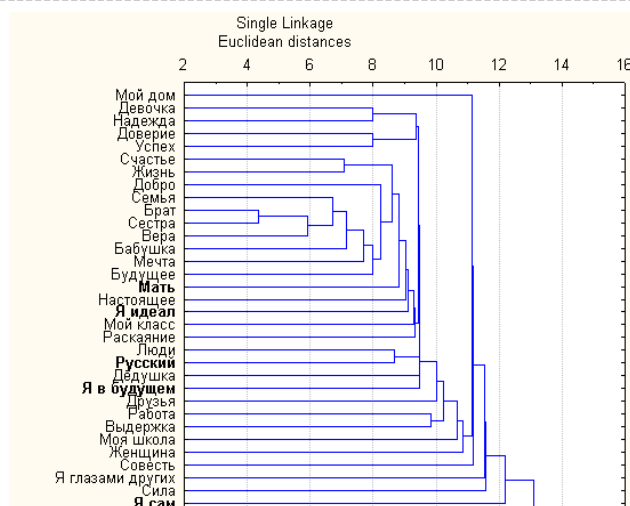

Рис. 1. Кластерная структура позитивных смыслов у подростков мужского пола, совершивших преступления, не связанные с националистическим мотивом

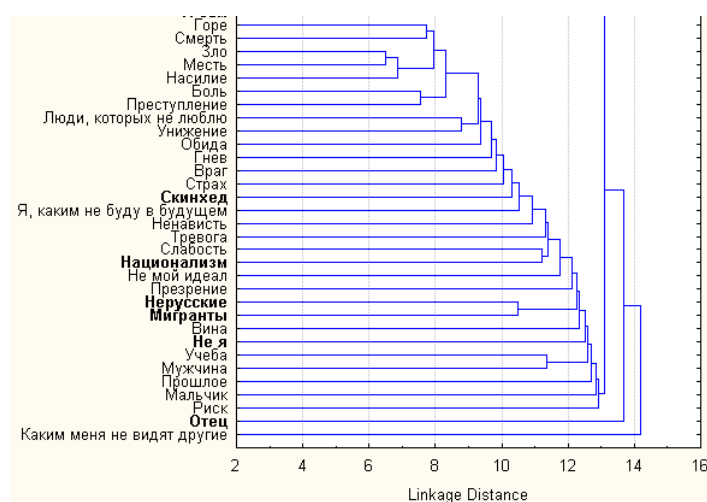

Рис. 2. Кластерная структура негативных смыслов у подростков, совершивших преступления, не связанные с националистическим мотивом

На рис. 3–4 представлены структуры смыслов подростков мужского пола, совершивших агрессивные противоправные деяния на почве национализма.

Смысловая сфера данной группы подростков свидетельствует о том, что обследуемые подростки идентифицируются с ближайшим окружением, а именно с «матерью», «друзьями», а также со своей национальностью – «русский». Одновременно подростки идентифицируются с образом скинхеда, положительно относятся к национализму. Категории «скинхед», «национализм» связаны с понятиями «я сам», «успех», «доверие», «счастье». К позитивным смыслам также относятся категории «насилие», «мечь». Подростки негативно относятся к мигрантам, нерусским, данные категории связаны с понятиями «люди, которых не люблю», «зло», «боль», «враг».

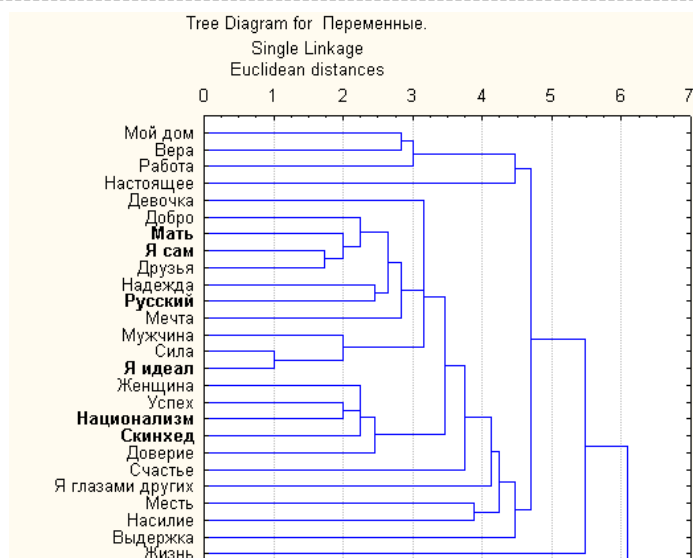

Рис. 3. Кластерная структура позитивных смыслов у подростков мужского пола, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве

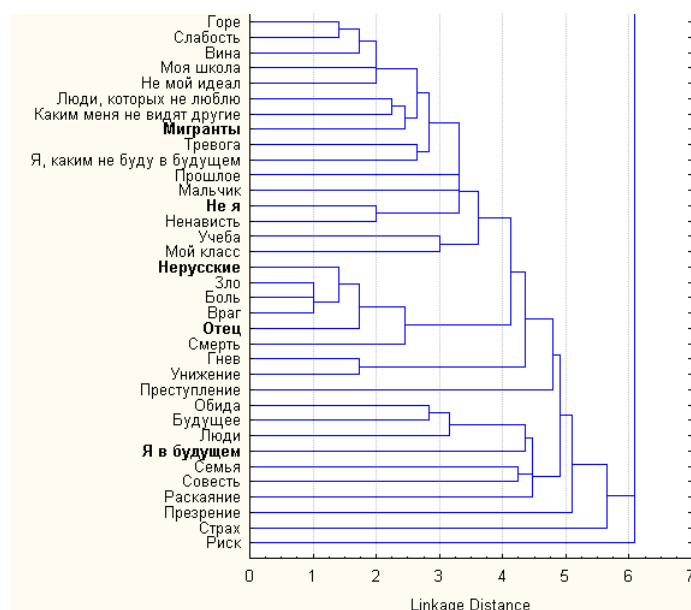

Рис. 4. Кластерная структура негативных смыслов у подростков мужского пола, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве

Таким образом, кластерные структуры демонстрируют сходство между исследуемыми группами, которое выражено в положительной идентификации образа «Я» с понятием «русский» при негативном отношении к людям другой национальности, мигрантам. Различия между подростками, совершившими преступления, обусловленные националистической мотивацией и без таковой, состоят в том, что первые характеризуются выраженной позитивной связью самоидентификации с категориями «национализм» и «скинхед», тогда как у вторых эти понятия находятся в негативной части смыслового спектра. Полученные результаты позволяют прояснить некоторые психологические механизмы совершения подростками противоправных действий националистического

характера. Такие подростки оказываются психологически изолированными от обычных для их возраста социальных групп, одноклассников («школа», «класс»), но интегрированными в националистические группировки. Обращает также на себя внимание тот факт, что семантически близкими в структуре негативных смыслов у таких несовершеннолетних являются понятия «нерусские», «зло», «боль», «враг» и «отец», что указывает на проблемный характер их семейного окружения и отвержение фигуры отца. Существенную проблему в этой связи представляет также формирование их гендерной идентичности, которое имеет компенсаторный характер именно за счет идентификации с референтной группой и приобретения гипермаскулинных черт, связанных с категориями «сила», «насилие». Внутренняя конфликтность смысловых структур отражается у них также в том, что негативный полюс их смыслов включает самоидентификационное понятие «Я в будущем».

В целом, смысловая сфера подростков с противоправным поведением характеризуется конфликтностью и слабой дифференцированностью смыслов, что также связано с нарушениями формирования и развития их идентичности.

Исследование, направленное на установление связи негативных установок по отношению к иностранцам и индивидуально-психологических особенностей подростков-правонарушителей, а также уровня их моральных суждений, продемонстрировало существование специфического комплекса таких связей. Для оценки связей использовался непараметрический критерий Спирмена. Обнаружено, что ксенофобские установки по отношению к иностранцам у подростков с противоправным поведением связаны с повышенным уровнем физической агрессии ($r=0,489$, $p<0,01$), агрессивности ($r=0,306$, $p<0,01$), спонтанности ($r=0,227$, $p<0,01$), преобладанием группоцентрического уровня развития моральных суждений ($r= -0,498$, $p<0,01$), со снижением количества сдерживающих факторов ($r= -0,286$, $p<0,01$), уменьшением числа оценок допустимости нарушения социальных норм ($r= -0,390$, $p<0,01$), а также с низким уровнем сензитивности ($r= -0,445$, $p<0,01$), тревожности ($r= -0,370$, $p<0,01$), (рис. 5).

Рис. 5. Схема корреляционных связей индивидуально-психологических особенностей у подростков с противоправным поведением с доминированием негативных установок по отношению к иностранцам

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для подростков, относящихся к иностранцам положительно, характерен более высокий уровень сензитивности, т. е. они более чувствительны, более впечатлительны, им также присущ более высокий уровень тревожности, определяющей повышенную эмоциональность, восприимчивость. В то же время подростки с негативными установками по отношению к иностранцам характеризуются склонностью к физической агрессии в поведении, а также низкой чувствительностью, в том числе к проблемам других людей. Склонность к проявлению враждебности более характерна для подростков с противоправным поведением, в то время как учащиеся школ характеризуются спонтанностью и в целом высоким уровнем агрессивности при наличии негативных установок к иностранцам. Выраженные ксенофобские установки у подростков сочетаются с пониженным уровнем моральных суждений (группоцентрическим), выражающим ориентацию на собственную группу, в том числе национальную.

Гендерные различия у подростков с противоправным поведением проявляются в том, что девочки этой категории демонстрируют повышенный уровень агрессии и спонтанности по сравнению с подростками мужского пола с противоправным поведением. Однако мальчики с противоправным поведением склонны чаще, чем девочки, выразить негативные установки по отношению к иностранцам.

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, что ксенофобские установки в большей или меньшей степени свойственны обследованным подросткам как с нормативным, так и противоправным поведением, причем девочкам в меньшей степени, чем мальчикам. Выраженные ксенофобские установки у подростков с отклоняющимся (в том числе противоправным) поведением связаны с низким уровнем развития морального сознания (преобладание эгоцентрического и группоцентрического уровней) и такими индивидуально-психологическими особенностями, как агрессивность, спонтанность. Слабая выраженность ксенофобских установок, либо их отсутствие связаны с просоциальным уровнем развития моральных суждений, наличием внутренних преград по отношению к совершению асоциальных поступков, а также такими индивидуально-психологическими особенностями, как тревожность и сензитивность.

Для подростков, совершивших агрессивно-насильственные противоправные действия на почве национализма, собственная национальность и национализм, а также принадлежность к националистической референтной группе являются смыслообразующими факторами, определяющими и структурирующими их идентичность, формирующими положительный образ «Я» и компенсирующими психологические дефициты (в том числе проблемы формирования гендерной маскулинной идентичности, психологической изоляции от группы просоциальных сверстников, школьной неуспешности). Ксенофобские установки таких подростков взаимно усиливаются свойственными им агрессивностью и враждебностью.

Подростки, совершившие противоправные действия без националистической направленности, при негативном отношении к лицам иной национальности, мигрантам не демонстрируют позитивную значимость смыслов, связанных с национализмом. Для них характерно значительное число нерешенных психологических проблем: слабая структурированность личности, несформированность идентичности, амбивалентность представлений о себе, изолированность и отчужденность в отношениях с социальными институтами и адаптированными сверстниками, в то же время у них выражена эмоциональная идентификация с близкими (родителями).

Совокупность факторов, связанных с наличием ксенофобских установок, становлением идентичности за счет солидаризации с идеологией национализма и идентификацией с националистическими группировками, низким уровнем развития моральных суждений в сочетании с агрессивностью, враждебностью, спонтанностью усиливают риск совершения правонарушений на национальной почве и способствуют их совершению при наличии соответствующих ситуационных условий.

Отсутствие выраженной националистической направленности, относительно высокий уровень моральных суждений, способность к эмоциональной идентификации с близкими и эмоциональная чувствительность (сензитивность, тревожность), внутренние преграды для совершения асоциальных поступков являются факторами защиты, сдерживающими совершение правонарушений на национальной почве.

Результаты исследования позволяют предположить, что профилактика преступлений на национальной почве более эффективна на ранних стадиях, до наступления подросткового возраста. Преодоление школьной дезадаптации, включение детей в деятельность, где они могут добиться успеха, сформировать гендерную идентичность и позитивный образ «Я», развить эмпатию и способность к адекватным моральным суждениям, просоциальные установки, структурировать смысловую сферу, позволят снизить риск формирования ксенофобии и совершения подростками противоправных действий на почве национализма.

Результаты проведенного исследования позволяют наметить перспективные направления дальнейших исследований в данной области, в частности, изучение взаимосвязи личностных и ситуационных факторов в возникновении ксенофобского поведения у подростков, анализ гендерной специфики личностных особенностей подростков с ксенофобскими установками, разработку подходов к профилактике экстремизма среди подростков.

Литература

1. Гурина О.Д. Исследование смысловых конструкторов, отражающих отношение к национальностям и национализму у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n3/71350.shtml (дата обращения: 20.01.2016).
2. Гурина О.Д. Методика диагностики ксенофобских установок у подростков // Молодые ученые – столичному образованию. Материалы XII городской научно-практической конференции с международным участием. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 268–270.
3. Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А. Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 92–103.
4. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением: монография. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2004. 352 с.
5. Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (дата обращения: 20.01.2016).
6. Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 44–53.
7. Ениколопов С.Н. Психологические проблемы «преступлений ненависти» // Сборник тезисов городской научно-практической конференции «Профилактика ксенофобии, экстремизма и национализма в детской и подростковой среде». М.: Изд-во: МГППУ, 2009. С. 16–21.
8. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115–124.
9. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 1961. № 10. С. 187–205.
10. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005. 46 с.
11. Лысенко Н.Е. Психолого-социальные характеристики молодых людей, обвиняемых в совершении убийств на национальной почве // Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии «Психология и право в современной России» с международным участием. М.:

МГППУ, 2010. С. 24–25.

12. *Маланцева О.Д.* Современные направления исследования ксенофобии среди подростков // Современная зарубежная психология. 2012. № 3. С. 14–25.
13. *Мешкова Н.В.* Ситуативные и личностные особенности межгрупповой предубежденности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 23 с.
14. *Носов С.С.* Особенности механизмов психологических защит у мальчиков-подростков, склонных к проявлению ксенофобии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39932_full.shtml (дата обращения 25.02.2016).
15. *Ошевский Д.С.* Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Сборник тезисов конференции «Коченовские чтения. Психология и право в современной России». М.: МГППУ, 2012. С. 264–266.
16. *Ошевский Д.С.* Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения: автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 2006. 23 с.
17. *Сафуанов Ф.С.* Агрессия на почве ксенофобии: проблема психологических механизмов // Сборник тезисов городской научно-практической конференции «Профилактика ксенофобии, экстремизма и национализма в детской и подростковой среде». М.: МГППУ, 2009. С. 30–33.
18. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии, 1997. 480 с.
19. *Солдатова Г.У., Макарчук А.В.* Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, 2006. 256 с.
20. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
21. *Стадников М.Г., Щеглов А.А.* Социальная психология современного экстремизма. М.: АВАНГАРД ЦЕНТР, 2014. 124 с.
22. *Хухлаев О.Е.* Негативный национализм в молодежной среде: социально-психологические причины (результаты экспериментального исследования) // Сборник тезисов городской научно-практической конференции «Профилактика ксенофобии, экстремизма и национализма в детской и подростковой среде». М.: МГППУ, 2009. С. 34–38.
23. *Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р.* Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.
24. *Шнейдер Л.Б.* Молодежный экстремизм: сущность, гендерная специфика, противодействие и профилактика: монография. М.: МПСУ, 2014. 196 с.
25. *Юрасова Е.Н.* Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. №4. С. 27–35.
26. *Beelmann A., Heinemann K.S.* Reventing prejudices and improving intergroup attitudes:

- A meta-analysis of child and adolescent training programs // Journal of Applied Developmental Psychology. 2014. Vol. 35. № 1. P. 10–24.
27. *Brown C.S.* American elementary school children's attitudes about immigrants, immigration, and being an American // Journal of Applied Developmental Psychology. 2011. Vol. 32. P. 109–117.
 28. *Choma B.L., Hodson G., Costello K.* Intergroup disgust sensitivity as a predictor of islamophobia: The modulating effect of fear // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 4. P. 499–506.
 29. *Coffe H., Voorpostel M.* Young people, parents and radical right voting. The Case of the Swiss People's Party Original Research // Article Electoral Studies. 2010. Vol. 29. № 3. P. 435–443.
 30. *Cross J.R. Fletcher K.L.* Associations of parental and peer characteristics with adolescents' social dominance orientation // Journal of Youth and Adolescence. 2011. Vol. 40. № 6. P. 694–706.
 31. *Gaertner S., Dovidio J.* A common ingroup identity: A categorization-based approach for reducing intergroup bias // Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination / Todd D. Nelson (Ed.). N. Y.: Psychology Press, 2009. P. 489–505.
 32. *Pettigrew T.F.* Probing the complexity of intergroup prejudice // International Journal of Psychology. 2009. Vol 44 (1). P. 40–42.
 33. *Pfeifer J., Rubble D., Bachman M., Alvarez J., Cameron J., Fuligni A.* Social identities and intergroup bias in immigrant and nonimmigrant children // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43 (2). P. 495–507.
 34. *Savage J., Ellis S. K., Kozey K.* A selective review of the risk factors for antisocial behavior across the transition to adulthood // Psychology. 2013. Vol 4. P. 1–7.
 35. *Steinberg A., Brooks J., Remtulla T.* Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention // Am J Psychiatry. 2003. Vol. 160. P. 979–989.
 36. *Sullaway M.* Psychological perspectives on hate crime laws // Psychology, Public Policy and Law. 2004. Vol. 10. № 3. P. 250–292.
 37. *Wahl K.* Development of Xenophobia and Aggression // International Journal and Applied Criminal Justice. 2002. Vol. 26. № 2. P. 247–256.

Xenophobic attitudes and personal characteristics of adolescents with deviant behaviour

Gurina O.D., chief expert of department of psychological investigations, GBU of Moscow «Moscow investigation centre» (knurik@yandex.ru)

There are often racial, ethnic intolerance among adolescents, which, in our opinion, caused by the presence of xenophobic attitudes, some combination of personality structures and situational factors. We hypothesized that there is a specificity of the relationship of xenophobic attitudes and personality characteristics in the structure of the person of adolescents with deviating (including illegal) behavior and normative behavior. The study involved 254 female and a teenage male aged 14 - 18 years. The study used a questionnaire to identify the severity of xenophobic attitudes, as well as the methodology and questionnaires to identify the personality characteristics of adolescents and semantic constructs of personality. As a result, significant differences were found in the personal features (criterion U-Mann-Whitney test with $p < 0,01$) and semantic structures in adolescents with regulations and illegal behavior of offenders with a nationalist orientation and without it. The results can be used in the framework of the prevention of hate crimes among adolescents.

Keywords: xenophobia, xenophobic attitudes, nationalism, deviant behavior, individual-psychological traits, personality traits, semantic structures, juvenile offenders.

References

1. Beelmann A., Heinemann K.S. Reverting prejudices and improving intergroup attitudes: A meta-analysis of child and adolescent training programs. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2014. Vol. 35, no. 1, pp. 10-24.
2. Brown C.S. American elementary school children's attitudes about immigrants, immigration, and being an American. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2011. Vol. 32, pp. 109-117.
3. Choma B.L., Hodson G., Costello K. Intergroup disgust sensitivity as a predictor of islamophobia: The modulating effect of fear. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012. Vol. 4, pp. 499-506.
4. Coffe H., Voorpostel M. Young people, parents and radical right voting. The Case of the Swiss People's Party Original Research. *Article Electoral Studies*, 2010. Vol. 29, no. 3, pp. 435-443.
5. Cross J.R., Fletcher K.L. Associations of parental and peer characteristics with adolescents' social dominance orientation. *Journal of Youth and Adolescence*, 2011. Vol. 40, no. 6, pp. 694-706.

6. Gaertner S., Dovidio J. A common ingroup identity: A categorization-based approach for reducing intergroup bias. Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination. Todd D. Nelson (Ed.). New York: Psychology Press, 2009, pp. 489-505.
7. Gurina O.D. Metodika diagnostiki ksenofobskikh ustanovok u podrostkov [The questionnaire of xenophobic attitudes of adolescents] *Molodye uchenye – stolichnomu obrazovaniiu. Materialy XII Gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, [Young scientists - the capital formation. Materials of the XII public scientific-practical conference with international participation]*. Moscow: Publ. MGPPU, pp. 268-270.
8. Gurina O.D. Issledovanie smyslovykh konstruktov, otrazhaiushchikh otnoshenie k natsional'nostiam i natsionalizmu u podrostkov-pravonarushitelei [The study of semantic constructs reflecting the attitude towards nationalities and nationalism in juvenile offenders] *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru, [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014. no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n3/71350.shtml (Accessed 20.01.2016).
9. Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N., Sokol'skaya M.D., Fursova I.A. Tsennostnye orientatsii pravyykh ehkstremistov [Value orientation of right-wing extremists]. *Yuridicheskaja psikhologija [Juridical psychology]*, 2010. no. 5, pp. 92-103.
10. Dozortseva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [An anomalous development of personality in adolescents with unlawful behavior]. Monografija. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo, 2004, 352 p.
11. Dozortseva E.G., Malantseva O.D. Ksenofobija i molodezhnyi ekstremizm: istoki i vzaimosviazi [Xenophobia and youth extremism: origins and interrelations] *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru, [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2012. no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (Accessed 20.01.2016).
12. Dozortseva E.G., Malantseva O.D. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, sklonnykh k ksenofobii [Psychological characteristics of adolescents prone to xenophobia]. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2010. no. 2, pp. 44-53.
13. Enikolopov S.N. Psikhologicheskie problemy «prestuplenii nenavisti» [Psychological problems of hate crimes]. In Dozortseva E.G. (eds.) *Sbornik nauchnykh tezisov "Profilaktika ksenofobii, ehkstremizma i natsionalizma v detskoj i podrostkovoj srede"* (g. Moskva, 16 sentyabrja, 2009) [Collection of scientific theses "Prevention of xenophobia, extremism and nationalism in children and adolescents"]. Moscow: Publ. MGPPU, 2009, pp. 16-21.
14. Enikolopov S.N., Tsibul'skii N.P. Psikhometricheskii analiz russkoiazыchnoi versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of Russian-speaking version test of diagnostic aggression by A. Bass and M. Perry]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2007. no. 1, pp. 115-124.

15. Huhlaev O.E. Negativnyi natsionalizm v molodezhnoi srede: sotsial'no-psikhologicheskie prichiny (rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya) [Negative nationalism among young people: social and psychological reasons (Experimental results)]. In Dozortseva E.G. (eds.) Sbornik nauchnykh tezisov "Profilaktika ksenofobii, ehkstremizma i natsionalizma v detskoj i podrostkovoj srede" (g. Moskva, 16 sentyabrja, 2009) [Collection of scientific theses "Prevention of xenophobia, extremism and nationalism in children and adolescents"]. Moscow: Publ. MGPPU, 2009, pp. 34-38.
16. Huhlaev O.E., Buchek A.A., Zinurova R.I., Radina N.K., Tudupova T.TS., Hakimov E.H.R. Etnonatsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoi molodezhi (na materiale issledovaniya studenchestva neskol'kikh regionov Rossii) [Ethnic attitudes and values of modern youth (on materials of research of the students of several regions of Russia)]. *Kul'turno-istoricheskaja psikhologija* [Cultural-historical psychology], 2011. no. 4, pp. 97–106.
17. Kon I.S. Psikhologiya predrassudka: o sotsial'no-psikhologicheskikh kornyakh ehtnicheskikh predubezhdenii [Psychology of prejudice: on socio-psychological roots of ethnic prejudices]. *Novyi mir* [New world], 1961. no. 10, pp.187–205.
18. Kroz M.V., Ratinova N.A. Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye aspekty ksenofobii [Socialpsychological and legal aspects of xenophobia]. Moscow: Academia, 2005. 46 p.
19. Lysenko N.E. Psikhologo-sotsial'nye kharakteristiki molodykh lyudei, obvinyaemykh v sovershenii ubiystv na natsional'noi pochve [Psychological and social characteristics of young people accused of committing murders on ethnic grounds]. Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii "Psikhologija i pravo v sovremennoi Rossii" s mezhdunarodnym uchastiem. [Abstracts of the participants of All-Russian Conference on Legal Psychology "Psychology and Law in Contemporary Russia" with international participation.]. Moscow: MGPPU, 2010. pp. 24-25.
20. Malantseva O.D. Sovremennye napravlenija issledovaniya ksenofobii sredi podrostkov [Current trends in study of xenophobia in adolescents] *Sovremennaja zarubezhnaja psikhologija* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2012. no. 3, pp. 14-25. Available at: <http://psyjournals.ru/en/jmfp/2012/n3/56727.shtml> (Accessed 20.01.2016).
21. Meshkova N.V. Situativnye i lichnostnye osobennosti mezhruppovoi predubezhdenosti. Avtoref. dis. kand. psychol. nauk. [Situational and personal characteristics intergroup bias. Kand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 23 p.
22. Nosov S.S. Osobennosti mekhanizmov psikhologicheskikh zashchit u mal'chikov-podrostkov, sklonnykh k proyavleniyu ksenofobii [Features of psychological protection mechanisms in adolescent boys who are prone to xenophobic]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2011. no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39932_full.shtml (Accessed 25.02.2016).
23. Oshevskij D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyanija na natsional'noi pochve [Negative social attitudes and semantic constructs in adolescents who have committed violent criminal acts on national ground]. *Yuridicheskaja psikhologija* [Juridical psychology], 2012. no. 3, pp. 30–34.

24. Oshevskii D.S. Psikhicheskoe razvitie u podrostkov s psikhicheskimi rasstroistvami, sovershivshikh agressivno-nasil'stvennye pravonarusheniya: Avtoref. dis. kand. psychol. nauk. [Mental development of adolescents with mental disorders who have committed aggressive and violent offences. Kand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 23 p.
25. Pettigrew T. F. Probing the complexity of intergroup prejudice. *International Journal of Psychology*, 2009. Vol 44 (1), pp. 40-42.
26. Pfeifer J., Rubble D., Bachman M., Alvarez J., Cameron J., Fuligni A. Social identities and intergroup bias in immigrant and nonimmigrant children. *Developmental Psychology*, 2007. Vol. 43 (2), pp. 495-507.
27. Safuanov F.S. Agressiya na pochve ksenofobii: problema psikhologicheskikh mekhanizmov [Aggression motivated by xenophobia: the problem of psychological mechanisms]. In Dozortseva E.G. (eds.) Sbornik nauchnykh tezisov "Profilaktika ksenofobii, ehkstremitizma i natsionalizma v detskoj i podrostkovoj srede" (g. Moskva, 16 sentyabrja, 2009) [Collection of scientific theses "Prevention of xenophobia, extremism and nationalism in children and adolescents"]. Moscow: Publ. MGPPU, 2009, pp. 30-34.
28. Savage J., Ellis S. K., Kozey K. A selective review of the risk factors for antisocial behavior across the transition to adulthood, *Psychology*. 2013. Vol. 4, pp. 1-7.
29. Shneider L.B. Molodezhnyi ekstremizm: sushchnost', gendernaja spetsifika, protivodeistvie i profilaktika [Youth extremism: nature, gender specify, counteraction and prevention]. Monografiia. Moscow: MPSU, 2014. 196 p.
30. Sobchik L.N. Vvedenie v psikhologiju individual'nosti [Introduction to psychology of indentity]. Moscow: Institut prikladnoi psikhologii, 1997. 480 p.
31. Soldatova G.U., Makarchuk A.V. Mozhet li «drugoi» stat' drugom? Trening po profilaktike ksenofobii [Can the "other" to become a friend? Training on the prevention of xenophobia]. Moscow: Genezis, 2006. 256 p.
32. Soldatova G.U., Shaigerova L.A. Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnosics of personal tolerance]. Moscow: Smysl, 2008. 172 p.
33. Stadnikov M.G., Shcheglov A.A. Sotsial'naja psikhologija sovremennogo ekstremizma [Social psychology of modern extremism]. M.: AVANGARD TSENTR, 2014. 124p.
34. Steinberg A., Brooks J., Remtulla T. Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention. *Am J Psychiatry*, 2003. Vol. 160, pp. 979-989.
35. Sullaway M. Psychological perspectives on hate crime laws. *Psychology, Public Policy and Law*, 2004. Vol. 10, no. 3, pp. 250-292.
36. Wahl K. Development of Xenophobia and Aggression. *International Journal and Applied Criminal Justice*, 2002. Vol. 26, no. 2, pp. 247-256.
37. Yurasova E.N. Psikhologicheskie osobennosti lits, sklonnykh k ekstremizmu, terrorizmu i ksenofobii [Psychological characteristics of people who are prone to extremism, terrorism and xenophobia].

Гурина О.Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением. *Психология и право* psyandlaw.ru 2016. Том 6. №1. С. 39-57.

Gurina O.D. Xenophobic attitudes and personal characteristics of adolescents with deviant behaviour. *Psychology and law* psyandlaw.ru Vol. 6. no.1. pp. 39-57.

terrorism and xenophobia]. *Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]*. 2008, no.4, pp. 27-35.

Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 1)

Дегтярев А.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (degtyarevAV@mgppu.ru)

Галкина Е.А., магистр кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (cathie-doux@mail.ru)

В работе приводятся результаты эмпирического исследования эмпатических особенностей и личностных характеристик студентов-психологов. Выборку составили 60 студентов разных курсов, обучающихся на факультете юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Одной из главных задач исследования стало выявление особенности эмпатических способностей у студентов-психологов на разных стадиях профессиональной подготовки. Первая часть данной работы посвящена анализу теоретических и эмпирических результатов исследования эмпатических способностей студентов-психологов. Во второй части работы будут отражены результаты анализа связей между эмпатическими способностями и личностными особенностями студентов, а также будет обсуждаться психологический профиль современного студента-психолога. В целом в процессе анализа результатов было выяснено, что у студентов старших курсов показатели эмпатии являются более высокими, в отличие от студентов младших курсов. Однако ни у одного студента не был выявлен высокий уровень эмпатических способностей, что говорит о необходимости создания образовательных условий, благоприятных для развития столь необходимого элемента для эффективной профессиональной деятельности психолога.

Ключевые слова: эмоциональная сфера, личностные особенности, юношеский возраст, подготовка специалистов.

Для цитаты:

Дегтярев А.В., Галкина Е.А. Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 1). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 58-72. doi: 10.17759/psylaw.2016060106

For citation:

Degtyarev A.V., Galkina E.A. Personality and emotional sphere of students in the context of the preparation of specialists for work with children in legally relevant situations (Part 1). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.58-72. doi: 10.17759/psylaw.2016060106

Каждая профессиональная деятельность требует от специалиста определенного набора способностей и личностных качеств, которые под влиянием особенностей данной деятельности выступают как профессионально значимые. Профессиональная деятельность является стимулом для развития личности и выступает как условие формирования ее качеств и черт, которые наиболее адекватны конкретным ее формам. Для каждой профессии характерны своя система ценностей и смысл, которые определяются направленностью деятельности на объект (субъект). В связи с этим, профессиональная деятельность психолога, детерминируемая морально-этическими принципами в отношении к объекту (субъекту), является весьма специфичной за счет круга своих задач, включающих взаимодействие специалиста с достаточно широким кругом явлений социальной действительности.

Многие исследователи отмечают наличие специальных качеств и способностей, необходимых для успешной профессиональной психологической деятельности, специфический характер которых определяется не только природными особенностями, но и характером труда человека, спецификой объекта (субъекта), на который направлена эта деятельность [2; 3]. По Н.А. Стафуриной и Н.В. Бачмановой, *талант общения* представляет собой основную специальную способность психолога. Структурируя данную способность, авторы выделили следующие ее компоненты: восприятие другого человека (быстрая ориентированность в ситуации, наблюдательность), понимание внутренних свойств и особенностей личности (интуиция), способность сопереживать (альтруизм, эмпатия, уважение и доброта к людям), а также способность к самоконтролю и рефлексии [3].

В работах Н.А. Аминова и М.В. Молоканова отмечается, что успешность деятельности психолога зависит от таких факторов, как коммуникативные и проектные (воздействующие на поведение людей) навыки, а также антропоцентрическая направленность. С помощью многофакторного личностного опросника Кеттелла было установлено, что психологи-исследователи характеризуются эмоциональной холодностью, выраженной готовностью к общению, рационализмом в коммуникациях, а также сдержанностью при ярко выраженном интересе к другой личности. Психологам-практикам, в свою очередь, свойственна общительность и готовность к контактам, умение их поддерживать, способность сохранять самообладание в общении, эмоционально располагать к себе окружающих, высокий интеллект, эмпатия (чувствительность), которая облегчает ориентацию в сфере эмоций клиента, неконформизм, а также повышенная ответственность за свои действия [2].

Б.В. Кайгородов и И.А. Еремицкая считают, что эффективность профессиональной деятельности психолога напрямую зависит от развитой способности к пониманию [13].

Таким образом, большинство авторов среди профессионально значимых показателей компетентности психолога особую роль отводят развитости эмоциональной сферы, и в частности, эмпатии, как одному из основных ее компонентов [6; 7; 11; 21].

Изучение эмпатии как основной межличностной способности понимать эмоциональное состояние человека, сочувствовать и сопереживать ему, быть готовым к помощи, всегда было актуальной проблемой для психологии. Особый интерес представляет проблема исследования и развития эмпатии как профессионально важного качества будущего психолога, поскольку профессиональная психологическая деятельность предъявляет к личности особые требования: умение понимать эмоциональное состояние другого человека, проявлять искренность в отношениях с людьми, правильно передавать и отражать переживаемые в настоящий момент чувства. Успешная и эффективная профессиональная деятельность психолога невозможна без практического овладения эмпатией, можно даже сказать, что она является основным инструментом в его работе. Кроме того, при подготовке будущих профессионалов высшие учебные заведения в основном направляют особое внимание на умение студентов применять теоретические знания на практике, однако остается недостаточной личностная подготовка к профессии, которая особенно необходима в профессиональном становлении студента-психолога. Известно, что в пору студенчества у молодого человека активно развиваются все уровни психики, формируется готовность к профессии, развивается нравственность, система ценностных ориентаций и мировоззрение. Таким образом, можно определить студенческий возраст как сенситивный период для формирования эмпатии.

Переходный возраст от юности к зрелости характеризуется началом взрослой, самостоятельной жизни. Выделяют следующие возрастные периоды, входящие в рамки юношеского возраста: 16–17 лет – период ранней юности, 17–20 лет – юность в узком смысле, 20–25 лет – период поздней юности – ранней взрослости [15; 16]. Поскольку перечисленные возрастные периоды, а в особенности период поздней юности, часто совпадают с жизненным этапом получения профессионального образования, юношеский возраст определяют как студенческий возраст или студенчество.

Этот возраст связан с вступлением в самостоятельную жизнь, с решением задач самоопределения в личностном и профессиональном плане, активным развитием самосознания. Формируются профессиональные и познавательные интересы, появляется самостоятельность и способность планировать свой жизненный путь, появляется общественная активность и потребность в труде. В студенческие годы молодые люди утверждают себя в выбранной профессии, обретают профессиональные навыки. Таким образом, ведущей деятельностью в студенческом возрасте является учебно-профессиональная, а основными новообразованиями данного возраста являются осознание собственной индивидуальности, развитие рефлексии, формирование жизненных планов, самоопределение как профессиональное, так и личностное, формирование мировоззрения, развитие самосознания [9; 16].

В работе И.А. Мещеряковой отмечены такие специфические особенности, свойственные личности студенческого возраста, как социально-психологическая неустойчивость, причиной которой предположительно считают недостаток жизненного опыта, который часто может приводить к разочарованиям, импульсивности, скептицизму и пессимизму. Кроме того, в период юности отмечены внутренняя противоречивость сознания, склонность к немотивированному риску, наличие ролевых и мотивационных конфликтов, а также когнитивных противоречий, которые возникают из-за резкого

изменения образа жизни, роли и статуса при поступлении в высшее учебное заведение и учебе в нем [18].

Для молодых людей особую значимость приобретают коммуникации со сверстниками, поскольку психологическая зависимость от взрослых начинает отходить на второй план, уступая место самостоятельности. Кроме того, в отношениях со сверстниками особенно важными становятся индивидуальные контакты и привязанности [20]. В этот период начинается поиск единомышленников и спутников жизни, растет потребность в сотрудничестве с окружающими людьми, появляется чувство интимности в общении с близким кругом людей. [1] На этапе студенчества возрастает потребность в общении, которая проявляется в расширении общих интересов и сферы коммуникаций, важную роль здесь играет также потребность во взаимодействии (совместной деятельности), поскольку молодому человеку необходимы новый опыт и признание общества. [16] С другой стороны, проявляется обособление от общества, стремление к индивидуализации, укреплению своего чувства личности. Обособление выступает как способ удержания дистанции при общении с окружающими, оно позволяет молодому человеку сохранить «свое лицо» на рациональном и эмоциональном уровне взаимодействия. Несмотря на некоторую противоположность этих двух тенденций в сфере общения, они тесно связаны [16; 19].

Таким образом, эмоциональная сфера в юности претерпевает существенную перестройку, проявляется решительность, самокритичность, самостоятельность [9]. Период юности характеризуется повышенной тревожностью, резкой сменой настроения, неуравновешенностью. Важно отметить, что эмоциональность в этом возрасте находится в тесной связи с самосознанием и самооценкой [19].

Эмоциональная сфера личности является сложным конструктом, включающим в себя различные аспекты. Как было сказано выше, многие исследования выделяют *эмпатию* как наиболее важную характеристику эмоциональной сферы в контексте становления психолога как специалиста.

Определение эмпатии как особого психологического явления, было длительным и вызывало затруднения у ученых разных психологических школ, до сих пор не имеется единого понимания данного феномена и единой точки зрения на структуру, природу, механизм действия и формы выражения эмпатии.

Некоторые зарубежные исследователи выделяют в структуре эмпатии два компонента – сочувствие и сопереживание, при этом разделяя их по способам эмоционального реагирования: соучастие в переживаниях партнера при сохранении собственных независимых чувств или полное слияние с другим человеком, отождествление с его переживаниями собственных эмоций и чувств [12].

В современной отечественной психологии эмпатия выступает как:

- деятельность, позволяющая особым образом выстраивать общение;
- психологический процесс, который способствует одному индивиду понять переживания другого;
- особый вид внимания к другой личности;
- свойство личности, способность (эмпатийность, т. е. эмпатия как характеристика человека) [7].

В концепции Т.П. Гавриловой эмпатия представлена как форма сочувствия, приводящая к актуализации доверия, теплоты, заботы, поддержки и открытости. Кроме

того, среди эмпатийных переживаний автор выделяет сочувствие как более сложную форму эмпатии и сопереживание – как более простую, при этом отмечая, что в случае сочувствия проявляются альтруистические тенденции, а в случае сопереживания – эгоистические [8].

Б.М. Теплов определял способность к эмпатии как функцию и признак «живого воображения», подразумевающую истинно чуткое отношение к другим людям. Для полного сопереживания с отрицательными или положительными эмоциями, полагает автор, необходимо «перенестись» в положение другого человека, мысленно встать на его место [24].

Т.В. Дорошенко в структуру понятия «эмпатия» включает следующие составляющие: симпатию, сочувствие, сопереживание, эмоциональную отзывчивость, эмоциональный отклик на переживания другого, эстетическое наслаждение, помощь другому [11].

В своем исследовании Д.М. Даудова изучала эмпатию в качестве механизма профессионального саморазвития студентов-педагогов [10]. Автору удалось выявить следующее:

1. уровень проявления эмпатии как значимого качества будущего педагога или психолога тем выше, чем выше этап профессионального становления, что проявляется в развитии эмпатии как личностного свойства;

2. эмпатия проявляется в тесной взаимосвязи с такими психологическими особенностями, как душевная мягкость, общительность, доброжелательность, чуткость, толерантность, интеллигентность, альтруизм и чувство юмора;

3. уровень эмпатии можно эффективно формировать с помощью методического комплекса психотехнологического воспитания, обучения и анализа, а также тренинговых процедур, направленных на развитие эмпатии в процессе профессионального становления будущих педагогов и психологов.

Таким образом видно, что существуют различные подходы к пониманию феномена *эмпатии*, однако так или иначе его рассматривают как эмоциональный отклик одного человека на переживания и чувства другого. Кроме того, в большинстве исследований эмпатия рассматривается как положительное отношение к людям, умение проявлять альтруистическое поведение и внимание к внутреннему миру другого человека. Следовательно, очередной раз можно утверждать, что эмпатия – это одно из основных структурных элементов эмоциональной сферы личности, и вместе с тем данное свойство является основным профессиональным качеством, необходимым психологу для эффективного осуществления профессиональной деятельности [3; 6; 7; 11; 13; 21].

Для изучения эмпатических особенностей и личностных характеристик студентов-психологов было проведено исследование 60 студентов факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета: 30 студентов первого курса в возрасте от 17 до 20 лет (28 девушек и 2 юноши), 30 студентов пятого курса в возрасте от 21 до 24 лет (22 девушки и 8 юношей). Основными задачами исследования являлись:

- проанализировать особенности эмпатических способностей у студентов-психологов на разных стадиях профессиональной подготовки;
- выявить значимые связи между эмпатическими способностями и особенностями личности студентов.

Главной гипотезой исследования стало утверждение о том, что у студентов старших курсов показатели эмпатии должны быть значимо выше, чем у студентов младших курсов.

Для исследования выраженности эмпатии и выявления уровней ее различных проявлений в работе использовались три методики:

1. «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии» (И.М. Юсупов). Методика позволяет изучить уровень развития эмпатии, который рассматривается как эмоциональный компонент общего уровня морально-нравственного развития личности. С помощью данного теста, можно выявить выраженность эмпатии в различных областях жизни человека, а также ее общий уровень [25].

2. «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбян, Н. Эпштейн) [22]. Опросник предназначен для выявления уровня эмпатии как личностной черты. Разработан в 1972 г. А. Мехрабианом и М. Эпштейном (Эпстайном), на русском языке адаптирован в 1986 г. Ю.М. Орловым и Ю.Н. Емельяновым [22].

3. «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» (В.В. Бойко). Методика позволяет определить общий уровень способности к эмпатии, а также выраженность рационального, эмоционального и интуитивного каналов эмпатии, установок, способствующих эмпатии, проникающей способности в эмпатии и идентификации [4].

4. Личностные особенности студентов-психологов определялись с помощью многофакторной личностной методики Р. Кеттелла (форма С) [14].

Методика «Диагностика уровня эмпатии» (И.М. Юсупов) позволила получить результаты, представленные на рис. 1, 2.

Рис. 1. Гистограмма процентного соотношения уровней эмпатии среди студентов первого курса по методике Юсупова

Рис. 2. Гистограмма процентного соотношения уровней эмпатии среди студентов пятого курса по методике Юсупова

Нужно отметить, что среди студентов как первого, так и пятого курса, отсутствуют люди с очень низким уровнем эмпатии.

Студенты обоих курсов, имеющие низкие показатели эмпатии испытывают трудности в установлении контакта с другими людьми, а эмоциональные проявления в поступках окружающих людей часто кажутся им бессмысленными и непонятными. Такие люди предпочитают уединенные занятия конкретным делом, а не работу с людьми, они сторонники рациональных решений. Вероятно, у них мало друзей, они часто чувствуют свою отчужденность.

Большинство студентов и первого и пятого курса имеют нормальный, средний, уровень эмпатии, который присущ большинству людей. Таким людям не чужды эмоциональные проявления, но в большинстве своем они склонны их контролировать. В общении человек со средним уровнем эмпатии отличается внимательностью, старанием понять больше, чем сказано словами, однако при излишнем проявлении чувств он может потерять терпение, более склонен судить о других по их поступкам, чем доверять своим личным впечатлениям.

Студентов обоих курсов с высоким уровнем эмпатии можно охарактеризовать как людей великодушных, чувствительных к проблемам и нуждам окружающих. Они с искренним интересом относятся к людям, общительны, эмоционально отзывчивы, быстро находят общий язык с окружающими и устанавливают контакты, предпочитают работу с людьми. Также они отличаются душевностью, неконфликтностью, умением находить компромиссы, хорошо переносят критику. При оценке событий больше руководствуются своими чувствами и интуицией, чем аналитическими выводами.

Среди студентов первого курса 5% испытуемых имеют очень высокий уровень эмпатии по шкале «эмпатия с детьми» и 3% – по шкале «эмпатия с незнакомыми людьми». Они склонны тонко реагировать на настроение детей и незнакомых людей, ранимы, высокочувствительны. Часто такие люди склонны испытывать вину из-за опасения причинить окружающим хлопоты, имеют склонность к постоянному беспокойству, болезненному сопереживанию.

Статистическая обработка данных по U-критерию Манна–Уитни, позволила выявить значимые различия на уровне $p < 0,05$ между студентами первого и пятого курса по шкале «эмпатия с незнакомыми людьми» ($p = 0,004$). Поскольку по этой шкале средний балл у

первокурсников выше среднего балла пятикурсников, можно сделать вывод, что первые более эмпатийны с незнакомыми и малознакомыми людьми, чем вторые. По остальным шкалам данной методики значимых различий между выборками выявлено не было.

Результаты сравнительного анализа данных отражены на рис.3.

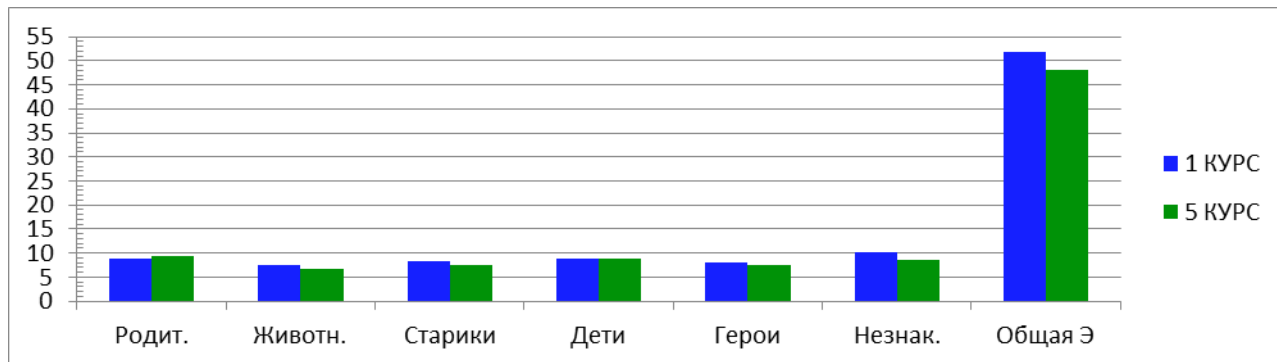

Рис. 3. Гистограмма сравнения средних баллов у студентов первого и пятого курсов, полученных по методике Юсупова

Уровни эмоционального отклика студентов первого и пятого курсов, выявленные по методике «Шкала эмоционального отклика» (А.Меграбян, Н.Эпштейн) представлены на рис. 4.

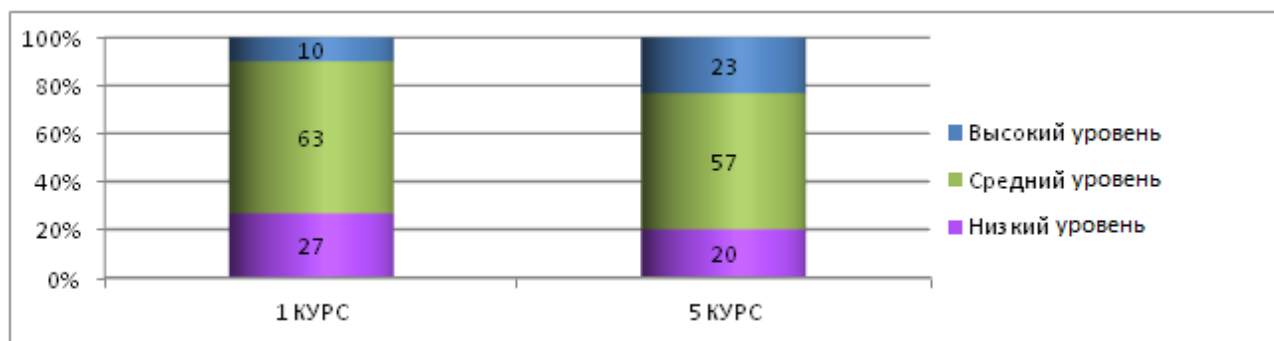

Рис. 4. Гистограмма процентного соотношения уровней эмпатии среди студентов первого и пятого курсов, по методике А. Меграбяна, Н. Эпштейна

Как видно на рисунке, у 27% студентов первого курса и у 20% студентов пятого курса выявлен низкий уровень эмоционального отклика, который может свидетельствовать о затруднениях в установлении межличностных контактов, дискомфорте в больших компаниях людей, непонимании эмоциональных проявлений окружающих.

Средний уровень эмпатии по методике имеют 63% студентов первого курса и 57% студентов пятого курса. Такие люди склонны к самоконтролю своих эмоциональных проявлений, однако по отношению к другим людям, как правило, они проявляют чуткость и внимательность.

Высокий индекс эмпатии выявлен у 10% респондентов первого курса и у 23% респондентов пятого курса. Высокий показатель эмпатии говорит о высокой эмоциональности человека, проявлении альтруизма, склонности оказывать окружающим помощь, а также о потребности в социальном одобрении своих поступков.

С помощью математической обработки данных не удалось выявить значимых различий в уровне эмпатии между двумя курсами по данной методике. Сравнение средних баллов выборок представлено на рис. 5.

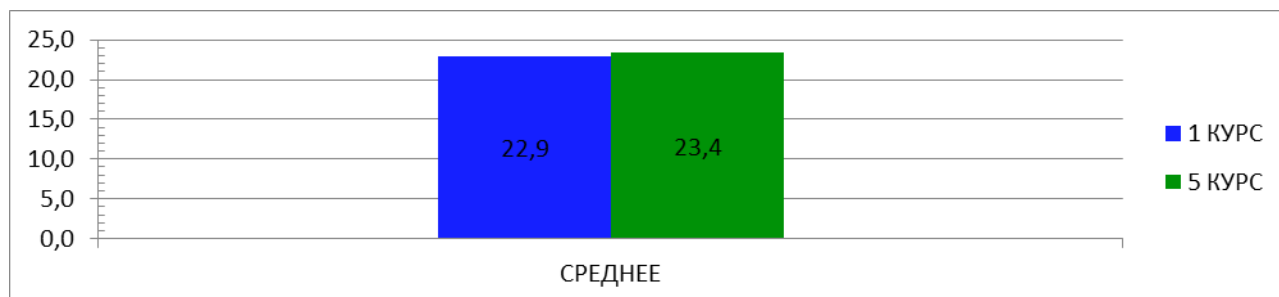

Рис.5. Гистограмма сравнения средних баллов у студентов первого и пятого курсов, полученных по методике А. Меграбяна, Н. Эпштейна по шкале эмоционального отклика

Результаты методики «*Диагностика уровня эмпатических способностей*» (В.В. Бойко) показаны на рис. 6, 7.

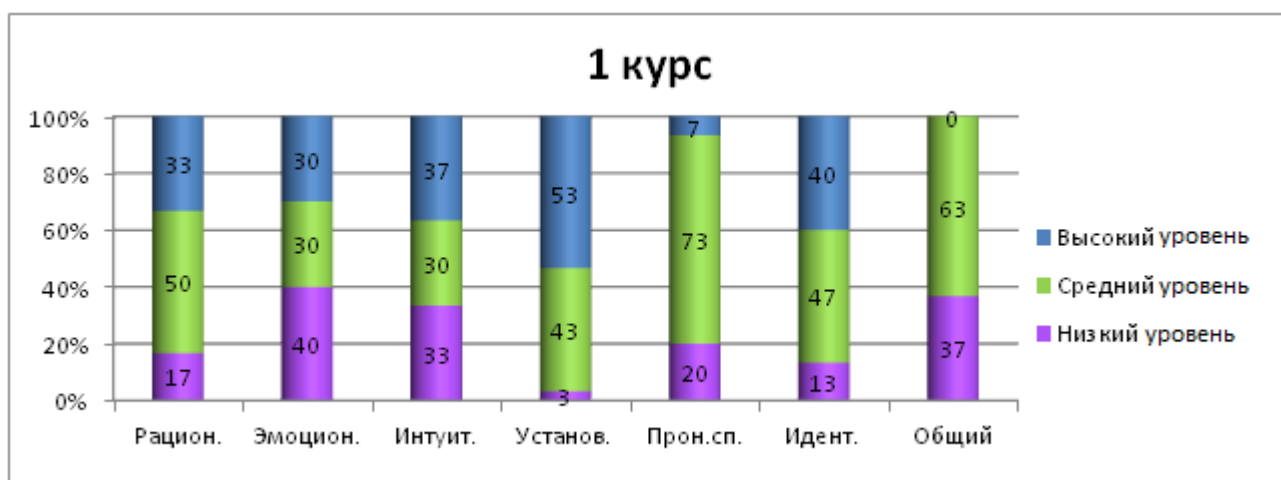

Рис. 6. Гистограмма процентного соотношения уровней эмпатии среди студентов первого курса по методике В.В. Бойко

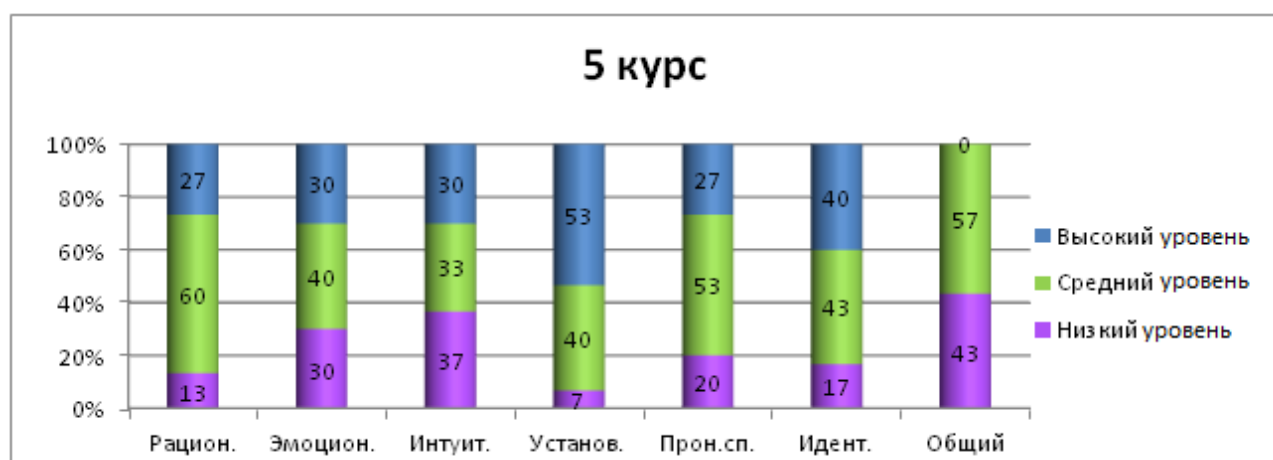

Рис. 7. Гистограмма процентного соотношения уровней эмпатии среди студентов пятого курса по методике В.В. Бойко

Автор данной методики выделяет в структуре эмпатии несколько каналов.

Рациональный канал эмпатии. Характеризуется направленностью восприятия, мышления и внимания эмпатирующего на состояние, поведение и проблемы другого человека. По результатам методики можно увидеть, что у студентов как первого, так и пятого курса этот канал развит достаточно хорошо.

Эмоциональный канал эмпатии. Отражает способность эмпатирующего сопереживать и сочувствовать партнеру. Эмоциональная отзывчивость выступает как средство «вхождения» в эмоциональное поле другого человека, такая подстройка к эмпатируемому способствует пониманию его внутреннего мира. Данный канал хорошо развит у большинства студентов первого и пятого курса.

На достаточно высоком уровне у студентов обоих курсов развит так же **интуитивный** канал эмпатии, это свидетельствует об их способности видеть поведение окружающих, действовать, опираясь на опыт, в условиях дефицита исходной информации о них. На уровне интуиции обобщается и замыкается различная информация о партнерах.

Необходимо отметить, что ведущим у студентов обеих выборок является канал **установок**, способствующих эмпатии. Установки, препятствующие или способствующие эмпатии, соответственно затрудняют или облегчают действие всех эмпатических каналов. У меньшего числа студентов (3% испытуемых первого курса и 7% опрошенных пятого курса) эффективность эмпатии может снижаться, так как они склонны к избеганию личных контактов, считают неуместным проявлять интерес к другому человеку, а также, вероятно, убедили себя спокойно относиться к проблемам и переживаниям окружающих. Подобные установки могут резко ограничивать диапазон эмпатического восприятия и эмоциональной отзывчивости.

Большинство респондентов (80%) первого курса и 80% респондентов пятого курса имеют положительные оценки по шкале «Проникающая способность в эмпатии», которая характеризуется как важное коммуникативное свойство личности, способствующее доверительности и открытости. Атмосфера неестественности, напряженности и подозрительности препятствует эмпатическому постижению, а расслабление собеседника, напротив, содействует эмпатии.

Идентификация у большинства студентов обоих курсов также развита на высоком уровне. Этот компонент эмпатии представляет собой умение поставить себя на место другого человека, понять его на основе сопереживания, это обязательное условие успешной эмпатии. Основу идентификации составляют гибкость и подвижность эмоций, легкость, способность к подражанию.

В результате сравнительного анализа выборок по критерию Манна–Уитни, не обнаружено значимых различий ни по одной шкале данной методики (рис. 8).

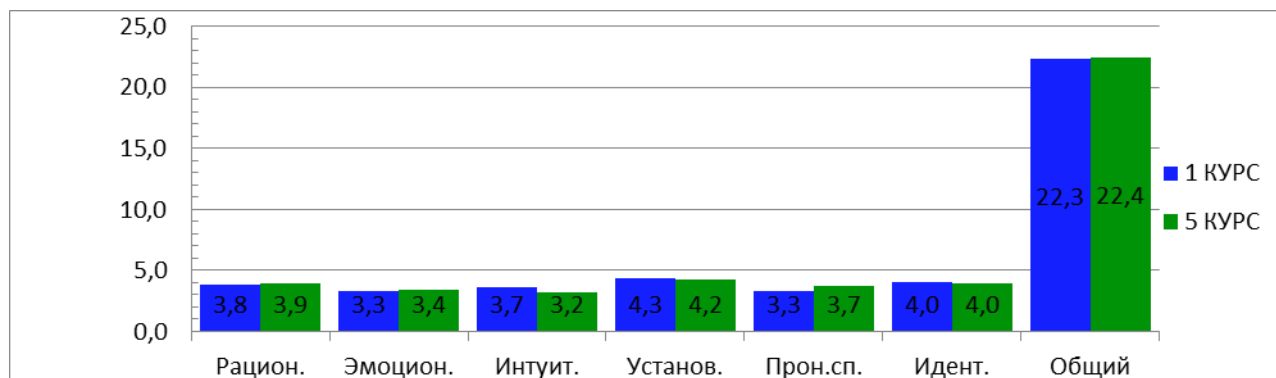

Рис.8. Гистограмма сравнения средних баллов первого и пятого курсов, полученных по методике В.В. Бойко

Таким образом, ни у одного студента, как первого, так и пятого курса не был выявлен высокий уровень эмпатии. Однако большинство опрошенных обладают нормальным уровнем эмоционального отклика.

Литература

1. Аминов Н.А., Молоканов, М.В. О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 104–109.
2. Бачманова Н.В., Стафурина Н.А. К вопросу о профессиональных способностях психолога // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Вып. 5. Л., Изд-во: ЛГУ, 1985. С. 62–67.
3. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
4. Бойко В.В. Диагностика уровня эмпатических способностей / Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / Ред. и сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Свет, 2001. С. 486 – 490
5. Бомбицкий Ю.Г. Изучение эмпатии в психолого-педагогических экспериментальных исследованиях // Актуальные проблемы психологического знания. 2006. № 1. С. 14–30.
6. Бразжникова А.Н. Эмпатия как нравственное качество будущего профессионала [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57040.shtml (дата обращения: 17.04.2015).
7. Даудова Д.М. Эмпатия как механизм профессионального саморазвития будущих педагогов: дис. ... канд. психол. наук. Махачкала, 2005. 155 с.
8. Дорошенко Т.В. Исследование эмпатического профиля личности будущих психологов // Психологическая наука и образование. 2007. № 2. С. 42–49.
9. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2011. 783 с.
10. Кайгородов Б.В., Еремицкая И.А. Формирование понимания другого человека в

процессе профессионального становления психологов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2. С. 128–131.

11. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.
12. *Кулагина И.Ю.* Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий. М.: ТЦ Сфера, 2005. 464 с.
13. *Мещерякова И.А., Иванова, А.В.* Проблемное поле и переживания студентов // Психологическая наука и образование. 2004. № 2. С. 5–10.

Personality and emotional sphere of students in the context of the preparation of specialists for work with children in legally relevant situations (Part 1)

Degtyarev A.V., Senior Lecturer, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (degtyarevAV@mgppu.ru)

Galkina E.A., Master, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (cathie-doux@mail.ru)

This study demonstrated results of empirical research empathic features and personal characteristics of psychology students. The study was conducted on 60 students enrolled at the faculty of "Legal psychology" of the Moscow State Psychological and Pedagogical University: 30 1st year students aged 17 to 20 years (28 girls and 2 boys), 30 5th year students aged 21 to 24 years (22 girls and 8 boys).

One of the main objectives of this study was to identify the characteristics of empathic ability in psychology students at various stages of training. During the analysis of the results, in particular, it was found that undergraduate students empathy indices are higher, as opposed to younger students. However, none of the students has not been found a high level of empathy, which suggests the need to create conditions conducive to educational development as an essential element for effective professional activity.

Keywords: emotional sphere, personality traits, adolescence, specialist training.

References

1. Aminov N. A., Molokanov, M. V. O komponentakh spetsial'nykh sposobnostei budushchikh shkol'nykh psikhologov. [On the components of the special abilities of future school psychologists] *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]* 1992. Vol. 13. № 5. pp. 104 – 109.
2. Bachmanova N. V., Stafurina, N. A. K voprosu o professional'nykh sposobnostyakh psikhologa [To the question about the professional abilities of the psychologist]. *Sovremennye psikhologo-pedagogicheskie problemy vysshei shkoly [Modern psycho-pedagogical higher school problems.]*. Leningrad: LGY, 1985. Vol. 5. pp. 62 – 67

3. Boiko V.V. Energiya emotsii v obshchenii : vzglyad na sebya i na drugikh [The energy of emotions in communication: look at yourself and others]. Moscow: Publ. Filin", 1996. 472 p.
4. Boiko V.V. Diagnostika urovnya empaticheskikh sposobnostei / Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie [Diagnosis of the level of empathic abilities / Practical psychodiagnosics. Procedures and tests. Tutorial] / V.V.Boiko; red. i sost. Raigorodskii D.Ya. – Samara: Publ. Svet, 2001. pp. 486 – 490
5. Bombitskii Yu.G. Izuchenie empatii v psikhologo-pedagogicheskikh eksperimental'nykh issledovaniyakh [The study of empathy in psychological and pedagogical experimental studies]. Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]. 2006. no. 1. pp. 14 – 30.
6. Brazhnikova A.N. Empatiya kak nravstvennoe kachestvo budushchego professionala [Elektronnyi resurs] [Empathy as a moral quality of the future professional]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*. 2012. no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57040.shtml (Accessed: 17.04.2015)
7. Daudova D. M. Empatiya kak mekhanizm professional'nogo samorazvitiya budushchikh pedagogov: dis. ... kand. psikhol. nauk [Empathy as a mechanism of professional self-development of the future teachers Ph. D. (Psychology) Thesis]. Makhachkala, 2005. 155 p.
8. Doroshenko T.V. Issledovanie empaticheskogo profilya lichnosti budushchikh psikhologov [Research empathic personality profile of the future psychologists]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2007. no. 2. pp. 42 – 49.
9. Il'in E.P. Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings.]. – 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe [2nd edition, revised and enlarged.]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2011. 783 p.
10. Kaigorodov B.V., Eremit'skaya I.A. Formirovanie ponimaniya drugogo cheloveka v protsesse professional'nogo stanovleniya psikhologov [Formation of understanding of the other person in the process of professional development of psychologists]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vector Science Togliatti State University]. Seriya: Publ. Pedagogika, psikhologiya. 2012. no. 2. pp. 128 – 131.
11. Kon I.S. Psikhologiya rannei yunost [Psychology of early adolescence]. Moscow: Publ. Prosveshchenie, 1989. 256 p.
12. Kulagina I.Yu. Vozrastnaya psikhologiya : Polnyi zhiznennyi tsikl razvitiya cheloveka. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii / I.Yu. Kulagina, V.N. Kolyutskii [Psychology: A complete life cycle of human development. Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Publ. TTs Sfera, 2005. 464 p.

Дегтярев А.В., Галкина Е.А. Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 1). *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №1. С. 58-72.

Degtyarev A.V., Galkina E.A. Personality and emotional sphere of students in the context of the preparation of specialists for work with children in legally relevant situations (Part 1). *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.1. pp. 58-72.

13. Meshcheryakova I.A., Ivanova, A.V. Problemnoe pole i perezhivaniya studentov [Problem field experiences and student] *.Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. [Psychological Science and Education.]*. 2004. №2. pp. 5 – 10

Феноменология психологических последствий сексуального злоупотребления у детей и подростков в зависимости от действия различных факторов

Нуцкова Е.В., научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ (nuckova@gmail.com)

Статья посвящена психологическим последствиям сексуального злоупотребления в отношении детей и подростков. Представлен обзор отечественных и зарубежных исследований проблемы психической травматизации несовершеннолетних. Излагаются результаты комплексного психолого-психиатрического обследования 183 несовершеннолетних потерпевших от сексуального злоупотребления. Выявлены и описаны психологические последствия сексуального злоупотребления у детей и подростков в зависимости от возраста, гендерной принадлежности, клинических характеристик психического состояния потерпевшего, а также типа и длительности насилия. Было установлено, что с возрастом увеличивается глубина и выраженность посттравматических реакций, охваченность различных сфер личности. Полученные данные о гендерной специфике последствий сексуального злоупотребления позволяют сделать вывод о том, что девочки в большей степени демонстрируют их интернальные формы, в то время как у мальчиков преобладают экстернальные проявления. Тип и длительность сексуального злоупотребления определяют широкий спектр возможных психологических последствий. Отмечено, что выраженность психологических последствий сексуального злоупотребления у потерпевших, страдающих психическими расстройствами, связанными с пережитой травмой, выше, чем у потерпевших, признанных психически здоровыми или имеющих психические заболевания, не связанные с пережитыми психотравмирующими ситуациями. Психологические последствия, демонстрируемые психически здоровыми потерпевшими, свидетельствуют о снижении качества их жизни.

Ключевые слова: несовершеннолетние потерпевшие, сексуальное злоупотребление, сексуальное злоупотребление в отношении детей, психологические последствия сексуального злоупотребления.

Для цитаты:

Нуцкова Е.В. Феноменология психологических последствий сексуального злоупотребления у детей и подростков в зависимости от действия различных факторов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 73-90.

doi: 10.17759/psylaw.2016060107

For citation:

Nutskova E.V. Phenomenology of the psychological consequences of sexual abuse in children and adolescents, depending on various factors. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.73-90.
doi: 10.17759/psylaw.2016060107

Проблема сексуального злоупотребления по отношению к детям и подросткам приобрела большую актуальность во всем мире. По данным ВОЗ, примерно 20 % женщин и 5–10% мужчин сообщают о том, что в детстве пережили насилие. По официальной статистике Следственного комитета, данные начала 2015 г. свидетельствуют о росте числа посягательств на половую неприкосновенность детей и подростков. Более чем на 2% (по сравнению с 2014 г.) выросло количество изнасилований несовершеннолетних, почти на 13% – фактов ненасильственных действий сексуального характера.

Сексуальные преступления (сексуальное злоупотребление) в отношении несовершеннолетних подразумевают вовлечение ребенка в сексуальную активность, значение которой он полностью не осознает, на которую не может дать информированного согласия, к которой ребенок не подготовлен по уровню своего развития и не может дать на нее согласия, или которая нарушает законы или социальные табу общества (ВОЗ, 1999). Такими действиями могут считаться изнасилование, насильственные действия сексуального характера, действия сексуального характера без применения насилия и сексуальные действия без непосредственного физического контакта (развратные действия). Данная категория преступлений имеет высокую латентность, они могут длиться долгие годы, оставаясь незаметными даже для специалистов. При этом последствия таких преступлений относятся к наиболее тяжелым, и вред, наносимый здоровью и психическому развитию ребенка, зачастую непоправим [5; 18; 24].

Клинические проявления последствий сексуального злоупотребления чаще всего описывают, используя динамический подход, при котором прослеживается этапность в их формировании. В криминальной ситуации у большинства потерпевших возникает острая реакция на стресс (F43.0); в посткриминальной и следственной ситуациях, наиболее часто – депрессивные реакции (F43.2), фобические тревожные расстройства (F40), посттравматическое стрессовое расстройство (F43.1), смешанное расстройство эмоций и поведения (F43.25) [2]. В ряде исследований говорится о высокой распространенности посттравматического стрессового расстройства у детей, переживших сексуальное злоупотребление. [9; 10]. Анализ комплексных сексолого-психиатрических обследований потерпевших жертв сексуального злоупотребления, проведенный А.А. Ткаченко, М.Ю. Каменсковым (2014), позволил им выделить четыре основные группы заболеваний, возникающих вследствие перенесенной травмы: органические психические расстройства, дизонтогенетические состояния и искажения половой идентичности, аддиктивные и невротические расстройства [12].

В качестве основы развития психогенных состояний рассматривается ослабленная активность системы психической адаптации [1]. Б.Д. Цыганков, А.И. Белкин и др. (1991) подчеркивают влияние патологической «почвы» в виде органического поражения головного мозга и придают особое значение дополнительным психогенным факторам, которые способствуют углублению и заострению болезненных проявлений в посттравматическом периоде [16].

В последние годы получил распространение клинико-диагностический подход, предложенный З.И. Кекелидзе, А.А. Портновой (2009), в рамках которого сексуальное насилие рассматривается как один из видов экстремальных, чрезвычайных ситуаций, приводящих к особым состояниям – кризисным реакциям. Кризисные реакции, возникшие после сексуального насилия, описывают как «синдром травмы изнасилования» [8].

Активное изучение и выделение проблемы последствий сексуального насилия и злоупотребления в отдельный предмет исследования началось в США и Западной Европе в 60-е гг. XX в. и продолжается до сих пор (Alexander P.C., Teti L., Anderson C.L., 2000; Amstadter A., Vernon L., 2008; Burgess A.W., David S. Finkelhor, 1985, 1990; Fergusson D.M., Mullen P.E., 1999; Holmstrom L.L., 1974; Malhatra S., 2006; Paul E. Mullen, 1996; Simpson T.L., Miller W.R., 2002 и др.). В нашей стране заметное развитие интереса к данной проблематике наблюдается в последние 15–20 лет (Воронова Е.Л., Шипшин С.С., 2000; Тарабрина Н.В., 2001; Трубицина Л.В., 2005; Бадмаева В.Д., 2003; Цыганков Б.Д., Белкин А.И., 1991; Фурманов И.А., Фурманова Н.В., 2004; Шигашов Д.Ю., 2010 и др.).

Психологами выделены и описаны общие посттравматические реакции несовершеннолетних на факт сексуального злоупотребления, которые разделяют на непосредственные (такие как чувство беспомощности, гнева) и отсроченные (депрессия, низкая самооценка и т. п.) [3; 14; 15]. Обнаружены симптомы психологической травмы, характерные для различных возрастных периодов [17; 25; 27]. Большое внимание уделяется изучению гендерной специфичности в проявлении психологической травмы. Для девочек характерны такие реакции, как тревога, депрессия, самоповреждающее поведение и т. п. Кроме того, у девочек чаще, чем у мальчиков, обнаруживаются расстройства пищевого поведения и злоупотребление алкоголем, они находятся в конфликтных семейных отношениях, испытывая трудности сепарации от родителей, совершающих насилие. Мальчики демонстрируют гипермаскулинную компенсацию в форме агрессии, антисоциального поведения, насилия по отношению к другим, гомофобного поведения. Для мальчиков характерны трудности в школе, злоупотребление ПАВ, делинквентное и рискованное сексуальное поведение [5; 19; 21; 26; 28; 31].

Данные лонгитюдных исследований показывают, что в последующем для жертв насилия характерны проблемы с обучением, низкий социоэкономический статус и отсутствие работы, ревиктимизация, проблемы с воспитанием собственных детей [6; 20; 22; 29; 30].

Диагностика и оценка последствий, в том числе психологических, пережитого сексуального насилия имеет значение не только для дальнейшей медико-социальной реабилитации ребенка, но и для решения вопросов, возникающих в рамках судебно-следственных действий, о способности несовершеннолетних потерпевших давать показания, об оценке беспомощного состояния, уголовно-процессуальной дееспособности. Особый интерес представляют вопросы установления степени выраженности возникшего психогенного расстройства и определения динамических изменений психического состояния, а также индивидуально-психологических и личностных свойств несовершеннолетнего потерпевшего для экспертной оценки тяжести вреда здоровью [4; 11; 13].

Несмотря на продолжительную историю исследований, посвященных психологической травме, и активный интерес со стороны специалистов к проблеме жестокого обращения по отношению к детям и подросткам, до сих пор остаются недостаточно разработанными критерии диагностики и оценки реакций на травму у детей и подростков. До настоящего времени не была выработана и описана феноменологическая

модель психологических последствий сексуального злоупотребления в отношении несовершеннолетних применительно к различным возрастным категориям.

Предпринятое нами исследование позволит выявить и описать психологические последствия сексуального злоупотребления по отношению к несовершеннолетним, в зависимости от действия различных факторов, для дальнейшей разработки критериев их диагностической и экспертной оценки и рекомендаций по профилактике и коррекции таких последствий.

Согласно нашей гипотезе, специфика феноменологии психологических последствий сексуального злоупотребления у детей и подростков связана с действием различных комплексов факторов. Среди этих факторов можно выделить следующие: возрастной период и пол несовершеннолетнего потерпевшего, тип криминальной ситуации (внесемейная, внутрисемейная), а также длительность злоупотребления (однократное, длительное). Вместе с тем, мы предположили, что психологические последствия сексуального злоупотребления будут различаться в группах несовершеннолетних с констатированным расстройством, имеющим причинно-следственную связь с пережитым злоупотреблением, с психическим расстройством, не связанным с психотравмирующим событием, и признанных психически здоровыми. Мы также предположили, что психологические последствия, возникающие вследствие психотравмирующей ситуации, отражаются на качестве жизни пострадавшего ребенка и характере его дальнейшего психического и личностного развития.

Материалом исследования стала сплошная выборка из 183 экспериментально-психологических заключений, выполненных в лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической и комплексной судебной психолого-сексолого-психиатрической экспертиз несовершеннолетних потерпевших в 2010–2015 гг. Все заключения были разделены на группы по следующим признакам: возраст, гендерная принадлежность потерпевшего, тип и длительность злоупотребления, клиническая диагностика психического состояния.

Все подэкспертные находились в возрастном интервале от 3 до 18 лет. По возрастному критерию были выделены четыре группы: дошкольный возраст (включая детей как дошкольного, так и – в силу малочисленности – раннего возраста) – 2–6 лет (16 человек, 8,74%); младший школьный возраст – 7–11 лет (52 человека, 28,42%); подростковый возраст – 12–15 лет (70 человек, 38,25%); ранний юношеский возраст – 16–18 лет (45 человек, 24,59%).

По гендерной принадлежности потерпевшие распределились следующим образом: 133 девочки (72, 68%) и 50 мальчиков (27,32%).

В соответствии с типами сексуального злоупотребления выборка была разделена на следующие группы: внесемейное злоупотребление (115 человека, 62,84%), внутрисемейное злоупотребление (50 человек, 27,32%), злоупотребление в рамках деятельности псевдо-терапевтических организаций (18 человек, 9,84%).

По критерию длительности были выделены группы несовершеннолетних, пострадавших от длительного (от 2-х месяцев до 8 лет) сексуального злоупотребления (103 человека, 56,59%) и однократных эпизодов насилия и злоупотребления (80 человека, 43,41%).

По психическому состоянию выборка была разделена на три группы.

В первой группе экспертами констатировались различные психические расстройства, имеющие прямую и косвенную причинно-следственную связь с пережитыми психотравмирующими ситуациями, при отсутствии иных психических расстройств – 35 человек (19,13%).

Вторую группу составили потерпевшие, имевшие не связанные с пережитым злоупотреблением психические расстройства, при отсутствии клинически выраженных психогенно обусловленных расстройств – 35 человек (19,13%).

В третью, самую большую по численности группу, были включены признанные психически здоровыми потерпевшие – 113 человек (61,75%).

Организация сбора и анализа данных.

Исследование проводилось в рамках психологического обследования при выполнении КСППЭ несовершеннолетних потерпевших.

Для выявления особенностей актуального состояния и возникших психологических последствий пережитого детьми и подростками сексуального злоупотребления использовалась совокупность методов, включающая анализ материалов уголовного дела (характеристики потерпевших из учебных заведений, опросы потерпевших, опросы родственников и/или воспитателей), клиническую беседу, анализ рассказа потерпевшего о ситуации злоупотребления, полуструктурированное интервью для выявления признаков посттравматического стресса у детей Тарабриной Н.В., методику исследования качества жизни (опросник «PedsQL» для оценки качества жизни ребенка), карты оценки дезадаптации, соответствующие возрасту потерпевшего. Индивидуально-психологические особенности и особенности интеллектуальной сферы несовершеннолетних-потерпевших исследовались с помощью совокупности методик, используемых при производстве КСППЭ.

Для определения специфики психологических последствий сексуального злоупотребления у различных категорий потерпевших при различных видах злоупотреблений частота встречаемости фиксируемых последствий сравнивалась в соответствующих группах подэкспертных, определялся уровень статистической значимости различий по критерию Фишера.

Результаты и обсуждение

Общие для всех категорий потерпевших психологические последствия сексуального злоупотребления охватывают эмоционально-волевую сферу, смысловую сферу, поведение и психосексуальное развитие.

В эмоционально-волевой сфере обнаруживаются повышенный уровень тревожности и психического напряжения, повышенная раздражительность, пониженный фон настроения, эмоциональная неустойчивость, охваченность ситуацией злоупотребления, проекция травматических переживаний в материал выполнения экспериментальных заданий, повышенная возбудимость, чувство вины, безысходности, повышенная утомляемость. Смысловая сфера характеризуется амбивалентным отношением к происшедшему и обвиняемому, негативным отношением к мужским ролевым образцам (у девочек). В поведении отмечаются избегание социальных контактов, реакции агрессии, оппозиции, негативизм. Психосексуальная сфера описывается психологами как конфликтная, наблюдаются нарушения полоролевой идентичности, неприятие близких отношений, слабая дифференцированность мужских и женских образов.

Возрастной аспект последствий

При сравнении психологических последствий злоупотребления в разных возрастных группах потерпевших было обнаружено, что выраженность и глубина отмечаемых негативных симптомов, в целом, увеличивается с повышением возраста потерпевших (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность психологических последствий сексуального насилия в зависимости от возраста потерпевшего

Психологические признаки	Возрастной период			
	Ранний юношеский	Подростковый	Младший школьный	Дошкольный
Повышенная возбудимость	15,22%	5,80%	5,66%	6,25%
Снижение продуктивности	15,22%	5,80%	3,77%	0,00%
Неприятие близких отношений	17,39%	4,35%	5,66%	0,00%
Повышенная утомляемость	19,57%	7,25%	3,77%	0,00%
Негативное отношение к мужским полоролевым образцам	19,57%	8,70%	3,77%	0,00%
Проекция травматических переживаний	19,57%	11,59%	15,09%	0,00%
Амбивалентное отношение к обвиняемому	21,47%	8,70%	18,87%	12,50%
Чувство безысходности	21,74%	8,70%	1,89%	0,00%
Повышенная чувствительность	21,74%	21,74%	7,55%	0,00%
Неуверенность в себе	28,26%	20,29%	11,32%	0,00%
Охваченность травматической ситуацией	34,78%	17,39%	20,75%	12,50%

Пониженный фон настроения	36,96%	27,54%	18,87%	0,00%
Эмоциональная неустойчивость	43,48%	33,33%	35,85%	6,25%

Если в дошкольном возрасте возникающие нарушения охватывают преимущественно эмоционально-волевою сферу, то в подростковом и раннем юношеском возрасте затронутыми оказываются как эмоционально-волевая, так и смысловая, личностная сферы. Младшие школьники занимают промежуточное положение в этом отношении. По сравнению с подростками у них более выражены проблемы эмоционально-волевой сферы: повышенная возбудимость ($p < 0,01$, по критерию Фишера), эмоциональная неустойчивость ($p < 0,01$), проекция травматических переживаний ($p < 0,05$), охваченность травматическим опытом ($p < 0,05$). Потерпевшие младшего школьного возраста, даже если они еще не понимают характера совершаемых с ними действий, тем не менее, уже могут воспринимать ситуацию насилия как «неправильную», «угрожающую», «стыдную». Однако они еще не обладают зрелыми механизмами психологической защиты и способами совладания с подобными ситуациями, что приводит к использованию неадаптивных способов отреагирования негативных переживаний. В подростковом и раннем юношеском возрасте под действием стресса в качестве механизма адаптации происходит изменение структуры личности и смыслов.

Негативные изменения психосексуальной сферы можно наблюдать на протяжении всех возрастных периодов. Однако если в дошкольном и младшем школьном возрасте данные изменения проявляются непосредственно в поведении (сексуализированное поведение), то на подростковом и юношеском этапе развития изменения касаются личностной и смысловой сферы (негативное отношение к полоролевым мужским образцам, амбивалентное чувство к насилию и обвиняемому).

Гендерный аспект последствий

Таблица 2

Выраженность психологических последствий сексуального злоупотребления в зависимости от гендерной принадлежности потерпевшего

Психологические признаки	Пол		Уровень значимости различий
	Мальчики	Девочки	
Повышенная возбудимость	18,00%	7,52%	**
Реакции агрессии	22,00%	2,26%	**
Оппозиционность и негативизм	20,00%	3,76%	**
Повышенное психическое напряжение	36,00%	15,79%	**
Чувство стыда	16,00%	7,52%	*
Сексуализированное поведение	30,00%	18,80%	**

Нарушения полоролевой идентичности	14,00%	5,26%	*
Гипермаскулинная компенсация	22,00%	0,00%	**
Неблагополучие в соматической сфере	20,00%	4,51%	**
Снижение продуктивности	8,00%	6,77%	**
Чувство вины	2,00%	7,52%	*
Трудности установления социальных контактов	6,00%	18,05%	*
Негативное отношение к мужским полоролевым образцам	4,00%	11,28%	*
Неприятие близких отношений	2,00%	9,77%	*
**p<0,01			
*p<0,05			

При сравнении психологических последствий сексуального злоупотребления среди мальчиков и девочек было выявлено, что мальчики значимо чаще, чем девочки демонстрируют такие особенности, как повышенная возбудимость ($p<0,01$ по критерию Фишера), реакции агрессии, оппозиции и негативизм ($p<0,01$), повышенное психическое напряжение ($p<0,01$), чувство стыда ($p<0,05$). В психосексуальной сфере значимо чаще отмечается сексуализированное поведение ($p<0,01$), нарушения полоролевой идентичности ($p<0,05$), гипермаскулинная компенсация ($p<0,01$). Кроме того, мальчики чаще жалуются на неблагополучие в соматической сфере ($p<0,01$) и снижение продуктивности ($p<0,01$). В то же время девочки чаще испытывают чувство вины ($p<0,05$), трудности установления социальных контактов ($p<0,05$), демонстрируют негативное отношение к мужским ролевым образцам ($p<0,05$), близким отношениям ($p<0,05$). Такие различия, подтверждают гипотезу о склонности мальчиков к экстернальным реакциям, в отличие от девочек, которые чаще проявляют интернальные способы реагирования.

Тип злоупотребления

Таблица 3

Выраженность психологических последствий сексуального злоупотребления в зависимости от его типа

Психологические признаки	Тип насилия		
	Внесемейное	Внутрисемейное	Деятельность псевдотерапевтических организаций
Суицидальные мысли	0,98%	12,00%	5,56%
Охваченность	22,55%	34,00%	5,56%

ситуацией правонарушения			
Неуверенность в себе	19,61%	22,00%	5,56%
Повышенная чувствительность	17,65%	20,00%	5,56%
Негативное отношение к мужскому полу	11,76%	8,00%	0,00%
Амбивалентное отношение к злоупотреблению и обвиняемому	4,90%	14,00%	83,33%
Нарушения полоролевой идентичности	3,92%	2,00%	50,00%
Сексуализированное поведение	6,86%	10,00%	100%
Повышенное психическое напряжение	21,57%	14,00%	38,89%
Эмоциональная неустойчивость	29,41%	40,00%	50,00%
Реакции агрессии	6,86%	8,00%	0,00%
Негативизм, оппозиционность	5,88%	6,00%	16,67%
Чувство стыда	13,73%	4,00%	0,00%
Склонность избегать социальные контакты	12,75%	40,00%	16,67%

При анализе ситуаций злоупотребления по типу было обнаружено, что при внесемейном типе сексуального злоупотребления чаще, чем при внутрисемейном типе выявляется негативное отношение к мужскому полу ($p < 0,01$). В изучаемой нами выборке данный тип насилия носил, как правило, однократный характер (74% случаев) и сопровождался физическим насилием (43,14% случаев), что могло служить причиной развития у данных потерпевших негативного отношения к мужским ролевым образцам. В рамках внесемейного типа злоупотребления можно выделить отдельный подтип – вовлечение несовершеннолетних в занятия проституцией. В данную группу вошли 15 человек (8,20% от общей выборки). Эта категория потерпевших характеризовалась склонностью к повышенному психическому напряжению, эмоциональной неустойчивости,

реакциям раздражения, агрессии, негативизма, оппозиционности и чувству стыда. Как правило, такие дети находились в неблагополучной семейной ситуации, воспитывались в неполных семьях, алкоголизирующимися родителями, в условиях гипоопеки и недостаточного материального обеспечения. Реакцией потерпевших на раскрытие ситуации злоупотребления являлись проявления агрессии, раздражения, негативизм и оппозиционность, что может быть связано с чувством стыда. Потерпевшие стремились снять с себя ответственность за свое поведение в ситуации правонарушения, ссылаясь на измененное состояние сознания (под действием алкоголя, наркотиков), либо влияние старших товарищей, обвиняемого, сложившиеся обстоятельства.

Потерпевшие – жертвы внутрисемейного типа сексуального злоупотребления чаще, чем при внесемейном типе склонны избегать социальных контактов ($p < 0,01$ по критерию Фишера), у них чаще наблюдаются суицидальные мысли ($p < 0,01$), амбивалентное отношение к ситуации злоупотребления и обвиняемому ($p < 0,05$). Дети и подростки, которые подвергаются насилию со стороны ближайших родственников, страдают не только от самого факта сексуального злоупотребления, но и от того, что не могут получить необходимой защиты, поддержки и ощущения безопасности в семье. Закрытость семейной системы, особенно при ее выраженном неблагополучии, не позволяет специалистам вовремя обнаружить проблемы, а детям – обратиться за помощью вовне, заставляя их, наоборот, избегать любых социальных контактов. Чувство безвыходности ситуации, невозможности найти поддержку и помощь провоцируют развитие у пострадавших суицидальных мыслей.

В ситуации злоупотребления в рамках деятельности псевдо-терапевтических организаций (сект) у потерпевших значимо чаще, чем при других типах злоупотребления, формируются характерные личностные изменения, в которые включаются амбивалентное отношение к насилию и обвиняемому ($p < 0,01$ по критерию Фишера), нарушения полоролевой идентичности ($p < 0,01$), сексуализированное поведение ($p < 0,01$). Данный тип злоупотребления характеризовался вступлением потерпевших в длительные деструктивные межличностные отношения с обвиняемыми, характеризующиеся созависимостью, примитивно-девиантным половым поведением, формированием искаженных морально-этических норм и правил. Такие потерпевшие страдают от трудностей социальной адаптации и установления межличностных контактов вне деятельности псевдо-терапевтической организации.

Длительность злоупотребления

Таблица 4

Выраженность психологических последствий сексуального злоупотребления в зависимости от его длительности

Длительность насилия			Уровень значимости различий
Психологические признаки	Длительное злоупотребление	Единичное злоупотребление	
Амбивалентное отношение к обвиняемому злоупотреблению	23,53%	3,80%	p<0,01
Сексуализированное поведение	33,33%	7,59%	p<0,01
Нарушения полоролевой идентичности	10,78%	3,80%	p<0,05
Негативное отношение к мужскому полу	3,92%	16,46%	p<0,01
Непримиримые отношения близких	4,90%	11,39%	p<0,01
Повышенная утомляемость	5,88%	12,66%	p<0,05
Чувство стыда	6,86%	13,92%	p<0,05
Характерные изменения личности	17,65%	1,27%	p<0,01

Общий анализ случаев длительного злоупотребления показал, что потерпевшие значимо чаще, чем при однократном злоупотреблении, склонны к амбивалентному отношению к самому факту злоупотребления и обвиняемому (p<0,01 по критерию Фишера), проявляют сексуализированное поведение (p<0,01), нарушения полоролевой идентичности (p<0,05), характерные изменения личности (p<0,01). В случаях однократного злоупотребления или насилия потерпевшие чаще демонстрируют негативное отношение к мужскому полу (p<0,01), неприимимые отношения близких (p<0,01), повышенную утомляемость (p<0,05), чувство стыда (p<0,05). Описанные результаты подтверждают

исследования других авторов по данной проблематике и могут быть объяснены адаптацией жертв длительного злоупотребления к продолжающейся ситуации травмы. У таких потерпевших затронутой оказывается смысловая сфера, т. е. дети и подростки меняют свою систему смыслов, адаптируясь к новым условиям среды. В качестве отдаленного последствия злоупотребления происходят специфические личностные изменения, формирование «комплекса жертвы».

Психологические последствия сексуального злоупотребления в зависимости от клинических характеристик психического состояния потерпевшего

Потерпевшие, страдающие психическими расстройствами, связанными с перенесенным сексуальным насилием или злоупотреблением, значимо чаще, чем другие группы потерпевших, демонстрировали следующие особенности: эмоциональная неустойчивость (72,73%), повышенный уровень тревожности (54,55%), повышенная раздражительность (44,12%), повышенное психическое напряжение (42,42%), амбивалентное отношение к злоупотреблению и обвиняемому (39,39%), охваченность переживаниями, связанными с ситуацией злоупотребления (31,43%), конфликтность психосексуальной сферы (30,30%). Статистическая значимость различий с другими группами по этим параметрам составляла $p < 0,01$ (критерий Фишера).

Хотя в 19,13% случаев у потерпевших, имеющих диагноз, не связанный со злоупотреблением (психические расстройства органического генеза, шизофренического спектра, умственная отсталость), психиатрами не диагностировались какие-либо травматические реакции, у них значимо чаще ($p < 0,01$ по критерию Фишера), чем у психически здоровых потерпевших, психологами отмечались следующие особенности: охваченность ситуацией насилия (31,43%), эмоциональная неустойчивость (28,57%), пониженный фон настроения (25,71%), элементы сексуализированного поведения (22,86%), повышенный уровень тревожности (22,86%), амбивалентное отношение к обвиняемому и ситуации правонарушения (20,00%). В некоторых случаях потерпевшие данной категории демонстрировали обострение симптомов основного заболевания.

Одна из сложных диагностических задач состоит в выявлении последствий сексуального насилия у несовершеннолетних потерпевших, признанных психически здоровыми, в том числе отрицающих наличие каких-либо психологических проблем. У этой категории потерпевших психологами отмечаются следующие особенности: пониженный фон настроения, подавленность, ощущение непонимания и недоброжелательного отношения окружающих, ожидание опасности и потребность в защите, ригидность, эмоциональная неустойчивость со склонностью к накоплению отрицательных переживаний, склонность к раздражительности и вспышки агрессии к близким. Данные психологические последствия пережитого сексуального злоупотребления хотя и не позволяют квалифицировать у потерпевшего какое-либо психогенное расстройство, тем не менее влияют на качество его жизни. Большинство потерпевших описывают трудности общения со сверстниками, изменения в настроении, степени активности, оценке своих собственных возможностей и будущего.

Результаты проведенного исследования показывают, что психологические последствия сексуального злоупотребления у детей и подростков затрагивают все сферы жизни и деятельности потерпевшего, оказывая влияние на качество его жизни в целом. Было обнаружено, что с возрастом увеличивается глубина и выраженность посттравматических реакций, охваченность различных сфер личности. Согласно полученным данным, гендерная специфика последствий сексуального злоупотребления состоит в том, что девочки в большей степени демонстрируют их интернальные формы

(чувство вины, трудности установления социальных контактов, негативное отношение к мужским ролевым образцам, близким отношениям), в то время как у мальчиков преобладают экстернальные проявления (повышенная возбудимость, реакции агрессии, оппозиции и негативизм, сексуализированное поведение, гипермаскулиная компенсация) наряду с повышенным психическим напряжением, чувством стыда, нарушением полоролевой идентичности, жалобами на неблагополучие в соматической сфере и снижением школьной продуктивности. Исследование групп потерпевших в зависимости от типа и длительности сексуального насилия и злоупотребления показало, что возможен широкий спектр последствий от выраженного эмоционального напряжения, тревоги, страха, негативного отношения к происшедшему и мужскому полу до амбивалентности в отношении к посягателю, нарушений полоролевой идентичности, сексуализированного поведения. Выраженность последствий сексуального злоупотребления у потерпевших, страдающих психическими расстройствами, связанными с пережитой травмой, выше, чем у потерпевших, признанных психически здоровыми или имеющих психические заболевания, не связанные с пережитыми психотравмирующими ситуациями. Вместе с тем обнаружено, что потерпевшие, признанные психически здоровыми или имеющие диагноз, не связанный с психотравмирующим воздействием, демонстрируют психологические последствия сексуального злоупотребления, оказывающие влияние на качество их жизни.

Полученные результаты дают возможность в дальнейшем развить начатое исследование, провести структурный анализ и выделить психологический и патопсихологический симптомокомплексы посттравматических реакций и выраженность входящих в них признаков. Это позволит уточнить критерии психологической диагностики и экспертной оценки последствий сексуального злоупотребления по отношению к несовершеннолетним, а также использовать данные результаты как при экспертной диагностике посттравматических стрессовых реакций, так и для оценки тяжести нанесенного вреда здоровью, а в дальнейшем – и для квалификации причинения морального вреда.

Литература

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 1976. 272с.
2. Бадмаева В.Д. Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2009. № 12. С. 34–37.
3. Воронова Е.Л., Шипшин С.С. Дети – жертвы сексуального насилия. Правовые и психологические аспекты. Методические рекомендации. Ростов н/Д, 2000. 58с.
4. Гурьева В.А., Морозова Н.Б. Острые аффективные реакции у несовершеннолетних с психогенным развитием личности (клиника, диагностика, судебно-психиатрическая оценка): метод. рекомендации. М., 1990. 16с.
5. Дворянчиков Н.В. Особенности полового самосознания у несовершеннолетних, потерпевших насильственные сексуальные действия. Помощь детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения и коммерческой сексуальной деятельности: метод. пособие / Под ред. З.В. Луковцевой. М.: ЭТИПАК, 2005. С.130–134.
6. Дозорцева Е.Г. Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. Диагностика и коррекция. М.: Генезис, 2007. 128 с.
7. Качаева М.М., Русина В.В., Сатьянова Л.С. Клинико-социальные факторы риска и

- судебно-психиатрическая оценка психического состояния женщин, жестоко обращавшихся со своими детьми («избивающие матери») // *Российский психиатрический журнал*. 2011. № 2. С. 25–30.
8. *Кекелидзе З.И., Портнова А.А.* Критерии диагностики посттравматического стрессового расстройства // *Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова*. 2009. № 12. С. 4–7.
 9. *Психология посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. Практическое руководство / Под ред. Н.В. Тарабриной.* М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
 10. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
 11. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Догадина М.А.* Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // *Российский психиатрический журнал*. 1999. № 2. С. 13–18.
 12. *Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю.* Психические расстройства у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // *Психическое здоровье*. 2014. № 11. С. 33–38.
 13. *Ткаченко А.А., Яковлева Е.Ю.* Методологические принципы судебно-экспертной оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // *Российский психиатрический журнал*. 2008. № 4. С.15–20.
 14. *Трубицина Л.В.* Процесс травмы. М.: Смысл, 2005. 218 с.
 15. *Фурманов И.А., Фурманова Н.В.* Психология депривированного ребенка. М.: ВЛАДОС, 2004. 319 с.
 16. *Цыганков Б.Д., Тюнева А.И., Былим А.И.* Психические расстройства у жертв насилия и их медико-психологическая коррекция. М.: Медицина, 2006. 174 с.
 17. *Amstadter A., Vernon L.* Emotional reactions during and after trauma: A comparison of trauma types // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2008. Vol. 16 (4). P. 391–408.
 18. *Burgess A.W., Holmstrom L.L.* Rape trauma syndrome // *American Journal of Psychiatry*. 1974. Vol. 131. P.981–986.
 19. *Chandy J.M., Blum R.W., Naimark B.* Gender-specific outcomes for sexually abused adolescent // *Child Abuse and Neglect*. 1996. Vol. 20. P. 1219–1231.
 20. *Cuevas C., Finkelhor D. Clifford C., Ormrod R., Turner H.* Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Child Abuse and Neglect*. 2010. Vol. 34 (4). P. 235–243.
 21. *Daignault I., Herbert M.* Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 102–115.
 22. *Fergusson D.M., Mullen P.E.* Child sexual abuse: An evidence-based perspective. P.: Thousand Oaks CA Sage Publications, 1999. 144 p.
 23. *Felitti V.J., Anda R.F., Nordenberg D., Williamson D F., Spitz A.M., Edwards V., et al.* Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // *American*

- Journal of Preventive Medicine. 1998. Vol. 14(4). P. 245–258.
24. *Finkelhor D.* Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // *Professional psychology*. 1990. Vol. 21. P. 325–330.
 25. *Finkelhor D.* Review of Child Sexual Abuse: New Theory and Research // *Contemporary Sociology*. 1985. Vol. 14, № 6. P.712–713.
 26. *Holmes W., Slap G.* Sexual abuse of boys: definition, prevalence, correlates, sequelae and management // *Journal of the American Medical Association*. 1998. Vol. 280. P.1855–1862.
 27. *Malhatra S.* Behavioral and psychological assessment of child sexual abuse in clinical practice // *International journal of behavioral consultation and therapy*. 2006. Vol. 1 (2) .P.17–28.
 28. *Meyerson L.A., Long L.A., Miranda R. and Marx B.P.* The influence of childhood sexual abuse, physical abuse, family environment, and gender on the psychological adjustment of adolescents // *Child Abuse and Neglect*. 2002. Vol. 26. P. 387–405.
 29. *Mullen Paul E.* Long-term Effects of Child Sexual Abuse. (<http://www.aets.org/article176.htm>)
 30. *Ray K.C., Jackson J.L. and Townsley R.M.* Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // *Journal of Family Violence*. 1991. Vol. 6. P. 365–374.
 31. *Russel D.* The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Neglect*. 1983. Vol. 7. P. 133–146.

Phenomenology of the psychological consequences of sexual abuse in children and adolescents, depending on various factors

Nutskova E.V., *Research Associate, V.P. Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation (nuckova@gmail.com)*

The paper is devoted to psychological consequences of sexual abuse in children and adolescents. It presents review of domestic and foreign research of psychological injury in minors. The article gives results of complex psychological and psychiatric examination of 183 juvenile victims of sexual abuse. Psychological effects of sexual abuse in children and adolescents are identified and described on the basis of age, gender, clinical characteristics of the mental state of the victim, as well as the type and duration of the abuse. Intensity and expressiveness of post-traumatic response as well as coverage of personality spheres increase with aging. The data on the gender specificity of the sexual abuse effects suggest that girls more demonstrate internal forms, while external manifestations dominate in boys. The type and duration of sexual abuse determine a wide range of possible psychological consequences. It is noted that the severity of the psychological effects of sexual abuse in victims with mental disorders associated with the trauma is higher than in victims qualified to be mentally sane or having a mental illness, non-associated with psychologically traumatic situations. Psychological consequences exhibited by mentally sane victims show a decrease in their quality of life.

Keywords: minor sustain, sexual abuse, sexual abuse in children, psychological consequences of sexual abuse.

References

1. Aleksandrovskii Yu.A. Sostoyaniya psikhicheskoi dezadaptatsii i ikh kompensatsiya [The state of mental dysadaptation and their compensation]. Moscow: Publ. Nauka, 1976. 272p.
2. Badmaeva V.D. Posledstviya seksual'nogo nasiliya u detei i podrostkov [The consequences of sexual violence in children and adolescents]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry named after S. S. Korsakov]. 2009. № 12. pp. 34-37. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Voronova E.L., Shipshin S.S. Deti – zhertvy seksual'nogo nasiliya. Pravovye i psikhologicheskie aspekty [Child victims of sexual violence. Legal and psychological aspects]. Metodicheskie rekomendatsii. Rostov-na-Donu, 2000. 58p.
4. Gur'eva V.A., Morozova N.B. Ostrye affektivnye reaktsii u nesovershennoletnikh s psikhogennym razvitiem lichnosti (klinika, diagnostika, sudebno-psikhiatricheskaya otsenka) [Acute affective responses in juveniles with psychogenic personality

- development (clinic, diagnostics, forensic-psychiatric evaluation)]. *Metodicheskie rekomendatsii*. Moscow, 1990. 16p.
5. Dvoryanchikov N.V. Osobennosti polovogo samosoznaniya u nesovershennoletnikh, poterpevshikh nasil'stvennyye seksual'nye deistviya. Pomoshch' detyam i podrostkam, postradavshim ot zhestokogo obrashcheniya i kommercheskoi seksual'noi deyatel'nosti [Features of the sexual identity of minors, victims of violent sexual acts. Helping children and adolescents, victims of abuse and commercial sexual activity]. *Metodicheskoe posobie* [Methodical manual] In Lukovtseva Z.V. (ed.). Moscow: Publ. ETIPAK, 2005. pp.130-134.
 6. Dozortseva E.G. Psikhologicheskaya travma u podrostkov s problemami v povedenii. Diagnostika i korrektsiya [Psychological trauma in adolescents with behavior problems. Diagnosis and correction]. Moscow: Publ. «Genezis», 2007. 128 p.
 7. Kachaeva M.M., Rusina V.V., Sat'yanova L.S. Kliniko-sotsial'nye faktory riska i sudebno-psikhiatricheskaya otsenka psikhicheskogo sostoyaniya zhenshchin, zhestoko obrashchavshikhsya so svoimi det'mi («izbivayushchie materi») Clinical and social risk factors and forensic psychiatric assessment of the mental state of women, treated brutally with their children ("mother-beating"). *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 2011. №2. pp. 25-30. (In Russ., abstr. in Engl.).
 8. Kekelidze Z.I., Portnova A.A. Kriterii diagnostiki posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva [Criteria for the diagnosis of post-traumatic stress disorder]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry named after S. S. Korsakov]. 2009. № 12. pp. 4-7. (In Russ., abstr. in Engl.).
 9. Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa. Chast' 1. Teoriya i metody. Prakticheskoe rukovodstvo [Psychology post-traumatic stress disorder. Part 1. Theory and methods. A practical guide]. In Tarabrina N.V. (ed.) Moscow: Publ. Kogito-Tsentr, 2007. 208 p.
 10. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2001. 272 p.
 11. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Dogadina M.A. Ontogeneticheskie mekhanizmy formirovaniya sposobnosti k vospriyatiyu gendernykh kachestv u nesovershennoletnikh zhertv seksual'nogo nasiliya [Ontogenetic mechanisms of formation of ability to perceive the gender of young victims of sexual violence] *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 1999. № 2. pp. 13-18. (In Russ., abstr. in Engl.).
 12. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu. Psikhicheskie rasstroistva u nesovershennoletnikh zhertv seksual'nogo nasiliya [Mental disorders among juvenile victims of sexual violence]. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental health]. 2014. №11. pp. 33-38. (In Russ., abstr. in Engl.).
 13. Tkachenko A.A., Yakovleva E.Yu. Metodologicheskie printsipy sudebno-ekspertnoi otsenki stepeni tyazhesti vreda zdorov'yu v vide psikhicheskogo rasstroistva [Methodological principles of forensic assessment severity of harm to health in the form of a mental disorder]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 2008. №4. pp.15-20. (In Russ., abstr. in Engl.).
 14. Trubitsina L.V. Protsess travmy [The injury process]. Moscow: Publ. Smysl, 2005. 218 p.
 15. Furmanov I.A., Furmanova N.V. Psikhologiya deprivirovannogo rebenka [Psychology deprivileging child]. Moscow: Publ. VLADOS, 2004. 319 p.

16. Tsygankov B.D., Tyuneva A.I., Bylim A.I. *Psikhicheskie rasstroistva u zhertv nasiliya i ikh mediko-psikhologicheskaya korrektsiya* [Mental disorders in victims of violence and their medical and psychological correction]. Moscow: Publ. Meditsina, 2006. 174 p.
17. Amstadter A., Vernon L. Emotional reactions during and after trauma: A comparison of trauma types // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2008. Vol. 16 (4). P. 391-408
18. Burgess A.W., Holmstrom L.L. Rape trauma syndrome // *American Journal of Psychiatry*. 1974. Vol. 131. P.981-986.
19. Chandy J.M., Blum R.W., Naimark B. Gender-specific outcomes for sexually abused adolescent // *Child Abuse and Neglect*. 1996. Vol. 20. P. 1219-1231.
20. Cuevas C., Finkelhor D. Clifford C., Ormrod R. and Turner H. Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Childs Abuse and Neglect*. 2010. Vol.34 (4). P. 235-243
21. Daignault I., Herbert M. Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 102-115.
22. Fergusson D.M., Mullen P.E. *Child sexual abuse: An evidence-based perspective*. P.: Thousand Oaks CA Sage Publications, 1999. 144 p.
23. Felitti, V. J., Anda, R. F., Nordenberg, D., Williamson, D. F., Spitz, A. M., Edwards, V., et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // *American Journal of Preventive Medicine*. 1998. Vol.14(4). P. 245–258.
24. Finkelhor D. Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // *Professional psychology*. 1990. Vol. 21. P. 325-330.
25. Finkelhor D. Review of Child Sexual Abuse: New Theory and Research // *Contemporary Sociology*.1985. Vol. 14, № 6. P.712-713.
26. Holmes W., Slap G. Sexual abuse of boys: definition, prevalence, correlates, sequelae and management // *Journal of the American Medical Association*.1998. Vol. 280. P.1855-1862.
27. Malhatra S. Behavioral and psychological assessment of child sexual abuse in clinical practice // *International journal of behavioral consultation and therapy*. 2006. Vol.1 (2) .P.17-28
28. Meyerson L.A., Long L.A., Miranda R. and Marx B.P. The influence of childhood sexual abuse, physical abuse, family environment, and gender on the psychological adjustment of adolescents // *Child Abuse and Neglect*. 2002. Vol. 26. P. 387-405.
29. Mullen Paul E. Long-term Effects of Child Sexual Abuse. (<http://www.aets.org/article176.htm>)
30. Ray K.C., Jackson J.L. and Townsley R.M.. Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // *Journal of Family Violence*. 1991. Vol. 6. P. 365-374.
31. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Neglect*. 1983. Vol. 7. P. 133-146.

Проблемы защиты интересов несовершеннолетних в судебных делах по семейным спорам при разводе

Терехина С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста Федерального научного исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П.Сербского Министерства здравоохранения РФ (svterek@gmail.com)

Пимонов В.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (p_vlad70@mail.ru)

В статье проанализированы проблемы, связанные с судебным вариантом разрешения семейных споров о детях при разводе, находящиеся на стыке юриспруденции и психологии. Вопросы защиты прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе рассматриваются в контексте положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Обозначены основные особенности процедуры современного гражданского судопроизводства, препятствующие обеспечению практической реализации принципа приоритетного соблюдения «наилучших интересов ребенка» при решении семейных споров о детях при разводе. Освещены вопросы, связанные с различными формами использования специальных познаний в области психологии, в гражданском судопроизводстве при решении семейных споров о детях. Перечислены трудности, возникающие при практической реализации права детей и подростков на участие в принятии решений, затрагивающих их интересы в ситуации развода. Намечены шаги по усовершенствованию организации гражданского судопроизводства в направлении создания дружественного ребенку правосудия.

Ключевые слова: интересы ребенка, защита прав и интересов несовершеннолетних, развод, семейные споры о детях, гражданское судопроизводство.

Для цитаты:

Терехина С.В., Пимонов В.А. Проблемы защиты интересов несовершеннолетних в судебных делах по семейным спорам при разводе. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 91-104.

doi: 10.17759/psylaw.2016060108

For citation:

Terekhina S.A., Pimonov V.A. The problems of defending the interests of juveniles in legal cases of domestic disputes during the divorce. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.91-104. doi: 10.17759/psylaw.2016060108

В июне 2012 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» [14]. Ее главная цель заключается в определении основных направлений и задач государственной политики в интересах детей, а также ключевых механизмов ее реализации, базирующихся на общепризнанных принципах и нормах международного права. В качестве одного из основополагающих принципов «Национальной стратегии...» провозглашена «защита прав каждого ребенка» [14]. Он предполагает выявление всех категорий несовершеннолетних, нуждающихся в помощи и поддержке со стороны государства, а также разработку и своевременную реализацию необходимых мер по защите их прав и интересов.

Анализ материалов прошедшей в октябре 2015 г. Всероссийской конференции, посвященной подведению промежуточных итогов реализации «Национальной стратегии...» [7], показал, что в настоящее время в качестве приоритетной задачи рассматривается улучшение положения наиболее незащищенных категорий несовершеннолетних, к которым относятся инвалиды, сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, а также несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении.

Вместе с тем существует многочисленная категория несовершеннолетних, защите интересов которых на государственном уровне в настоящее время пока не уделяется должного внимания – это дети и подростки из семей, находящихся в ситуации развода. Право этих детей на защиту их интересов подтверждено положением «Национальной стратегии...», в котором говорится о «...своевременном выявлении нарушений прав и интересов детей в семье, а также обеспечении адресной поддержки нуждающимся в ней семьям с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации» [14].

Вместе с тем одной из задач самой «Национальной стратегии...» выступает содействие в реализации положений нормативно-правовых актов разного уровня при осуществлении судопроизводства по делам, в которые включены несовершеннолетние. Прежде всего, при рассмотрении гражданских дел с участием несовершеннолетних должны соблюдаться положения ст. 38 Конституции РФ, в соответствии с которыми «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [11]. Согласно п. 2 ст. 3 Конвенции о правах ребенка в Российской Федерации ребенку необходимо обеспечить «такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия» [10]. В соответствии с п. 5.1 Минимальных Стандартных правил Организации Объединенных Наций (Пекинские правила), «...система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего», и более того: «...при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором» [13].

Как известно, при распаде семьи происходят кардинальные изменения на всех уровнях ее функционирования, включая полную перестройку семейной структуры, а также системы супружеских и детско-родительских взаимоотношений [9]. После юридического

оформления развода все члены семьи переживают кризис. Семья на определенное время может утратить способность нормально функционировать, продолжительность этой фазы различна в зависимости от ресурсов семьи и социальной поддержки [9]. Внутренняя переработка семейных проблем и конфликтов, сопровождающих развод, у несовершеннолетних может проявляться в разнообразных нарушениях эмоционального, поведенческого, социально-психологического характера, длительность которых сильно варьирует в зависимости от выраженности внутрисемейного конфликта, индивидуально-психологических особенностей самих несовершеннолетних, характеристик их взаимоотношений с каждым из родителей. Помимо этого, при разводе родителей существенные изменения происходят во всех сферах жизни детей и подростков, оказывая существенное влияние на условия, необходимые для их полноценного психического и эмоционально-личностного развития [9, 20].

Кардинальные изменения, наблюдаемые в современном институте семьи и брака, выражаются, в частности, в увеличении числа разводов. Согласно результатам социологических исследований, большую часть распадающихся семей, составляют семьи, воспитывающие детей. Так, по этим данным, к 2015–2020 г. в России распадется одна из каждых трех семей с детьми [5]. В связи с этим актуальность защиты интересов несовершеннолетних при разводе родителей в ближайшие годы будет сохраняться.

Наиболее остро проблема защиты интересов детей и подростков из разводящихся семей стоит в случаях обращения родителей по поводу семейного спора о детях в суд. В последние десятилетия в нашей стране судебный вариант рассмотрения семейных споров о детях при разводе получил чрезвычайно широкое распространение. Число несовершеннолетних, ежегодно вовлекающихся в сферу гражданского судопроизводства по искам родителей об установлении их места жительства и порядка общения после развода, составляет несколько тысяч человек. По данным судебной статистики, в 2010 г. судами было рассмотрено более 24 тысяч дел этой категории [15]. Значительная востребованность судебной системы при решении семейных проблем, которые в значительной степени имеют психологическую природу и решение которых также находится в сфере психологии, отмечается, несмотря на то, что еще в начале прошлого века ученые-правоведы констатировали тот факт, что судебная система плохо приспособлена к решению споров о детях и что «создать правильные взаимные отношения» между поколениями «закон бессилён» [8]. Ограниченность возможностей судебных органов применительно к решению семейных споров при разводе поддерживается и современными специалистами в области юриспруденции. Так, в «Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей», отмечено, что данная категория дел отличается особой сложностью. Высокий риск нарушения правил и норм судебного разбирательства, который может привести к принятию недостаточно обоснованных и взвешенных решений, существует на всех этапах судебного производства, начиная с этапа возбуждения гражданского судопроизводства [15].

Отдельный круг проблем возникает в связи с приобретением несовершеннолетними нового статуса, согласно которому они выступают как самостоятельные субъекты семейного права. В Конвенции о правах ребенка, принятой ООН и ратифицированной в нашей стране еще в июне 1990 г., был провозглашен принцип приоритетности соблюдения «наилучших интересов ребенка». Однако задача его практической реализации наталкивается на проблему содержательной неразработанности данного понятия как в рамках юридических, так и психологических дисциплин, а также отсутствия механизмов его применения в судебной практике. Несмотря на то, что работа в данном направлении уже начата, в настоящий момент она еще далека от своего завершения [2; 6; 21; 22]. В то же

время сама логика гражданского судопроизводства предполагает, что отправной точкой при рассмотрении в суде вопросов о детях становятся не сами «наилучшие интересы» ребенка, а оценка способности каждого из родителей обеспечивать условия для их реализации, что также ограничивает возможности наиболее полной защиты интересов ребенка.

Практическая реализация принципа приоритета «наилучших интересов ребенка» невозможна без соотнесения интересов несовершеннолетнего с интересами каждого из родителей или фактических воспитателей. В соответствии с логикой гражданского судопроизводства по семейным спорам интересы ребенка и интересы одного из родителей совпадают, и суд берет их под свою защиту, принимая решение в их пользу. В реальности дело обстоит иначе: полное совпадение интересов ребенка с интересами одного из родителей принципиально невозможно. В соответствии с семейным законодательством законными представителями ребенка в гражданских делах по семейным спорам считаются его родители, которые одновременно с этим являются противоборствующими сторонами, отстаивающими собственные интересы. Возможность ограничения права родителя представлять интересы ребенка в суде предоставляет ст. 64 СК РФ, согласно которой установление наличия противоречий между интересами ребенка и интересами родителя входит в обязанности органов опеки и попечительства, которые в таком случае обязаны назначить представителя для защиты прав и интересов ребенка [19]. Однако без содержательного наполнения этих понятий их сопоставление представляется невозможным, в результате чего ребенок лишается реальной защиты его прав и интересов. Такое положение дел еще раз наглядно демонстрирует существующие на сегодняшний день противоречия между практикой гражданского судопроизводства и семейным законодательством, которые существенно затрудняют отстаивание прав и интересов несовершеннолетних в судебном процессе.

На самой начальной стадии гражданского процесса нередко возникают проблемы, связанные с определением процессуальной дееспособности несовершеннолетних. По мнению некоторых авторов, ребенок наряду с другими субъектами спорного правоотношения должен занимать положение самостоятельной стороны в тех случаях, когда речь идет непосредственно о защите его прав и законных интересов. При наличии установленных судом противоречий между интересами родителей и детей предлагается обеспечивать каждому несовершеннолетнему участнику гражданского процесса бесплатную юридическую помощь [1]. В настоящее время функцию защиты прав и интересов истца и ответчика в семейном споре осуществляет адвокат, в то время как ребенок в судебном процессе такой фигуры лишен. В связи с этим правомерно ставить вопрос о том, кто может в случае семейных споров определять «наилучшие интересы ребенка», озвучивать их от имени ребенка и осуществлять контроль за их соблюдением в ходе судебного производства. Несомненно, это должно быть лицо, обладающее специальными познаниями в области психологии семьи, возрастной психологии и, одновременно с этим, занимающее определенное положение в судебном процессе. В настоящее время такая фигура в гражданском суде не предусмотрена. Вместе с тем, в качестве возможного ориентира целесообразно использовать элементы уже доказавшей свою эффективность в некоторых регионах нашей страны модели построения специализированных судов для несовершеннолетних в рамках уголовного процесса [24].

Таким образом, рассмотрение семейных споров о детях при разводе в рамках гражданского процесса имеет целый ряд существенных недостатков, связанных с особенностями самой процедуры гражданского судопроизводства, а также с недостаточной проработанностью правовых норм, регулирующих деятельность судов при решении семейных споров. Между тем, одно из важнейших направлений работы, предусмотренное в

рамках «Национальной стратегии...», заключается в создании системы *дружественного ребенку правосудия*. Под ним подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела [10].

Реализация принципа «дружественности правосудия к ребенку» путем «...обеспечения доступа детей к правосудию вне зависимости от их процессуальной правоспособности и статуса» [14] при рассмотрении семейных споров о детях достигается закрепленным в ст. 57 Семейного кодекса РФ правом детей, начиная с 10-летнего возраста, высказывать свое мнение, которое должно быть учтено судом в тех случаях, когда оно не противоречит его истинным интересам [19]. В соответствии со ст. 65 Семейного кодекса «...спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей» [19]. В этих случаях суд обязан привлекать несовершеннолетних к участию в деле независимо от наличия у них процессуальной право- и дееспособности [3]. Однако нередко судебные органы стараются избежать вызова несовершеннолетнего в суд и заслушивания его мнения по существу семейного спора. При этом его законные представители также не содействуют ему в реализации своих прав. Помимо всего прочего в правовых документах, в частности в ГПК РФ, отсутствует четкая регламентация способов реализации права ребенка на выражение своего мнения в суде [3]. В связи с реализацией этих прав несовершеннолетних возникает необходимость решения нескольких важных проблем. Во-первых, с целью сохранения психического здоровья и психологического благополучия несовершеннолетнего важно предварительно оценить возможность негативного влияния опроса в судебном заседании на актуальное психологическое состояние и дальнейшее психическое развитие несовершеннолетнего. В настоящее время функция такой оценки согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 возложена на органы опеки и попечительства [17]. Однако какая-либо дополнительная правовая регламентация, касающаяся проведения психологического обследования, позволяющего получить соответствующие выводы, отсутствует. Во-вторых, остается до конца неясным, каким образом может быть реализовано право ребенка, не достигшего 10-летнего возраста, выражать свое мнение в суде по вопросам, непосредственно затрагивающим его дальнейшую жизнь, а также является ли правом или обязанностью суда способствовать ребенку в этом. В-третьих, вопрос о критериях оценки судом мнения ребенка, достигшего 10-летнего возраста, и его сопоставления с истинными интересами ребенка, также в настоящее время остается нерешенным. Сам факт достижения ребенком данного возраста не сопровождается обязательным формированием у него способности к осознанию своих истинных интересов и озвучиванию их в суде. Как показывает предварительный теоретический анализ, психическое развитие детей младшего школьного возраста характеризуется несформированной в полной мере способностью к осмыслению окружающей действительности на понятийном уровне, недостаточной степенью произвольности и контроля над эмоциональными реакциями, неразвитостью самосознания. В связи с этим при оценке собственных интересов ребенок в этом возрасте зачастую ориентируется на конкретные ситуационные факторы и не способен учитывать ситуацию в целом и отдаленные последствия принятых им решений [16]. В дополнение к этому ребенок любого возраста находится «внутри» конфликтной семейной ситуации, оставаясь в значительной степени зависимым от нее. И в этом смысле его мнение не может быть полностью свободным от субъективизма и сложившейся у него «внутренней картины развода», которая отличается той или иной степенью устойчивости. Таким образом, проблема оценки способности ребенка целостно воспринимать семейную ситуацию и

реализовывать свои права на защиту своих интересов в суде в настоящее время требует более глубокой проработки в рамках как психологической, так и юридической дисциплин [6; 16].

В качестве отдельной проблемы при судебном рассмотрении семейных споров о детях при разводе выступает сложившаяся практика использования специальных познаний в области психологии. В настоящее время привлечение психологов в случае судебного варианта решения спорных вопросов о детях при разводе недостаточно регулируется как ГПК РФ, так и другими правовыми нормами [25]. По этой причине наряду с проведением экспертных исследований, назначаемых судом, и поручаемых экспертам, имеющим специальную подготовку в области судебной психологии, подобные экспертизы проводятся психологами, имеющими законченное высшее психологическое образование, но не ориентирующимися в вопросах, касающихся правовых основ данной деятельности, правилах и требованиях, предъявляемых к такого рода исследованиям. Это зачастую приводит к низкому качеству психологических заключений, а также предвзятой и субъективной оценке семейной ситуации.

В последние годы все чаще встречаются случаи приобщения судами к материалам гражданского дела результатов психологических обследований детей, выполненных по запросу одной из спорящих сторон, которые впоследствии берутся за основу принимаемых судебных решений. Избегание назначения судами экспертизы даже при наличии ходатайства одного из родителей вызвано возможностью сокращения сроков рассмотрения дел, а также уменьшением числа процессуальных действий. Такая позиция судебных органов выгодна и противоборствующим сторонам, позволяя им сократить свои судебные расходы. В соответствии с ГПК РФ суд обязан дать оценку таким психологическим заключениям наряду с другими доказательствами по делу, однако самостоятельно он этого сделать не может, поскольку не обладает необходимыми специальными познаниями [3]. Одновременно с этим отмечены случаи, когда суды не принимают результаты судебной психологической экспертизы по делу в связи с тем, что они были подвергнуты критике со стороны специалиста в области психологии, приглашенного спорящей стороной, не удовлетворенной выводами данной экспертизы. Таким образом, такие процессуальные нарушения возможны в ситуации, когда суд не имеет возможности самостоятельно и независимо от спорящих сторон оценивать качество такого рода доказательств по делу.

Использование специальных психологических познаний также реализуется в форме составления психологических заключений о ребенке по запросу органов опеки и попечительства в рамках подготовки ими заключения по делу, которые они обязаны представить в суд в качестве третьей стороны в гражданском процессе. Необходимо отметить, что такого рода деятельность специалистов в области психологии также крайне слабо регламентирована нормативными актами.

Сказанное выше позволяет констатировать, что роль психологов при судебном решении семейных споров о детях в настоящее время носит фрагментарный и эпизодический характер, ограничена как временными, так и другими организационными моментами. Последствиями такого участия психологов в судебных семейных спорах о детях является их недостаточная ориентация в сложившейся семейной ситуации, односторонность и предвзятость представлений о вкладе каждого из родителей в семейный конфликт, ошибочное мнение о возможных последствиях сложившейся семейной ситуации для дальнейшего развития несовершеннолетних, а также выводов, касающихся истинных причин наблюдаемого ими актуального состояния детей и подростков. Перечисленные обстоятельства оказывают негативное влияние на осознание специалистами

ответственности за качество выполняемой работы, а также затрудняет формирование у них представлений о границах собственной профессиональной компетентности и соблюдении этических принципов.

Гражданские дела, связанные с защитой интересов детей, относятся к одной из самых сложных категорий судебных дел. В частности, это вызвано тем, что в ходе принятия решения по семейным спорам о детях суд сталкивается с необходимостью дать взвешенную оценку способности каждого из родителей обеспечить ребенку условия, обязательные для удовлетворения не только психологических потребностей, но также и бытовых, финансовых и иных нужд. В случае если они вступают в противоречие друг с другом, суду необходимо решить, каким из них отдать предпочтение. В связи с этим актуальной представляется задача изучения существующей судебной практики с целью разработки наиболее научно обоснованных и эффективных алгоритмов принятия судебных решений по семейным спорам.

Определенные ограничения в плане соблюдения приоритетности «наилучших интересов ребенка» при решении судебных семейных споров о детях накладывает один из основных принципов гражданского судопроизводства, который заключается в «состязательности сторон» (ст. 12 ГПК РФ) [3]. Он предполагает, что спорящие стороны могут самостоятельно собирать и представлять в суд необходимые доказательства по делу, а также критиковать позицию противостоящей стороны. Однако оценка качества собранных ими доказательств может представлять для судебных органов существенную трудность. Так, в экспертной практике последних лет все чаще встречаются ситуации, когда одновременно с гражданским иском по поводу определения места жительства ребенка после развода один из родителей инициирует возбуждение уголовного дела по факту совершения другим родителем каких-либо действий насильственного или сексуального характера по отношению к ребенку. Трудности сбора доказательств по данному рода уголовным деликтам, как известно, приводят к тому, что их рассмотрение может затягиваться на продолжительное время. Это приводит к тому, что принятие решения по гражданскому делу затягивается порой на неопределенный срок.

Один из самых существенных недостатков судебного варианта решения семейного спора о детях при разводе заключается в том, что он, как правило, приводит к дальнейшей эскалации семейного конфликта, что наносит серьезный ущерб психологическому благополучию ребенка. Таким образом, практическая реализация «наилучших интересов ребенка» оказывается заведомо ограниченной.

Дополнительной проблемой при решении семейного спора о детях в суде является тот факт, что в части случаев истинной причиной обращения бывших супругов в суд является неурегулированность между ними финансово-материальных отношений, которые они пытаются решить за счет привлечения ребенка на свою сторону, в том числе путем определения его совместного с ними места проживания после развода.

В экспертной практике последних лет все чаще встречаются ситуации, когда одновременно с гражданским делом об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей при разводе рассматривается уголовное дело о совершении одним из родителей действий сексуального характера в отношении ребенка. Трудности сбора доказательств по данному рода уголовным деликтам приводят к тому, что их рассмотрение может затягиваться на продолжительное время, и, соответственно, тормозится принятие решения по гражданскому делу.

Подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что на сегодняшний день судебное рассмотрение вопросов, связанных с жизнеустройством детей после развода, нуждается в серьезной реорганизации, которая должна быть направлена на укрепление позиции ребенка, приобретение им реального юридического статуса в качестве самостоятельного субъекта семейного права, сопровождающегося фактическим соблюдением его прав и интересов. Решение данной задачи предусматривает как проведение серьезных междисциплинарных исследований, содержательную разработку понятия «наилучшие интересы ребенка», так и внесение изменений в правовые и организационные основы гражданского судопроизводства. Оно должно сопровождаться обеспечением продуктивного сотрудничества судов с различными государственными специализированными структурами, призванными защищать права и интересы несовершеннолетних и оказывать им и их семьям психологическую помощь.

Литература

1. *Батова О.С.* Особенности процессуального положения несовершеннолетнего по делам, связанным с воспитанием детей // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М.: Статут, 2008. С. 438–450.
2. *Беспалов Ю.Ф.* Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка. М.: Юнити-дана, 2010. 304 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, принят 14.11.2002 г. (в редакции от 06.04.2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru/popular/gpkrf> (дата обращения: 20.10.2015 г.).
4. Дети в трудной жизненной ситуации: новые подходы к решению проблем [Электронный ресурс]. М., 2010. 91 с. URL: http://www.rfdeti.ru/files/1296588517_gord.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
5. *Захаров С.В.* Куда движется супружество в России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2014. № 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения: 20.10.2015).
6. *Ильина О.Ю.* Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
7. Итоги и перспективы реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: сб. материалов конференции. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. 134 с.
8. *Кавелин К.Д.* Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1884. С. 82.
9. *Карбанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2004. 320 с.
10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31,

ст. 4398.

12. *Кузнецова О.В.* Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://kommentarii.org/garant_rebenka/page3.html (дата обращения: 20.10.2015).
13. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 25.02.2016).
14. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761). Раздел VI. Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 20.10.2015).
15. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826 (дата обращения: 20.10.2015).
16. *Ошевский Д.С.* К вопросу о способности ребенка адекватно воспринимать семейную ситуацию и пользоваться правами, предоставленными законодательством России [Электронный ресурс] // Коченовские чтения. Психология и право в современной России. М., 2010. URL: http://psyjournals.ru/kochenovskie_chteniya_2010/issue/41362.shtml... (дата обращения: 20.10.2015).
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (дата обращения: 27.10.2015).
18. *Потлачук Н.В.* Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей [Электронный ресурс] // Коченовские чтения. Психология и право в современной России. М., 2012. URL: <http://psyjournals.ru/files/55235/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%BB%D0%B0%D1%87%D1%83%D0%BA.pdf> (дата обращения 27.10.2015).
19. Семейный кодекс Российской Федерации (в редакции от 20.04.2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения: 20.10.2015 г.).
20. *Терехина С.А.* Семейный контекст делинквентного поведения девочек-подростков // Российский психиатрический журнал. 2006. № 3. С. 71–73.
21. *Терехина С.А.* Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (дата обращения: 20.10.2015).

22. *Терехина С.А.* Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» [Электронный ресурс] // Коченовские чтения. Психология и право в современной России. М. 2012. URL: <http://psyjournals.ru/kochteniya1/issue/55260.shtml> (дата обращения 20.10.2015).
23. *Терехина С.А.* Психологические проблемы детей дошкольного возраста, участников гражданских дел по семейным спорам при разводе родителей [Электронный ресурс] // XVI съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы», 23–26 сентября 2015 года, г. Казань: тезисы / Под общ. ред. Н.Г. Незнанова. СПб.: Альта Астра, 2015. URL: http://psychiatr.ru/download/2292?view=1&name=XVI-ROP-2015_abstr+%28%29.pdf (дата обращения 21.12.2015).
24. *Ткачев В.Н., Воронова Е.Л.* Ювенальный суд и социальные службы: механизм взаимодействия. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2005. 240 с.
25. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 20.10.2015).

The problems of defending the interests of juveniles in legal cases of domestic disputes during the divorce

Terekhina S.A., Ph.D. in Psychology, Associate Professor of Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, MSUPE, senior researcher at the Laboratory of Psychology of Childhood and Adolescence, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (svterek@gmail.com)

Pimonov V.A., PhD in Law, Associate Professor of Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (p_vlad70@mail.ru)

In our article we analyze the problems connected to the judicial scenario of settling domestic disputes over children during the divorce and located at the interfaces between law and psychology. We examine the issues of defending rights and interests of juveniles during civil proceedings in the context of regulations of National strategy of actions in the interests of children 2012-2017. We indicate modern civil legal procedure's main peculiarities which prevent the principle of prioritizing maintenance of "the best interests of a child" from practical realization during settlements of domestic disputes. We cover the issues connected to different forms of using special knowledge in psychology during civil legal procedure in settling domestic disputes. We list difficulties which arise during practical realization of children's rights to participate in the process of making decisions which affect their interests during the divorce. We outlined steps to improve the organization of civil proceedings in the direction of creating justice which would be friendly towards children.

Keywords: child's interests, the defense of rights and interests of juveniles, divorce, domestic disputes concerning children, civil legal procedure.

References

1. Batova O.S. Osobennosti processual'nogo polozheniya nesovershennoletnego po delam, svyazannym s vospitaniem detej [Peculiarities of a juvenile's procedural provisions on cases related to raising children] in *Problemnye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo processov* [Problematic issues of civil and arbitration processes]. Moscow: Statut, 2008, pp. 438-450. URL: <http://www.lawlibrary.ru/article2072541.html> (Accessed 20.10.2015).
2. Bepalov U.F. Rassmotrenie i razreshenie sudami grazhdanskikh i semejnyh del s uchastiem rebenka [Court review and approval of civil and family cases involving children]. Moscow: UNITI-DANA, 2010. 304 p.
3. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [The Civil and Procedure Code of Russian Federation]. URL: <http://consultant.ru/popular/gpkrf> (Accessed 20.10.2015).

4. *Deti v trudnoj zhiznennoj situacii: novye podhody k resheniyu problem* [Children in difficult situations: new approaches to problem-solving]. Moscow, 2010. 91 p. URL: http://www.rfdeti.ru/files/1296588517_gord.pdf (Accessed 20.10.2015).
5. Zaharov C.V. *Kuda dvizhetsya supruzhestvo v Rossii* [Elektronnyj resurs] [Where is marriage in Russia going]. Demoskop Weekly. 2014. № 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (Accessed 20.10.2015).
6. Il'ina O.U. *Interesy rebenka v semejnom prave Rossijskoj Federacii* [Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации]. Moscow, 2006. 192 p.
7. *Itogi i perspektivy realizacii vazhnejshih polozhenij Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012-2017 gody: sbornik materialov konferencii*. [Results and prospects of implementation of major provisions of the National Action Strategy for Children for 2012-2017: Collection of conference materials]. Moscow: GBOU VPO MGPPU, 2015. – 134 p.
8. Kavelin K.D. *Ocherk juridicheskikh otnoshenij, vznikayushchih iz semejnogo soyuza*. Saint-Petersburg. 1884. P. 82.
9. Karabanova O.A. *Psihologiya semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovaniya* [Outline of legal relations arising from the family union]. Moscow: Gardariki, 2004. 320 p.
10. *Konvenciya o pravah rebenka* [Convention on the Rights of the Child (CRC)]. In *Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR* [Collection of International Treaties of the USSR]. 1993. Vypusk XLVI.
11. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [The Constitution of the Russian Federation]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Russian Federation legislation], 04.08.2014, N 31, p. 4398.
12. Kuznecova O.V. *Kommentarij k Federal'nomu zakonu N 124-FZ «Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii»* [Elektronnyj resurs] [Commentary to the Federal Law «On basic guarantees of child's rights in the Russian Federation»]. URL: http://kommentarii.org/garant_rebenka/page3.html (Accessed 20.10.2015).
13. *Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila)*. [United Nations standard minimum rules for the administration of justice for juveniles (The Beijing rules)]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (Accessed 25.02.2016).
14. *Nacional'naya strategiya dejstvij v interesah detej na 2012–2017 gody* [Elektronnyj resurs] [The National Action Strategy for Children for 2012-2017] URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (Accessed 20.10.2015).

15. Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannyh s vospitaniem detej. [Review of the practice of resolving of disputes the courts relating to raising children]. [Elektronnyj resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826 (Accessed 20.10.2015).
16. Oshevskij D.S. K voprosu o sposobnosti rebenka adekvatno vosprinimat' semejnuyu situaciju i pol'zovat'sya pravami, predostavlennymi zakonodatel'stvom Rossii. [On the question of the child's ability to perceive the family situation and the use of the rights granted by Russian legislation]. Materialy Kochenovskih chteniy «Psihologiya i pravo v sovremennoj Rossii. (g. Moscow, 14-16 oktiabrya Moscow, 2010 g). [Kochenovskie readings "Psychology and Law in Modern Russia"]. URL: http://psyjournals.ru/kochenovskie_chteniya_2010/issue/41362.shtml (Accessed 27.10.2015).
17. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.05.1998 N 10 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannyh s vospitaniem detej». [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the law application by the courts in the resolution of disputes relating to raising children»]. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (Accessed 27.10.2015).
18. Potlachuk N.V. Aktual'nye voprosy uchastiya specialistov v sudebnyh sporah o vospitanii detej. [Pressing questions of the participation of experts in legal disputes about parenting]. Materialy Kochenovskih chteniy «Psihologiya i pravo v sovremennoj Rossii [Materials of Kochenovskie readings «Psychology and Law in Modern Russia»]. Moscow, 2012. URL: <http://psyjournals.ru/files/55235/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%BB%D0%B0%D1%87%D1%83%D0%BA.pdf> (Accessed 27.10.2015).
19. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii [The Family Code of the Russian Federation]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (Accessed 20.10.2015).
20. Terekhina S.A. Semejnyj kontekst delinkventnogo povedeniya devochek-podrostkov [Family context of delinquent behavior of adolescents]. *Rossijskij psichiatricheskij zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry]. Moscow: 2006. N 3. Pp. 71-73.
21. Terekhina S.A. Psihologicheskie aspekty ponyatiya «interesy rebenka» [.....]. [Elektronnyj resurs] Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological aspects of the concept of «child's interests»]. psyedu.ru. 2013. №3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (Accessed 20.10.2015).
22. Terekhina S.A. Psihologicheskie aspekty ponyatiya «interesy rebenka» [Psychological aspects of the concept of «child's interests»]. Kochenovskie chteniya «Psihologiya i pravo v sovremennoj Rossii» [Kochenovskie readings «Psychology and Law in Modern Russia»]. Moscow, 2012. URL: <http://psyjournals.ru/kochteniya1/issue/55260.shtml>
23. Terekhina S.A. Psihologicheskie problemy detej doshkol'nogo vozrasta, uchastnikov grazhdanskih del po semejnym sporam pri razvode roditelej [Psychological problems of pre-school children members of civil cases of family disputes during parents' divorce]. XVI s"ezd psichiatrov Rossii. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s

mezhdunarodnym uchastiem «Psihiatriya na ehtapah reform: problemy i perspektivy», 23-26 sentyabrya 2015 goda, g. Kazan' [XIV Congress of Russian psychiatrists. All-Russian scientific-practical conference with international participation "Psychiatry on the stages of reforms: problems and prospects", 23-26 September 2015, Kazan] [Elektronnyj resurs]. Saint-Peterburg: Al'ta Astra, 2015. pp. 244-245.

24. Tkachev V.N., Voronova E.L. Uvenal'nyj sud i social'nye sluzhby: mekhanizm vzaimodejstviya [Juvenile Court and the social services: the mechanism of interaction]. Rostov-on-Don. 2005. 240 p.
25. Federal'nyj zakon ot 31 maya 2001 g. N 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii». [Elektronnyj resurs] [The Federal Law «On State forensic activities in the Russian Federation»]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (Accessed 20.10.2015).

Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (ver210@yandex.ru)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Токарева Г.М., медицинский психолог – судебный эксперт Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Московской области «Центральная клиническая психиатрическая больница» (ГБУ ЦКПБ) (galatgala@gmail.com)

Лысенко Н.Е., медицинский психолог Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ ФМИЦПП имени В.П. Сербского) (nlisenko@yandex.ru)

В статье изложены результаты исследования взаимосвязи между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом. Было обследовано 563 мужчины и 200 женщин, находящихся на принудительном лечении. Использовалась методика оценки защитных факторов (Булыгина В.Г. и соавт.), «Исторический клинический риск» (HCR-20, Webster), которая была дополнена клиничко-психопатологическими критериями, используемыми в отечественной практике. Применялся метод построения «деревьев классификации» и ROC-анализ. Целевыми переменными для математического анализа были: гендерная принадлежность, кратность совершения повторных ООД, интервал рецидивности. Обнаружено, что универсальными защитными факторами в обобщенной выборке лиц с тяжелыми психическими расстройствами являются развитость социальных и коммуникативных навыков, а также более высокая мотивация на лечение. Выделены гендер-специфические протективные факторы. Выявлено, что с более длительным периодом социальной адаптации ассоциируются мотивация на

лечение и развитые социальные и коммуникативные навыки в группе женщин, в группе мужчин – отсутствие проблем, связанных со злоупотреблением ПАВ и терпимое отношение к судебным и административным предписаниям. Модели риска криминального рецидива для психически больных женщин обладают более высокой прогнозной ценностью, нежели модели для мужчин.

Ключевые слова: факторы риска насилия, защитные факторы, общественно опасные действия, принудительное лечение психически больных с криминальным анамнезом.

Для цитаты:

Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Токарева Г.М., Лысенко Н.Е. Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). №1. С. 105-119.

doi: 10.17759/psylaw.2016060109

For citation:

Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Tokareva G.M., Lysenko N.E. The relationship between violence risk factors and protective factors among mentally ill offenders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.105-119. doi: 10.17759/psylaw.2016060109

Введение

Проблема совершения психически больными общественно опасных действий является одной из наиболее актуальных в современной психиатрии. В последние годы увеличивается количество случаев общественно опасных деяний против личности, совершенных психически больными. Только в 2013 г. количество общественно опасных деяний, совершенных психически больными с расстройствами, исключаящими вменяемость, составило 10642 случая. В отношении 16895 пациентов осуществлялись принудительные меры медицинского характера в психиатрических стационарах [7]. На протяжении последнего десятилетия остается стабильным показатель количества повторных общественно опасных деяний, который составляет около 30% всех правонарушений [8]. Совершение больными повторных правонарушений после отмены принудительного лечения и наблюдения отражает недостаточную эффективность существующей системы профилактики и требует дальнейшего активного изучения проблемы общественной опасности психически больных [3; 4; 5; 6]. Столь значительные цифры о криминальной активности психически больных и совершении повторных правонарушений говорят о масштабности данной проблемы и ее значимости для обеспечения безопасности общества.

Определение степени общественной опасности лиц, страдающих психическими расстройствами, требует тщательного рассмотрения следующих проблем: сущность такой опасности, прогнозирование ее вероятности у психически больных с криминальным анамнезом с выявлением как факторов риска общественно опасного поведения, так и факторов, сдерживающих или уменьшающих этот риск – защитных факторов [1].

Существуют различные точки зрения о взаимосвязи между факторами риска насилия и защитными факторами. Некоторые авторы указывают на то, что факторы, сдерживающие агрессию, находятся на одной оси с факторами риска, предполагая, что определенный фактор риска может стать защитным фактором, и наоборот [10; 11; 14]. Другие считают, что защитные факторы способны компенсировать факторы риска и, таким образом, выполняют важную роль в общем снижении риска насилия [12]. Тем не менее, начиная с 2000-х гг. не вызывает дискуссий положение о том, что лечение, направленное на снижение риска совершения повторных правонарушений, должно быть направлено не только на уменьшение факторов риска насилия, но и на укрепление защитных факторов [9; 13].

Особо актуальным является учет защитных факторов в судебно-психиатрической практике при принятии решения об отмене или изменении вида принудительного лечения. Без этого оценка риска общественной опасности пациента будет неполной и несбалансированной [1].

В связи с вышесказанным **целью исследования** было изучение взаимосвязи между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом для совершенствования оценки их общественной опасности.

Материал и методы исследования

Было обследовано 563 мужчины и 200 женщин, находящихся на принудительном лечении в стационарах специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением. Средний возраст мужчин составил 37 лет, женщин – 40 лет. Среди обследованных групп наибольшее количество человек имели диагнозы: шизофрения, хронические бредовые расстройства (F20.0, 20.01, 20.06, 20.014, 20.016): 51,9% мужчин и 60,63% женщин. Диагнозы органические психические расстройства (F07.08, F07.09, F01-07) составили среди мужчин и женщин 26,88% и 21,98% соответственно. 9,43% мужчин и 9,57% женщин имели следующие диагнозы: аффективные расстройства, (F30-39); расстройства, связанные с приемом ПАВ (F10-19), и расстройства личности (F60-69).

Критериями включения в исследование являлись: 1) решение суда о невменяемости пациента; 2) направление на принудительное лечение; 3) возраст, начиная от 17 лет. Критериями исключения стали: 1) начало заболевания после совершенного ООД; 2) острая психотическая симптоматика на момент обследования.

Для проведения исследования была разработана карта исследования, состоящая из 253 пунктов, которая включала в себя несколько блоков (социально-демографические, клинично-криминологические, социально-психологические, патопсихологические). В качестве источника сведений о пациентах использовались: истории болезни пациентов, амбулаторные карты пациентов, заключения комиссии экспертов, журнал регистрации амбулаторных пациентов отделения АПЛ с кабинетом АДН, журналы ведения психокоррекционной работы.

На основании анализа отечественного и зарубежного опыта изучения факторов, сдерживающих риск агрессивного поведения, а также обследования 380 пациентов мужского и женского пола, находящихся на принудительном лечении в психиатрических стационарах общего, специализированного и специализированного типов с интенсивным наблюдением (2009–2013) была создана методика оценки защитных факторов. Подробно данная методика описана в методических рекомендациях «Факторы, сдерживающие риск насилия. Субъективные оценки и реабилитационный потенциал» [2]. Оценка защитных факторов была дополнена изучением факторов риска насилия с помощью методики

«Исторический клинический риск» (HCR-20, Webster C., перевод Ручкина В.В., 2008). Перечень факторов риска был дополнен клинико-психопатологическими критериями, используемыми в отечественной практике при определении вида рекомендуемых принудительных мер медицинского характера и их отмене (Котов В.П., Мальцева М.М.).

Клинические факторы включают в себя внутреннюю картину болезни, наличие патологии раннего развития, приверженность к лечению, коморбидность со злоупотреблением алкоголем, ПАВ и личностными расстройствами, недостаточно критическое отношение к себе, резистентность к лечению, пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов, бредовые идеи определенного содержания и аффективная напряженность, маниакальные и гипоманиакальные состояния с общей расторможенностью и псевдопредприимчивостью. Социальные факторы включали социоэкономический статус, характеристики условий воспитания, социальной поддержки, партнерских взаимоотношений, а также внесемейное окружение. Психологические – особенности познавательной, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой сфер, стратегии совладания и механизмы психологической защиты.

Пункты методики оценки защитных факторов и факторов риска кодировались консенсусно членами полипрофессиональных бригад по трехбалльной шкале, отражающей степени выраженности фактора.

Целевыми переменными для математического анализа были: гендерная принадлежность, кратность совершения повторных ООД, период времени между отменой принудительного лечения и совершением повторного ООД.

Статическая обработка

Статистическая значимость различий устанавливалась с помощью критерия Манна-Уитни. Корреляционный анализ проводился по методу Спирмена. Для оценки прогнозных возможностей переменных и факторов использовался метод построения «деревьев классификации», который широко используется для предсказания принадлежности объектов к тому или иному классу в зависимости от соответствующих значений признаков, характеризующих объекты, и анализа вклада отдельных переменных в процедуру классификации. Для оценки надежности модели строились ROC-кривые, которые показывают зависимость доли истинно положительных случаев (чувствительности) от доли ложноположительных случаев (специфичность).

Результаты исследования

С использованием критерия Манна-Уитни была проверена значимость различий в показателях факторов риска в группе женщин, совершивших повторные и первичные ООД. Было обнаружено, что пациенток, совершивших неоднократные ООД, значимо отличает недостаточно критическое отношение к себе, импульсивность, преобладание психопатоподобного синдрома с повышенной поведенческой активностью и патологией влечений. При этом такие факторы риска, как проблемы, связанные со злоупотреблением ПАВ, были минимально представлены.

У пациенток, совершивших повторные ООД, среди защитных факторов были наиболее представлены развитость социальных и коммуникативных навыков, а также демонстрация более высокой мотивации на лечение. Закономерно (в связи с некритичностью) в наименьшей степени был представлен такой защитный фактор, как «количество субъективно осознаваемых проявлений дефекта». Также отмечалась выраженность отрицательного смещения атрибуций.

Группу пациентов мужского пола, совершивших неоднократные ООД, значимо отличали такие факторы риска, как: более молодой возраст совершения ООД; неспособность поддерживать стабильные партнерские отношения; недостаточно критическое отношение к себе; резистентность к лечению; пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов; бредовые идеи определенного содержания и аффективная напряженность; маниакальные и гипоманиакальные состояния с общей расторможенностью и псевдопредприимчивостью. Кроме того, у таких пациентов были отмечены более низкие значения по выраженности таких факторов риска, как проявление насилия в прошлом, психопатоподобные расстройства, систематическое употребление алкоголя и ПАВ.

Среди защитных факторов в группе мужчин более выражены были следующие: мотивация на лечение, развитость социальных и коммуникативных навыков, а также принадлежность к более высокому социальному слою. Минимально представлены были такие защитные факторы, как количество субъективно осознаваемых проявлений дефекта, позитивное отношение к фармакотерапии и устойчивый терапевтический альянс. Анализируемую группу пациентов также характеризовали отрицательное смещение атрибуций, дисбаланс между побудительной и тормозной функциями волевых процессов.

Далее была изучена взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами в зависимости от длительности периода между отменой ПЛ и совершением повторного ООД.

Корреляционный анализ (критерий Спирмена) в группе женщин выявил, что для больных, совершивших повторные ООД в течение меньшего периода времени после отмены ПЛ, характерны положительные связи со шкалами: недостаточно критическое отношение к себе, импульсивность, пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов, а также – психопатоподобный синдром с повышенной поведенческой активностью.

Пациенток с более длительным периодом между отменой ПЛ и совершением повторного ООД отличали отрицательные корреляции со следующими переменными: трудности с трудоустройством; проблемы, связанные со злоупотреблением ПАВ. По защитным факторам были выявлены положительные взаимосвязи с типом отношения к болезни, мотивацией на лечение и параметром «развитые социальные и коммуникативные навыки».

Корреляционный анализ изучаемых факторов в группе мужчин показал, что для пациентов, совершивших повторное ООД в течение меньшего временного интервала после отмены ПЛ, характерны положительные связи с фактором «недостаточно критическое отношение к себе». Отрицательные корреляции были со следующими параметрами: проблемы, связанные со злоупотреблением ПАВ, систематическое употребление алкоголя и ПАВ, отрицательное отношение к властям.

Следующим этапом анализа было выявление факторов, значимо отличающих пациентов в зависимости от гендерной принадлежности. Сравнительный анализ факторов риска насилия в группе женщин выявил, что лиц с диагнозом шизофрения значимо отличают более высокие показатели по переменным: нарушение требований надзора в прошлом, несоблюдение лечебного режима, нарушения больничного режима (при прошлых госпитализациях). Среди защитных факторов в группе пациенток с диагнозом шизофрения были наименее выражены: мотивация на лечение, развитость навыков совладания, принадлежность к более высокому социальному слою.

В группе мужчин при проверке значимости различий количественных показателей факторов риска у пациентов с диагнозом органическое психическое расстройство и шизофрения было обнаружено следующее. Больных шизофренией значимо отличают более высокие показатели по факторам нарушение требований надзора в прошлом, несоблюдение лечебного режима, проявления социальной дезадаптации, криминальный опыт, повторность ООД, нарушения больничного режима при прошлых госпитализациях. Кроме того, у пациентов, страдающих шизофренией, отмечались одновременно более низкие значения по шкалам: молодой возраст на момент проявления насилия и пребывание под воздействием дестабилизирующих факторов.

Среди защитных факторов группу мужчин больных, шизофренией, по сравнению с группой ОПР, отличает отсутствие коморбидности со злоупотреблением ПАВ и личностными расстройствами. Одновременно для них характерна более низкая мотивация на лечение, негативное отношение к фармакотерапии, неустойчивый терапевтический альянс, менее развитые социальные и коммуникативные навыки и копинг-стратегии, а также выраженность гнева в структуре конструкта агрессии.

Следующим этапом анализа было построение «деревьев классификации» при помощи метода математического моделирования с использованием факторов риска насилия и протективных факторов. Классификация с последующим построением «дерева решений» строится на основе моделирования переменных, имеющих информативную ценность для распознавания случаев возможного риска совершения повторных ООД.

«Деревья классификаций» строились отдельно для психически больных женщин и мужчин (рис. 1). При построении «деревьев классификации» с моделированием значимых факторов риска насилия для прогнозирования вероятности совершения повторных ООД в группе психически больных женщин выявлено следующее.

Одно правило решений подчеркивает роль выраженных нарушений критичности и позволяет прогнозировать повторные ООД с вероятностью 93,3%. Другое правило решений охватывает меньшее количество пациенток анализируемой группы. Оно выводит на первый план недостаточно критическое отношение к себе в сочетании с систематическим употреблением алкоголя и ПАВ. При этом проявления импульсивности не выражены. Это правило решений позволяет прогнозировать повторность ООД с вероятностью 34,5%.

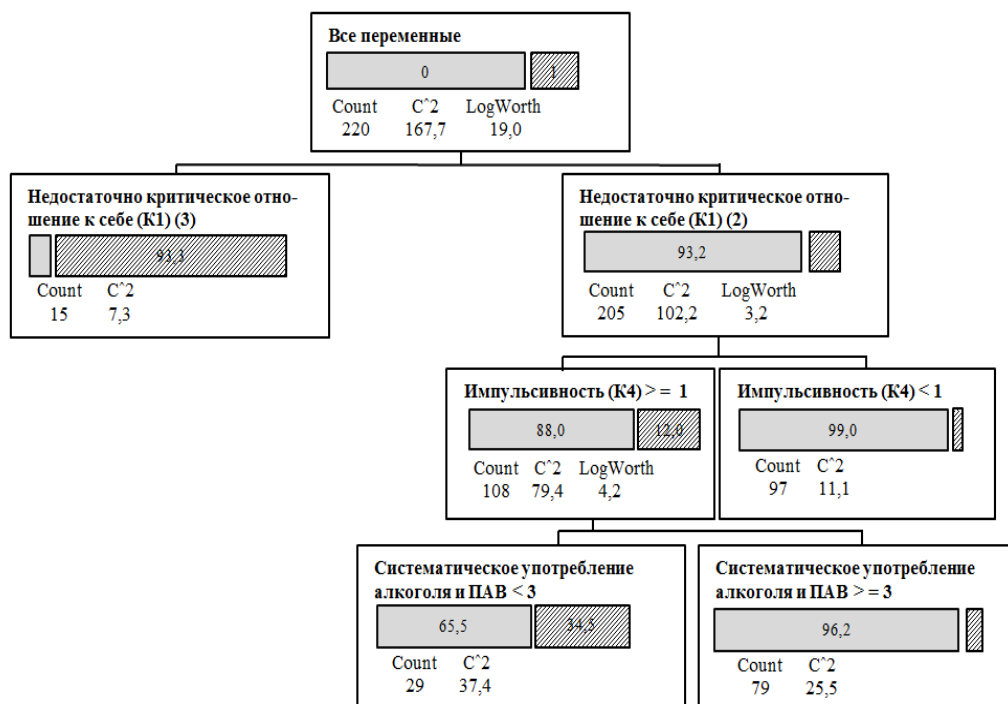

Рис. 1. Дерево решений для прогноза вероятности свершения повторного ООД в группе женщин (по факторам риска насилия)

При построении деревьев классификации с моделированием значимых факторов риска насилия для прогнозирования вероятности совершения повторных ООД в группе психически больных мужчин было выявлено следующее (рис. 2). Было выведено три основных правила решений.

Первое правило решений подчеркивает отсутствие критичного отношения к себе в сочетании с отсутствием выраженных проблем, связанных со злоупотреблением ПАВ. Это правило позволяет прогнозировать совершение повторных ООД с вероятностью 90,9%.

Второе правило охватывает небольшой процент обследованных и выдвигает на первый план не критичность при малой представленности бредовых идей с аффективной напряженностью, что дополняется проблемами, связанными со злоупотреблением ПАВ и отсутствием в прошлом криминального опыта. Данная модель позволяет прогнозировать совершение повторного ООД с вероятностью 86%.

Третье правило отличается от первого лишь выраженностью проблем в связи со злоупотреблением ПАВ. Таким образом, в сочетании с нарушением критического отношения к болезни модель позволяет прогнозировать совершение повторного ООД с вероятностью 81,4%.

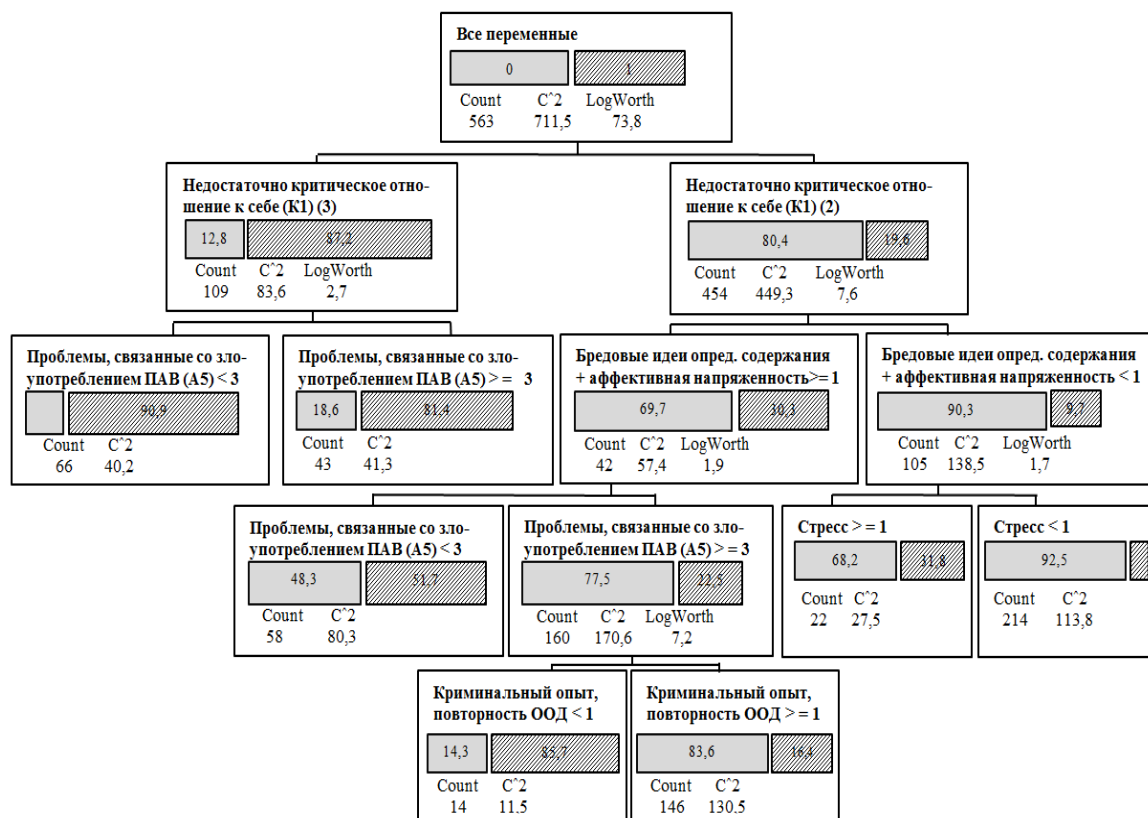
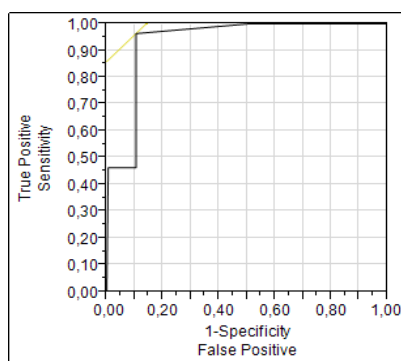
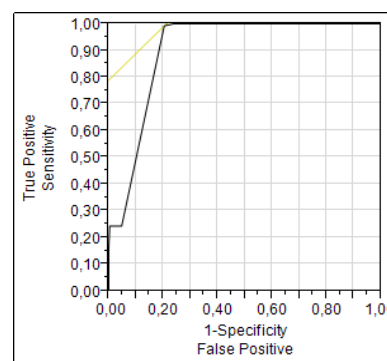

Рис. 2. Дерево решений для прогноза вероятности совершения повторного ООД в группе мужчин (по факторам риска насилия)

Для оценки качества моделей были построены ROC-кривые (рис. 3). Обе модели обладают высокой прогнозной ценностью при моделировании вероятности совершения повторных ООД психически больными женского пола (0,93) и мужского пола (0,9). Показатель чувствительности, отражающий процент верно идентифицированных случаев повышенного риска совершения повторных ООД, высок как для женщин (96,4%), так и для мужчин (99,3%). Показатель специфичности (число верно идентифицированных случаев с умеренным и низким риском) высокий в группе женщин (89,6%) и более низкий в группе мужчин (79,7%).

Женщины

Мужчины

Рис.3. ROC-кривые моделей прогнозирования повторных ООД (факторы риска насилия)

Построение деревьев классификации с моделированием значимых факторов, уменьшающих риск насилия, для прогнозирования вероятности совершения повторных ООД, было направлено на выделение тех защитных факторов, которые не были «усилены» на этапе принудительного лечения.

Включение защитных факторов в прогностическую модель риска совершения повторных ООД является, на наш взгляд, обоснованным, поскольку показывает приоритетность «усиления» на этапе принудительного лечения именно тех, недостаточная представленность которых вносит вклад в риск криминального рецидива.

Построение «дерева классификаций» в группе психически больных женщин выявило следующее (рис. 4).

Первое правило решений подчеркивает сочетание развитых социальных и коммуникативных навыков с зависимостью от ПАВ и личностными расстройствами и позволяет прогнозировать совершение повторных ООД с вероятностью 31,3%.

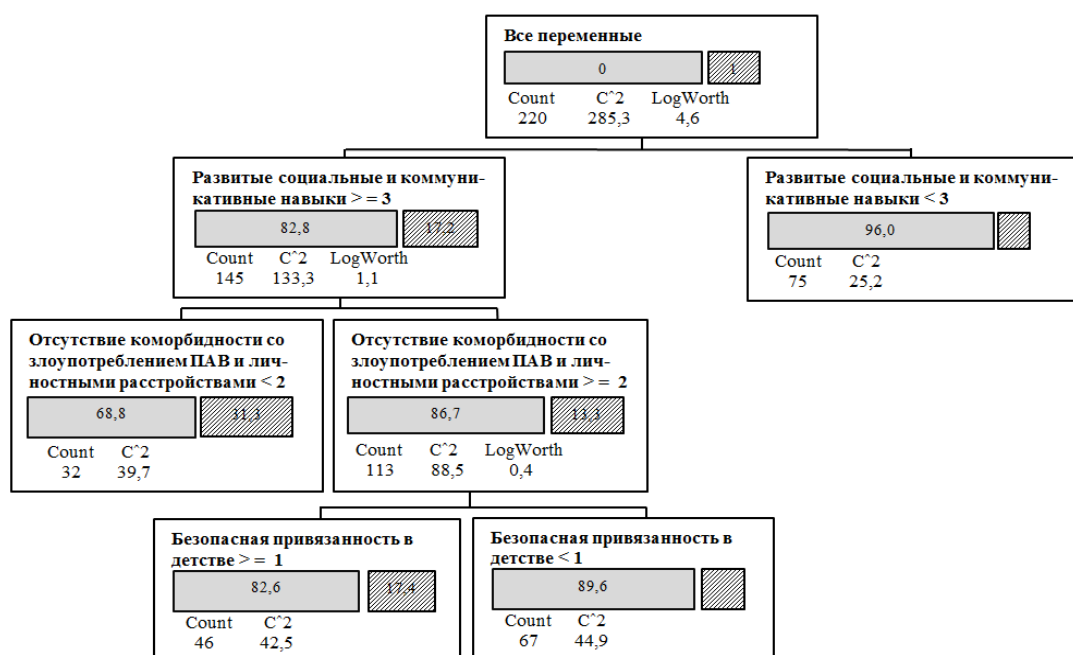

Рис. 4. Дерево решений для прогноза вероятности совершения повторного ООД в группе женщин (по защитным факторам)

Дерево решений с включением в анализ защитных факторов для прогноза вероятности свершения повторного ООД в группе мужчин включает иные переменные, чем в модели для женщин (рис. 5).

Первое правило решений подчеркивает дисбаланс побудительной и тормозной функций волевых процессов у лиц, принадлежащих к среднему социальному слою, но с отсутствием положительной ролевой модели и неразвитостью эмпатии («отсутствие безопасной привязанности в детстве»). Мотивация на лечение сформирована недостаточно. Это правило позволяет прогнозировать риск совершения повторного ООД с вероятностью 64,8%.

Второе правило решений охватывает в два раза большее количество пациентов и подчеркивает роль сочетания относительной сбалансированности побудительной и тормозной функций волевых процессов со злоупотреблением ПАВ при недостаточном терапевтическом альянсе. Это правило позволяет прогнозировать риск совершения повторного ООД с вероятностью 33,6%.

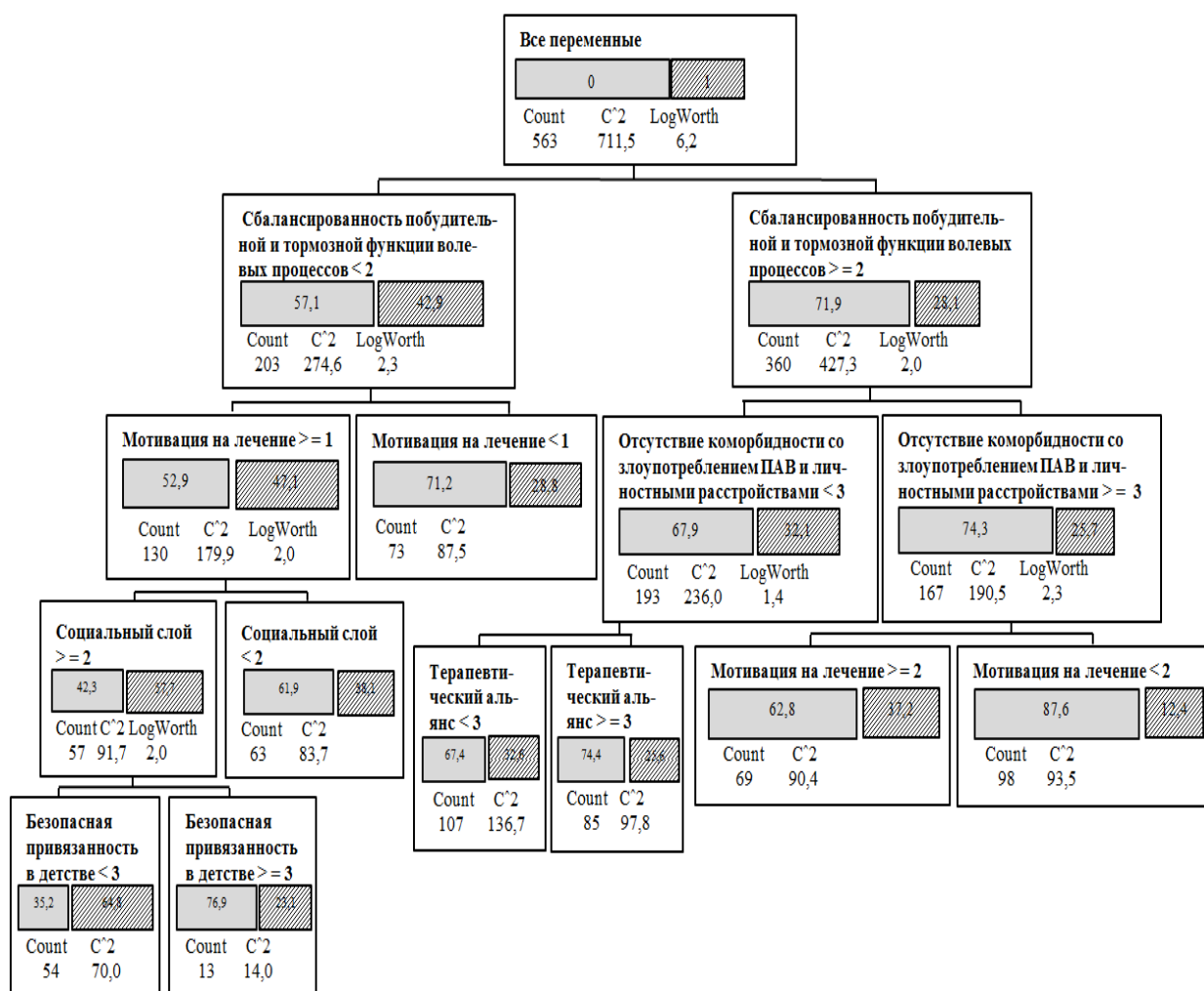

Рис. 5. Дерево решений для прогноза вероятности совершения повторного ООД в группе мужчин (по защитным факторам)

ROC-кривые моделей прогнозирования повторных ООД с учетом защитных факторов показывают, что модель для выборки психически больных женщин обладает достаточно высокой прогнозной ценностью (0,86). Что нельзя сказать в отношении модели для лиц мужского пола, прогнозная ценность которой составляет 0,69 (рис. 6).

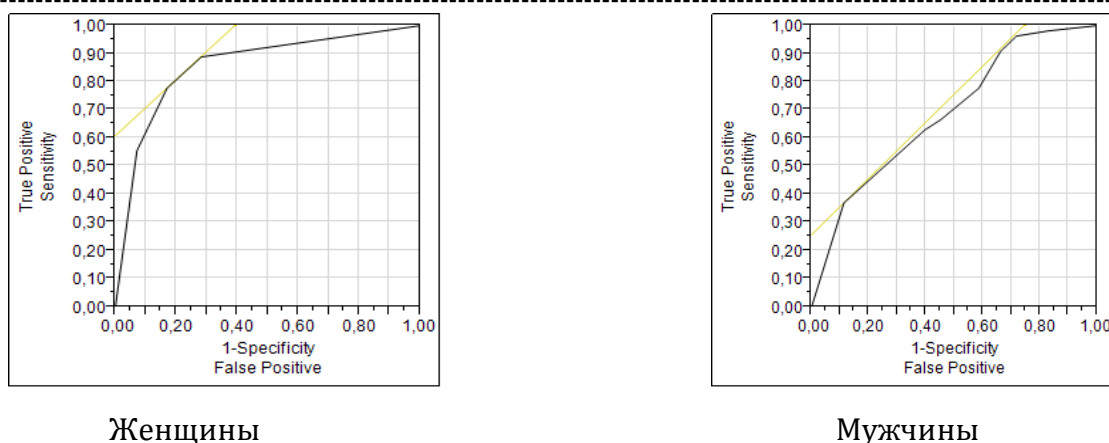

Рис. 6. ROC-кривые моделей прогнозирования повторных ООД с учетом защитных факторов

Показатель чувствительности, отражающий процент верно идентифицированных случаев повышенного риска совершения повторных ООД, выше для женщин (77,84%), чем для мужчин (63%). Показатель специфичности (число верно идентифицированных случаев с умеренным и низким риском) высок в группе женщин (83,1%) и удовлетворителен в группе мужчин (60,4%).

Заклучение

Универсальными защитными факторами в обобщенной выборке лиц с тяжелыми психическими расстройствами являются развитость социальных и коммуникативных навыков, а также демонстрация более высокой мотивации на лечение.

Использование методики оценки защитных факторов на этапе принудительного лечения показало различия в их представленности в зависимости от гендерной принадлежности пациентов. У женщин в связи с некритичностью наименее был представлен такой защитный фактор, как «количество субъективно осознаваемых проявлений дефекта», отмечалась выраженность отрицательного смещения атрибуций. В группе мужчин среди защитных факторов наименее представлены «позитивное отношение к фармакотерапии» и «устойчивый терапевтический альянс», а также «сбалансированность между побудительной и тормозной функциями волевых процессов».

Анализ взаимосвязи между присутствием защитных факторов и интервалом рецидивности (период времени между отменой ПЛ и совершением повторного ООД) показал, что с более длительным периодом социальной адаптации ассоциируются мотивация на лечение и развитые социальные и коммуникативные навыки в группе женщин, в группе мужчин – отсутствие проблем, связанных со злоупотреблением ПАВ и терпимое отношение к судебным и административным предписаниям.

Построение «деревьев классификации» при помощи метода математического моделирования с использованием факторов риска насилия и защитных факторов показало, что модели для психически больных женщин обладают более высокой прогнозной ценностью ($\geq 0,85$), нежели модели для мужчин.

При оценке риска совершения повторных ООД, свидетельствующих о недостаточной эффективности реабилитационных мероприятий, «дерево решений» с включением в анализ защитных факторов для прогноза вероятности свершения повторного ООД в группе мужчин содержит иные, чем в модели для женщин, факторы. Правило решений для субпопуляции

женщин подчеркивает значимость сочетания развитых социальных и коммуникативных навыков с зависимостью от ПАВ. Оно выдвигает на первый план фактор «отсутствие безопасной привязанности в детстве», отражающий несформированность просоциальной ролевой модели и эмпатии. При этом значимый вклад в модель имеют факторы «развитость социальных и коммуникативных навыков» и «отсутствие коморбидности основного психического расстройства с зависимостью от ПАВ».

Для мужчин правила решений выдвигают на первый план дисбаланс побудительной и тормозной функций волевых процессов мотивации на лечение и недостаточный терапевтический альянс.

Литература

1. Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... докт. психол. наук. М., 2015. 346 с.
2. Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А., Макушкина О.А., Кабанова Т.Н. и др. Факторы, сдерживающие риск насилия. Субъективные оценки и реабилитационный потенциал: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦ ССП имени В.П. Сербского» Минздрава РФ. 2014. 22 с.
3. Винникова И.Н. Меры медицинской профилактики общественно опасных действий больных шизофренией (терапевтические, реабилитационные и фармако-экономические аспекты принудительного лечения): автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2009. 33 с.
4. Дмитриев А.С., Морозова М.В., Савина О.Ф. Актуальные социально-психологические аспекты осуществления принудительного лечения в стационаре общего типа // *Российский психиатрический журнал*. 2007. № 2. С. 4–9.
5. Казаковцев Б.А., Макушкина О.А., Булыгина В.Г. Полипрофессиональная бригада в практике принудительного лечения // *Судебная психиатрия. Актуальные проблемы* / под ред. профессора В.В. Вандыша. Вып. 10. – М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В. П. Сербского» Минздравсоцразвития России. – 2013. – С. 62–74.
6. Кекелидзе З.И., Казаковцев Б.А. Развитие служб психического здоровья: руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 672 с.
7. Макушкина О.А., Голланд В.Б., Яхимович Л.А. Значение мер медицинского характера в системе профилактики общественно опасных действий психически больных // *Российский психиатрический журнал*. 2013. № 4. С. 20–26.
8. Макушкина О.А., Котов В.П., Мальцева М.М. и др. Система профилактики общественной опасности психически больных в России в 2006–2013 гг. (динамика показателей и анализ эффективности): аналитический обзор. М: ФГБУ «ФМИПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ, 2015. 192 с.
9. Blum R.W., Ireland M. Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 493–500.
10. Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S. Transition into adolescent problem drinking: The role of psychosocial risk and protective factors // *Journal of Studies on Alcohol*. 1999. Vol.

60. P. 480–490.

11. *Hawkins J.D., Catalano R. F., Miller J. Y.* Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // *Psychological Bulletin*. 1992. Vol. 112. P. 64–105.
12. *Otto R.K., Douglas K.S.* Handbook of violence risk assessment. New York: Taylor and Francis Group. 2010. P. 147–185.
13. *Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I.* Youth violence perpetration: What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health // *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 424–434.
14. *Webster C.D., Martin M.L., Brink J.* Manual for the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.0 Consultation Edition). Port Coquitlam, BC: Forensic Psychiatric Services Commission and St. Joseph's Healthcare. 2004.

The relationship between violence risk factors and protective factors among mentally ill offenders

Bulygina V.G., PhD in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychological problems of forensic psychiatry prevention Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (ver210@yandex.ru)

Dubinsky A.A., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Tokareva G.M., medical psychologist-court expert, State Budgetary Institution of health care of the Moscow region "Central clinical psychiatric hospital" (galatgala@gmail.com)

Lysenko N.E., medical psychologist, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (nlisenko@yandex.ru)

The results of research of the relationship between violence risk factors for and protective factors among psychiatric patients with a criminal history are presented. There were interviewed 563 men and 200 women undergoing compulsory treatment. The methodology of the assessment of protective factors (Bulygina V.G. et al.), "The historical clinical risk" (HCR-20, Webster), which was supplemented with a clinical-psychopathological criteria used in the Russian practice, were applied. It has been used the method of classification tree and ROC analysis. Target variables for the mathematical analysis were: gender, frequency of reoffending, interval of criminal recidivism. It was discovered that the universal protective factors in a general sample of persons with severe mental disorders are development of social and communication skills as well as higher motivation for treatment. There were highlighted gender specific protective factors. It is revealed that with a longer period of social adaptation associated the motivation for treatment and developed social and communication skills in female sample, in male – absence of problems connected with substance abuse and tolerant attitude to judicial and administrative regulations. Model of risk of the criminal recidivism among mentally ill women have higher predictive value than models for men.

Keywords: the risk factors of violence, protective factors, socially dangerous acts, compulsory treatment of mentally sick with the criminal anamnesis.

References

1. Bulygina V.G. Psihologicheskaja koncepcija profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij lic s tjazhelymi psihicheskimi rasstrojstvami: Dis. ... dokt. psihol. nauk [Psychological conception of prevention of socially dangerous acts persons with severe mental illnesses]. Moscow, 2015. 396 p.
2. Bulygina V.G., Kazakovcev B.A., Makushkina O.A., Kabanova T.N. i dr. Faktory, sderzhivajushhie risk nasilija. Sub#ektivnye ocenki i reabilitacionnyj potencial [Factors, which protect violence risk. Subjective evaluations and rehabilitation positional]. Metodicheskie rekomendacii. – Moscow: FGBU «GNC SSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava RF, 2014. 22 p.
3. Vinnikova I.N. Mery medicinskoj profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij bol'nyh shizofrenij (terapevticheskie, reabilitacionnye i farmako-jekonomicheskie aspekty prinuditel'nogo lechenija) [Measures of medical prevention of socially dangerous acts of schizophrenics (therapy, rehabilitation and pharmacy-economic aspects of compulsory treatment): Avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. Moscow, 2009. 33 p.
4. Dmitriev A.S., Morozova M.V., Savina O.F. Aktual'nye social'no-psihologicheskie aspekty osushhestvlenija prinuditel'nogo lechenija v stacionare obshhego tipa [Actual social-psychological aspects of managing compulsory treatment in the hospital with low level of security]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*, 2007. № 2. pp. 4-9.
5. Kazakovcev B.A., Makushkina O.A., Bulygina V.G. Poliprofessional'naja brigada v praktike prinuditel'nogo lechenija [Multidisciplinary team in the practice of compulsory treatment]. *Sudebnaja psihiatrija. Aktual'nye problemy. Pod red. Professora V.V. Vandysha. Vyp. 10.* Moscow: FGBU «GNC SSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava RF, 2013. pp. 62-74.
6. Kekelidze Z.I., Kazakovcev B.A. Razvitie sluzhb psihicheskogo zdorov'ja [Development of the mental health services]. *Rukovodstvo dlja vrachej.* Moscow: GJeOTAR-Media, 2009. 672 p.
7. Makushkina O.A., Golland V.B., Jahimovich L.A. Znachenie mer medicinskogo harak-tera v sisteme profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh [The role of medical measures in the system of the prevention of social dangerous acts of mentally ill]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*. 2013. № 4. pp. 20-26.
8. Makushkina O.A., Kotov V.P., Mal'ceva M.M. i dr. Sistema profilaktiki obshhe-stvennoj opasnosti psihicheski bol'nyh v Rossii v 2006-2013 g.g. [The system of prevention social dangerousness of mentally ill in Russia during 2006-2013]. (dinamika pokazatelej i analiz jeffektivnosti): *Analiticheskij obzor.* Moscow: FGBU «FMIPN im. V.P. Serbskogo» MZ RF. 2015. 192 p.
9. Blum R.W., Ireland M. Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey. *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 493-500.

10. Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S. Transition into adolescent problem drinking: The role of psychosocial risk and protective factors. *Journal of Studies on Alcohol*. 1999. V. 60. P. 480-490.
11. Hawkins J.D., Catalano R. F., Miller J. Y. Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention. *Psychological Bulletin*. 1992. V.112. P. 64-105.
12. Otto R.K., Douglas K.S. *Handbook of violence risk assessment*. New York: Taylor and Francis Group. 2010. P. 147–185.
13. Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I. Youth violence perpetration: What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. *Journal of Adolescent Health*. 2004. V. 35. P. 424-434.
14. Webster C.D., Martin M.L., Brink . *Manual for the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.0 Consultation Edition)*. – Port Coquitlam, BC: Forensic Psychiatric Services Commission and St. Joseph’s Healthcare. 2004.

Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Юшина Н.Н., студент факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (natalia-dan@mail.ru)

Макарова Т.Е., младший научный сотрудник лаборатории судебной сексологии федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения РФ (makarovatoma@mail.ru)

В статье рассматриваются экспертно-диагностические аспекты «эго-синтонного/эго-дистонного» характера отношения к сексуальному влечению, раскрывается актуальность изучения формы влечения в контексте половых преступлений против несовершеннолетних. Представлены материалы эмпирического исследования, целью которого являлось изучение особенностей восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению. Данное исследование проводилось на основе предоставленных материалов из лаборатории судебной сексологии «ФГБУ ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения РФ. Выборку составили 30 мужчин с расстройством сексуального влечения в форме педофилии. Приводятся результаты анализа исследований, которые показывают различия в восприятии объекта сексуального предпочтения при определенном варианте отношения к влечению. Полученные результаты свидетельствуют о том, что различным типам отношения к сексуальному влечению соответствуют определенные особенности восприятия объекта сексуального предпочтения. Выявленные закономерности могут быть использованы при составлении проспективного портрета преступника, при решении экспертных вопросов, при разработке коррекционных и профилактических программ в отношении пациентов с диагнозом педофилии.

Ключевые слова: педофилия, эго-синтонный/эго-дистонный характер отношения к

сексуальному влечению, аномальное сексуальное поведение, объект сексуального предпочтения, особенности восприятия.

Для цитаты:

Дворянчиков Н.В., Юшина Н.Н., Макарова Т.Е. Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2016(6). № 1. С. 120-131.
doi: 10.17759/psylaw.2016060110

For citation:

Dvoryanchikov N.V., Yushina N.N., Makarova T.E. Perception features of the sexual preference object in persons with pedophilia depending on the attitude to sexual desire. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016(6), no. 1. pp.120-131.
doi: 10.17759/psylaw.2016060110

Актуальность проблемы восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению обусловлена как практической, так и научной значимостью. Она позволяет подойти к определению проблемы культурно-специфического понятия нормы сексуального поведения в контексте различных типов сексуальных культур. Например, в некоторых культурах ранние сексуальные контакты могут встречать одобрение. Так, в некоторых штатах Мексики возможность вступления в сексуальный контакт определяется достижением или не достижением половой зрелости лица (12–13 лет), не учитывая при этом достижения возраста согласия. Что интересно, в Йемене внебрачный секс запрещен, однако возрастом согласия было установлено «наступление зрелости», что, по их мнению, проявляется к девяти годам. Как в Катаре, так и в Саудовской Аравии внебрачный секс также наказуем, но законы не устанавливают минимального брачного возраста [10; 16]. В итоге то, что считается в одной сексуальной культуре девиацией, в другой будет являться нормой.

Сексуальных девиаций довольно много, как и подходов к их классификации. Наиболее широко во врачебной практике используется международная классификация болезней (МКБ-10), в которой приведен список всех сексуальных расстройств вне зависимости от причин и механизмов их возникновения.

Систематика же парафилий в МКБ-10 выглядит следующим образом:

F65. Расстройства сексуального предпочтения (парафилии), где общими диагностическими критериями парафилий являются следующие.

1. Индивидууму свойственны периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы или поступки.

2. Индивидуум или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс из-за них.

3. Это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев.

В категории «Расстройства сексуального предпочтения» приведен список парафилий: фетишизм; фетишистский трансвестизм; эксгибиционизм; вуайеризм; педофилия;

садомазохизм; множественные расстройства сексуального предпочтения; другие расстройства сексуального предпочтения; расстройство сексуального предпочтения, неуточненное [13].

Педофилия является одним из самых распространенных вариантов сексуального отклонения, отличающееся высокой вероятностью рецидивов. В связи с этим важно вести профилактическую работу как с лицами, склонными к совершению такого рода преступлений, так и с подвергшимся насилию детьми.

При совершении половых преступлений в отношении детей для педофилов сексуально привлекательным является сам образ ребенка, независимо от его реального возраста. Особый интерес для нас представляет то, как именно воспринимают ребенка лица с педофилией.

Так, в рамках судебно-психиатрической экспертизы, отношение к сексуальному влечению не только имеет значение для постановки психиатрического диагноза, но и может являться необходимой предпосылкой для решения вопроса о вменяемости или невменяемости подэкспертного лица, его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. По некоторым сведениям, (Ткаченко А.А., Ушакова И.М.), степень произвольности данного поведения зависит от форм отношения к собственному сексуальному влечению. Данные авторы указывают, что среди лиц с эго-синтонией соотношение вменяемости/невменяемости насчитывало 55% к 44%, в то время как в группе с эго-дистонным характером влечения, значения достигали 33% к 66%. Приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что противоправное поведение у лиц с эго-синтонным характером отношения к влечению было целенаправленным, продуманным и подготовленным, поскольку сексуальные побуждения были тесно спаяны с личностью и являлись как бы ее основным постоянно присутствующим свойством и не воспринимались субъектом как чуждые [14].

С другой стороны, эго-дистоническое отношение к своему сексуальному влечению у лиц с педофилией предполагает наличие к нему критики, которая будет позволять бороться с ним; предполагается, что человек подсознательно будет стараться заместить его на более удовлетворяющее поведение. В то время как при эго-синтоническом отношении, влечение целиком сливается с личностью, встраивается в мировоззрение и приобретает сверхценный характер, благодаря чему, нарушается волевой критерий, исключающий возможность прогнозировать, контролировать собственное поведение.

А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенский указывают, что в основе формирования эго-синтонического отношения к влечению лежат три механизма.

1. Полное принятие отклоняющихся побуждений в пубертатном периоде.
2. Неспособность действовать согласно социальным нормам, соответствие которым, возможно лишь на уровне формальных, внешних признаков.
3. Этап развития парафилии, для которого характерен уход от реальности, фиксация на определенной эмоции, наличие иллюзии контроля над своими аддиктивными действиями [19, с. 32].

Таким образом, при эго-синтонном отношении к собственному сексуальному влечению происходит перестройка иерархии мотивов, ведущим мотивом становится удовлетворение аномальной потребности. Образ идеального сексуального партнера становится приближен к реальному в виду того, что сексуально привлекательный образ

недостаточно дифференцирован. В то время как наличие борьбы мотивов, которая присуща людям с эго-дистонным отношением к собственному влечению, позволяет предположить, что восприятие образов идеального и реального партнеров будет приближено к представлениям о них в нормативной выборке, представленной Н.В. Дворянчиковым (1998) [4, с. 85]. А также позволяет говорить о дифференциации образов за счет стереотипных представлениях о социальной половой роли [3].

Кроме того, наличие соответствующей информации о форме отношения к влечению у лиц с диагнозом педофилии позволит правильно и эффективно работать с ними в рамках психотерапии.

Цель исследования: описать особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению.

Предмет исследования: зависимость восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией от их отношения к сексуальному влечению.

Объект: лица с расстройством сексуального влечения в форме педофилии.

Гипотезы.

- Подэкспертные с эго-дистонным отношением к собственному сексуальному влечению лучше дифференцируют мужской и женский образы.
- При эго-синтонном отношении к собственному сексуальному влечению присутствует близость образов реального и идеального сексуального партнера, при эго-дистонном данной взаимосвязи не наблюдается.
- При гетеросексуальной педофилии подэкспертные наделяют идеального и реального сексуальных партнеров более фемининными характеристиками, чем при гомосексуальной педофилии.

Исследование проводилось на основе предоставленных материалов из лаборатории судебной сексологии учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации: данных НЭПИ и комплексной стационарной судебной сексолого-психиатрической экспертизы. Выборку составили 30 мужчин в возрасте от 19 до 62 лет с расстройством сексуального влечения в форме педофилии.

При обработке предоставленного материала было обнаружено наличие психического расстройства в форме шизофрении у трех подэкспертных. В связи с тем, что это заболевание подразумевает наличие резонерства и разноплановости суждений, данные испытуемые не были включены в нашу выборку для получения наиболее объективных результатов.

Подэкспертные были разделены на группы в зависимости от отношения к сексуальному влечению. Первую группу составили 19 человек с эго-синтонным отношением к сексуальному влечению, вторую – 8 человек с эго-дистонным отношением к влечению.

Также было произведено деление на две группы: гетеросексуальных педофилов – 15 мужчин, и гомосексуальных педофилов – 12 мужчин.

Говоря об условиях воспитания подэкспертных, следует отметить, что 18 человек воспитывались в полной семье, 4 – без отца, и 5 человек воспитывались другими родственниками.

Большинство мужчин, которые воспитывались в полной семье, описывали мать с положительной стороны, либо же использовали нейтральные слова, для того чтобы охарактеризовать ее, отца же описывали либо отрицательно, либо нейтрально, указывая на то, что подвергались насилию в детстве с его стороны. Те подэкспертные, которые воспитывались без отца или другими родственниками, описывали мать (или же женщину, которая их воспитывала) как властную женщину, при этом чаще всего испытывая с ней эмоциональную близость.

На момент совершения преступления большинство подэкспертных могли осознавать опасность своих действий и руководить ими.

Для статистического анализа данных были использованы такие методы, как критерий Фишера, коэффициент Спирмена и критерий Манна-Уитни. Статистическая обработка производилась с помощью компьютерной программы SPSS. Результат оценивался по уровню значимости $p \leq 0,05$.

Анализ полученных данных показал, что в данной выборке преобладают лица с эго-синтонным отношением к сексуальному влечению – 70,4 %, из которых подэкспертные с диагнозом гомосексуальной педофилии составили 33,4%, с гетеросексуальной направленностью – 18,5%.

Подэкспертные были разделены на две группы в зависимости от отношения к сексуальному влечению, с целью проверки гипотезы относительно различий в дифференциации образов мужчины и женщины.

Дифференциация предполагает, что подэкспертный может охарактеризовать, например, женщину, приписав ей фемининные, маскулинные или андрогинные качества. Так, один из подэкспертных описывая женский образ, использует такие слова: «грациозная», «независимая», «заботливая», «честолюбивая». Другой же, говоря о мужском образе, характеризует мужчину как «большого», «могучего», «смелого», «крепкого».

Слабая дифференциация женского образа выявляется лишь у четырех подэкспертных с эго-синтонным отношением к влечению, которые при описании женщины давали преимущественно нейтральные характеристики: «ласковая и красивая как береза», «хитрая как лисичка», «как конус, все как с гуся вода; постоянно летишь с нее, нет площадки, чтобы стоять» или же сравнивали женщин с камнем, потому что «твердые и холодные»; со скрипкой, потому что «зачастую действуют на нервы», что свидетельствует о нейтральном отношении к женскому образу, а также некоторой его деперсонификации, по сути, лишение каких-либо качеств, как фемининных, так и маскулинных.

Наряду с этим большинство подэкспертных с эго-дистонным отношением к своему сексуальному влечению независимо от сексуальной ориентации дифференцируют мужские и женские образы (8 человек). Так, у лиц с эго-дистонным отношением к собственному влечению показатель феминности в образе мужчины ниже, чем в группе с эго-синтонией, так как полученное значение по критерию Манна-Уитни ниже критического значения (при $p=0,05$). Однако по показателю маскулинности в образе мужчины, группы являются однородными.

При проведении корреляционного исследования между признаками, отражающими выраженность фемининной составляющей в образах «идеального сексуального партнера» и «реального сексуального партнера», при помощи критерия Спирмена, только в группе мужчин с эго-синтонным отношением к собственному сексуальному влечению выявляется положительная корреляционная зависимость на уровне $p=0,05$. То есть, при увеличении

показателя феминности у идеального партнера, увеличивается показатель феминности у реального.

Напротив, у лиц с эго-дистонным характером отношения к влечению присутствует взаимосвязь между выраженностью феминности в образе «реального сексуального партнера» и маскулинности «идеального сексуального партнер», а также между параметрами феминности собственного образа «Я» и «идеального сексуального партнера».

При анализе данных было обнаружено, что у некоторых подэкспертных (19 человек) имела место близость образов реального и идеального сексуальных партнеров. Однако, так как $\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,223$, то полученное эмпирическое значение $\varphi^*_{\text{эмп}}$ находится в зоне незначимости. Таким образом, обе группы по данному признаку являются однородными, так как полученное значение по критерию Фишера выше критического значения при $p=0,05$. Кроме того, полученные значения по критерию Манна–Уитни выше критического значения при $p=0,05$, это свидетельствует о том, что обе группы по данным признакам однородны.

При рассмотрении групп относительно сексуальной ориентации, у лиц с гетеросексуальной педофилией, показатель выраженности маскулинной составляющей в образе реального партнера оказывается ниже, чем в группе людей с гомосексуальной педофилией, так как полученное значение, по критерию Манна–Уитни, ниже критического значения при $p=0,05$. По остальным же признакам группы однородны.

Полученные результаты позволяют говорить о различиях в восприятии объекта сексуального предпочтения при эго-синтонном и эго-дистонном отношениях к собственному влечению.

Так, при эго-дистонном отношении к собственному влечению подэкспертные сильнее дифференцируют образы мужчины и женщины, чем при эго-синтонном. Это может быть связано с тем, что при эго-дистонном отношении к влечению сохраняется критическая оценка собственного поведения, которое подэкспертный старается контролировать. Поэтому при характеристике образов он описывает их при помощи эталонных, социально желаемых качеств, присущих тому или иному полу.

Наличие положительной корреляционной взаимосвязи между выраженностью феминности в образах «Я» и «идеального сексуального партнера» позволяет предположить, что при эго-дистонном отношении к собственному сексуальному влечению педофилы, наделяющие себя в большей степени феминными качествами, идентифицируют себя с феминным объектом, совпадающим с их представлениями о ребенке. Такой объект сексуального предпочтения является для них наиболее комфортным.

Говоря об образах идеального и реального сексуальных партнеров, следует отметить, что в случае эго-дистонного отношения к собственному влечению, чем более маскулинным является образ идеального сексуального партнера, тем более феминным становится образ реального партнера. При эго-синтонном отношении увеличение феминности образа идеального партнера ведет к увеличению данного показателя у реального партнера. Это может быть связано с тем, что при эго-дистонном отношении к влечению образ сексуального партнера является более конфликтными. В пользу данного утверждения говорит тот факт, что отсутствует взаимосвязь между показателями феминности в образе идеального партнера и показателем феминности в образе реального партнера, а также показателями маскулинности соответственно. При этом говорить о том, что отношение к

сексуальному влечению влияет на то, насколько близко находятся образы идеального и реального сексуальных партнеров, не представляется возможным.

Так как при анализе мужчин с эго-синтонным отношением к собственному влечению была обнаружена только одна корреляционная зависимость. Можно предположить, что это связано с более эмоционально холодным отношением к объекту сексуального предпочтения, так как для них важнее само удовлетворение их аномальной потребности.

При анализе видов сексуальной ориентации педофилии, было замечено, что у лиц с гомосексуальной направленностью влечения реальный сексуальный объект обладает более маскулинными чертами, чем при гетеросексуальной. Возможно, данный факт связан с самой ориентацией, т. е. гомосексуальных педофилов подсознательно привлекают не только мальчики, но и в целом лица мужского пола, и, соответственно, они наделяют их более маскулинными чертами.

В рамках данной работы мы рассматривали педофилию, как сексуальную девиацию. Важно отметить, что для педофила сексуально привлекательным является образ ребенка, при этом его возраст не играет решающей роли. В связи с этим исследование было направлено на установление возможных различий в восприятии объектов сексуального предпочтения при эго-синтонном и эго-дистонном отношении к влечению.

Так, при эго-синтонном отношении к влечению все подчинено удовлетворению аномальной потребности человека, и образ партнера отходит на второй план. При эго-дистонном отношении критика своего поведения остается сохранна, происходит борьба мотивов, в силу чего образ партнера носит более конфликтный характер.

В рамках работы нашла подтверждение только одна гипотеза. Было установлено, что при эго-дистонном отношении к влечению люди способны дифференцировать образы мужчины и женщины. Две другие гипотезы при проведении исследования не нашли своего полного подтверждения. Представленная выборка не дает возможности утверждать, что при эго-синтонном отношении к собственному сексуальному влечению присутствует близость образов реального сексуального партнера и идеального. Было установлено, что по данному показателю группы являются однородными.

Также не нашлось оснований для подтверждения того, что при гетеросексуальной педофилии подэкспертные наделяют идеального и реального сексуальных партнеров более феминными характеристиками, чем при гомосексуальной педофилии. Однако следует отметить, что показатель маскулинности при гомосексуальной педофилии в образе реального партнера ниже, чем при гомосексуальной педофилии. Возможно, данные вопросы требуют дополнительного изучения.

Результаты исследования позволяют утверждать, что для педофилов при эго-дистонном отношении к собственному влечению образ партнера представляется наиболее конфликтным. Испытуемые с педофилией, оценивающие себя как более феминных, тем же характеристикам отдают предпочтения и при описании образа ребенка. В случае эго-синтонного отношения к собственному влечению, показатель феминности выступает связующим звеном между идеальным и реальным сексуальными партнерами.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что различным типам отношения к сексуальному влечению соответствуют определенные особенности восприятия объекта сексуального предпочтения. Выявленные закономерности могут быть использованы при составлении проспективного портрета преступника, при решении экспертных вопросов, при

разработке коррекционных и профилактических программ в отношении пациентов с педофилией.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович К.В.* Криминальная сексология / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Спарк, 1999. 464 с.
2. *Васильченко Г.С., Азаркова Т.Е., Азарков С.Т.* Сексопатология: справочник. М.: Медицина, 1990. 576 с.
3. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики. М.: Флинта: Наука, 2011. 216 с.
4. *Дерягин Г.Б.* Криминальная сексология: учеб. пособие для студ. вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 399 с.
5. *Имелинский К.* Сексология и сексопатология / Пер. с польск. А.В. Бруенка; под ред. проф. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1986. 424 с.
6. *Кащенко Е.А.* Основы социокультурной сексологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 252 с.
7. *Кон И.С.* Вкус Запретного плода: Сексология для всех. М.: Семья и школа, 1997. 464 с.
8. Конституционное право зарубежных стран / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 30–73.
9. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе: пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 480 с.
10. *Мартель Б.* Сексуальность, любовь и Гештальт. СПб.: Речь, 2006. 192 с.
11. *Николаева Т.Н., Смирнова Л.К., Ушакова И.М.* Некоторые клинико-биохимические корреляции функциональной активности гипоталамо-гипофизарно-гонадной системы у лиц с синдромом сексуальных перверсий в форме педофилии // Проблема расстройств влечений в судебно-психиатрической практике: сб. научных трудов. М.: Изд-во ВНИИ ОиСП имени В.П. Сербского, 1991. С. 24-29.
12. *Обухова, Л.Ф.* Возрастная психология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 460 с.
13. Правовые системы стран мира: энцикл. справ / Ф.М. Решетников и др.; отв. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2001.
14. *Старович З.* Секс в культурах мира. М.: Мысль, 1991. 255 с.
15. *Старович З.* Судебная сексология: пер. с польск. М.: Юридическая литература, 1991. 336 с.
16. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е.* Аномальное сексуальное поведение. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 657 с.
17. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности / Пер. с нем. А. Вяхирева, И. Полякова. СПб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2012. 256 с.

Дворянчиков Н.В., Юшина Н.Н., Макарова Т.Е. Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению. *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №1. С. 120-131.

Dvoryanchikov N.V., Yushina N.N., Makarova T.E. Perception features of the sexual preference object in persons with pedophilia depending on the attitude to sexual desire. *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.1. pp. 120-131.

18. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2010. 607 с.
19. *Дворянчиков Н.В.* Психологическое исследование в сексологической экспертизе обвиняемых по сексуальным правонарушениям [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. №2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53470.shtml (дата обращения: 27.03.2015).
20. *Колоколов А.В.* Связь когнитивных искажений с личностными особенностями у лиц с педофилией [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50334.shtml> (дата обращения: 13.03.2015).
21. МКБ-10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. [Электронный ресурс] URL: <http://mkb-10.com> (дата обращения: 15.02.2015).
22. *Языков С.А.* Психологические факторы развития педофилии [Электронный ресурс] // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. URL: http://psyjournals.ru/icjp_2011/issue/41819.shtml (дата обращения: 20.02.2015).
23. *Camilleri V.A., Quinsey V.L.* Pedophilia: Assessment and Treatment // *Sexual Deviance / D.R. Laws, W. O'Donohue – second edition.* – The Guilford Press, 2008. P. 199–201.
24. *Hall R.* A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues. – 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abusewatch.net/pedophiles>. (дата обращения: 18.02.2015).
25. *Zarembo A.* Many researchers taking a different view of pedophilia // *Los Angeles Times.* – 2013. – 14 января [Электронный ресурс]. URL: <http://articles.latimes.com/2013/jan/14/local/la-me-pedophiles-20130115> (дата обращения: 27.02.2015).

Perception features of the sexual preference object in persons with pedophilia depending on the attitude to sexual desire

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Yushina N.N., student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (natalia-dan@mail.ru)

Makarova T.E., Junior Research Associate, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation (makarovatoma@mail.ru)

The article examines expert and diagnostic aspects of "ego-sintonic / ego-dystonic" types of attitudes to sexual desire and describes importance of studying the basis of desire in the context of sexual offenses against minors. We present results of empirical research which aims to study perception features of the sexual preference object in persons with pedophilia depending on the attitude to sexual desire. The study based on data provided by laboratory of forensic sexology, V.P. Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation. The sample consisted of 30 men with such sexual desire disorder as pedophilia. The results analysis showing differences in the perception of the object of sexual desire according to different attitude to the desire. The results indicate that different types of attitudes to sexual desire correspond to certain characteristics of the perception object. Identified patterns can be used in the creating the criminal prospective portrait, dealing with expert issues, developing correction and preventive programs for patients with a diagnosis of pedophilia.

Keywords: pedophilia, ego-syntonic / ego-dystonic form of attitude to sexual desire, abnormal sexual behavior, object of sexual preference, perception features.

References

1. Antonyan Yu.M., Tkachenko A.A., Shostakovich K.V. *Kriminal'naya seksologiya [Forensic sexology]*. In Antonyana Yu.M. (ed). Moscow: Spark, 1999. 464 p.
2. Vasil'chenko G.S., Agarkova T.E., Agarkov S.T. *Seksopatologiya: spravochnik [Sexual pathology]*. Moscow: Meditsina, 1990. 576 p.
3. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. *Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki [Sexual identity and methods of diagnosis]*. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 216 p.

4. Deryagin G.B. Kriminal'naya seksologiya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Forensic sexology : textbook for university students]. Moscow: YuNITI-DANA: zakon i pravo, 2011. 399 p.
5. Imelinskii K. Seksologiya i seksopatologiya: per. s pol'sk. A.V. Bruenka. [Sexology and sexual pathology]. In G.S. Vasil'chenko (ed). Moscow: Meditsina, 1986. 424 p. (In Russ.).
6. Kashchenko E.A. Osnovy sotsiokul'turnoi seksologii [Basics of sociocultural sexology]. 2-e izd. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom», 2011. 252 p.
7. Kon I.S. Vkus Zapretnogo ploda: Seksologiya dlya vsekh [The taste of the forbidden fruit : for all Sexology]. Moscow: Sem'ya i shkola, 1997. 464 p.
8. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran [Constitutional law of foreign countries] In M. V. Baglaya (eds). Moscow: Norma, 2004, pp. 50-73.
9. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse: per. s angl. [Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2001. 480 p. (In Russ).
10. Martel' B. Seksual'nost', lyubov' i Geshtal't [Sexuality, love and Gestalt]. Saint-Petersburg: Rech', 2006. 192 p.
11. Nikolaeva T.N., Smirnova L.K., Ushakova I.M. Nekotorye kliniko-biokhimicheskie korrelyatsii funktsional'noi aktivnosti gipotalamo-gipofizarno-gonadnoi sistemy u lits s sindromom seksual'nykh perversii v forme pedofilii [Some clinical and biochemical correlations of functional activity of the hypothalamic-pituitary - gonadal axis in patients with the syndrome of sexual perversion in the form of pedophilia]. Problema rasstroistv vlechenii v sudebno-psikhiatricheskoi praktike. Sbornik nauchnykh trudov [The problem drives disorders in forensic psychiatric practice . Collection of scientific papers]. Moscow: VNII OiSP im. V.P. Serbskogo, 1991, pp. 24-29.
12. Obukhova, L.F. Vozrastnaya psikhologiya: uchebnik dlya bakalavrov [Psychology: a textbook for undergraduate]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2013. 460 p.
13. Reshetnikov F.M. Pravovye sistemy stran mira: entsikl. sprav [The legal systems of the countries of the world: Encyc . ref]. In A. Ya. Sukharev. 2-e izd. Moscow: Norma, 2001, pp. 141-167.
14. Starovich Z. Seks v kul'turakh mira [Sex and the cultures of the world]. Moscow: Mysl', 1991. 255 p.
15. Starovich Z. Sudebnaya seksologiya: per. s pol'sk. [Forensic sexology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1991. 336 p.
16. Tkachenko A. A., Vvedenskii G. E. Anomal'noe seksual'noe povedenie [Abnormal sexual behavior]. Saint-Petersburg: «Yuridicheskii tsentr press», 2003. 657 p.

17. Freid Z. *Oчерки po psikhologii seksual'nosti: per. s nem.* [Essays on the psychology of sexuality]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-attikus, 2012. 256 p.
18. Kh'ell L., Zigler D. *Teorii lichnosti* [Theories of personality]. Saint-Petersburg: Piter, 2010. 607 p.
19. Dvoryanchikov N.V. *Psikhologicheskoe issledovanie v seksologicheskoi ekspertize obvinyaemykh po seksual'nym pravonarusheniyam* [Elektronnyi resurs] [Psychological research into the sexual examination of the accused in sexual offenses]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2012, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53470.shtml (Accessed 27.03.2015).
20. Kolokolov A.V. *Svyaz' kognitivnykh iskazhenii s lichnostnymi osobennostyami u lits s pedofiliei* [Elektronnyi resurs] [Contact cognitive distortions with personal characteristics in individuals with pedophilia]. // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2012, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50334.shtml> (Accessed 13.03.2015).
21. MKB-10 - *Mezhdunarodnaya klassifikatsiya boleznei 10-go peresmotra*. [Elektronnyi resurs] [the ICD- 10 - International Classification of Diseases 10th Revision]. Available at: <http://mkb-10.com>. (Accessed 15.02.2015).
22. Yazykov S.A. *Psikhologicheskie faktory razvitiya pedofilii* [Elektronnyi resurs] [Psychological factors of development of pedophilia]. *Sbornik tezisov uchastnikov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii po yuridicheskoi psikhologii* [Abstracts of the participants interuniversity scientific -practical Internet - conference on legal psychology]. Available at: http://psyjournals.ru/icjp_2011/issue/41819.shtml. (Accessed 20.02.2015).
23. Camilleri V.A., Quinsey V.L. *Pedophilia: Assessment and Treatment // Sexual Deviance / Laws* D.R., O'Donohue W. – second edition. – The Guilford Press, 2008. – P. 199-201.
24. Hall R., *A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues*. – 2007. Available at: <http://www.abusewatch.net/pedophiles>. (Accessed: 18.02.2015).
25. Zarembo A. *Many researchers taking a different view of pedophilia* // *Los Angeles Times*. – 2013. Available at: <http://articles.latimes.com/2013/jan/14/local/la-me-pedophiles-20130115> (Accessed: 27.02.2015).

Деятельностные факторы мотивации труда прокурорских работников

Кроз М.В., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО АГП РФ) (m.kroz@mail.ru)

В статье представлены результаты трех исследований (2000–2001, 2009 и 2014 гг.) деятельностных факторов, оказывающих существенное влияние на мотивацию труда прокурорских работников. В рамках анкетного опроса респондентам (более полутора тысяч прокурорских работников различного пола, возраста, должностного положения и места службы) предлагалось завершить незаконченное предложение, указав причины привлекательности своей работы. Результаты показали, что основными деятельностными факторами, стабильно определяющими профессиональную мотивацию прокуроров (порядка 80% ответов) выступает социально ориентированный характер работы, ее направленность на укрепление законности в стране, оказание помощи людям, особенно малоимущим, социально незащищенным слоям населения, а также способность удовлетворять базовые потребности личности самого работника (в самоактуализации, творчестве, профессиональном росте и др.). Иные ответы (высокий уровень оплаты труда, престижность профессии, стабильность работы и др.) давались намного реже. Обсуждается проблема достоверности полученных данных, влияние на ответы фактора социальной желательности.

Ключевые слова: мотивация труда, профессиональная деятельность, прокурорские работники, анкетирование, метод незаконченных предложений.

Для цитаты:

Кроз М.В. Деятельностные факторы мотивации труда прокурорских работников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 132-139. doi: 10.17759/psylaw.2016060111

For citation:

Kroz M.V. Action factors of work motivation of prosecutors. [Elektronnyi resurs]. Psihologiiia i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.132-139. doi: 10.17759/psylaw.2016060111

Проблема мотивации – движущих сил человеческой активности – является одной из центральных в психологии. Среди различных классификаций мотивов и мотиваций одна из наиболее распространенных основана на выделении различных сфер жизнедеятельности

субъекта – учебной, игровой, досуговой и др. В каждой из них мотивация, побуждающая соответствующую деятельность, имеет свою специфику.

Важнейшее место в жизни взрослого человека занимает сфера трудовой деятельности. Именно в работе, в продвижении к вершинам профессионального мастерства зачастую происходит самореализация личности. Достижения любого человека в этой области в значительной мере определяются особенностями мотивации его трудовой деятельности.

Исследования мотивации труда, ее содержания, особенностей, в том числе в разных областях профессиональной деятельности и на отдельных этапах профессиональной карьеры, факторов, влияющих на мотивационные процессы, широко распространены в психологии. Их результаты имеют большое практическое значение для совершенствования системы управления в организации, стимулирования труда работников, их служебного роста и продвижения.

Мотивы профессиональной деятельности субъекта формируются и развиваются под влиянием комплекса различных факторов, как внутренних, связанных с личностью работника (таких, как его интересы, ценности, некоторые индивидуально-психологические характеристики и др.), так и внешних, например, влияния ближнего социального окружения. В одной из классификаций к числу внутренних факторов мотивации относятся возможность самореализации, творчества, самоутверждения, личностного роста, удовлетворения любопытства, потребности в общении, а к внешним – деньги, карьера, статус, признание, престиж и его атрибуты и др. [4]. Кроме того, сама профессиональная деятельность, ее особенности могут содержать специфические мотивационные факторы значительной силы, способные либо побуждать работника к производительному труду, либо, напротив, отвращать от него. Воздействие на эти факторы со стороны руководства организации составляет основу мотивирования работников.

В различных профессиях мотивация труда определяется как общими, так и специфическими факторами. Прокурорская деятельность здесь не является исключением. Учет и использование результатов изучения профессиональной мотивации прокурорских работников позволяет руководству организации оптимизировать процессы управления, выявить дополнительные резервы повышения эффективности труда.

Исследования в этой области проводились в системе органов прокуратуры России по единой методике трижды: в 2000–2001, 2009 и 2014 гг.¹ В них анализировались факторы, связанные с профессиональной деятельностью прокуроров и оказывающие влияние на их трудовую мотивацию.

В первом, наиболее масштабном исследовании было опрошено 1104 респондента из прокуратур 10 субъектов Российской Федерации различного возраста и должностного положения, в том числе 692 мужчины (63%) и 412 женщин (37%), 511 работников прокуратур областного и приравненных к нему звеньев и 593 сотрудника районных, городских прокуратур. Во втором – 274 человека, в том числе 197 мужчин (72%) и 77 женщин (28%), работники прокуратур двух субъектов Российской Федерации, а также слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации с нескольких учебных потоков. В исследовании 2014 г. приняли участие 291 человек – руководящие работники органов прокуратуры различного звена (преимущественно районные и приравненные к ним прокуроры) и их заместители, начальники и заместители начальников отделов прокуратур

¹ Результаты двух первых исследований описаны в работах [1–3].

субъектов Российской Федерации, проходившие профессиональную переподготовку или повышение квалификации на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в Санкт-Петербургском юридическом институте – филиале Академии, а также в системе повышения квалификации прокуратуры г. Москвы, 220 мужчин (76%) и 71 женщина (24%).

Методом исследования во всех случаях служил анкетный опрос, в котором помимо особенностей профессиональной мотивации изучались социально-психологическое самочувствие прокурорских работников, их удовлетворенность трудом, авторитет руководителей и многие другие социально-психологические характеристики их жизнедеятельности. Для изучения мотивационной сферы прокуроров использовался следующий методический прием. Обследованных просили самостоятельно завершить незаконченное предложение: «Мне нравится моя работа, потому что...» При этом они могли давать неограниченное число ответов. Предполагалось, что причины привлекательности работы, указанные обследованными, существенно влияют на их профессиональную мотивацию. Полученные ответы (1137 – в первом исследовании, 306 – во втором и 344 – в третьем) кодировались и обобщались на основе специально разработанных классификаторов. По большинству позиций они содержательно совпадали во всех исследованиях, что обеспечивало сравнимость полученных данных. Результаты исследований представлены в табл. 1.

Таблица 1

Характеристики работы	2014 г.	2009 г.	2000–2001 гг.
Полезна для людей (дает возможность помогать гражданам, защищать их права и интересы, восстанавливать справедливость)	22,0%	24,8%	17,8%
Полезна для общества, государства (направлена на укрепление законности и правопорядка в стране, службу Закону, Отечеству и т. д.)	15,1%	16,1%	13,9%
Удовлетворяет потребность в самореализации (приносит удовлетворение, удовольствие, нравится, позволяет в полной мере реализовать себя, я чувствую себя на своем месте, это моя работа, мое призвание и т. д.)	13,1%	10,2%	20,7%
Интересная, яркая работа (не раскрывая подробно причины интереса)	10,3%	11,3%	9,0%
Работа результативна (дает конкретный результат)	8,6%	6,2%	2,6%
Работа имеет творческий характер (требует высокого интеллекта, сообразительности, постоянного повышения квалификации, творческая, нешаблонная, нестандартная, разнообразная и т. д.)	6,5%	4,7%	6,2%
Хорошо оплачивается	5,2%	4,7%	2,4%
Высокая социальная значимость труда, нужная,	4,8%	6,6%	7,3%

полезная работа (не раскрывая более подробно, для кого полезна)			
Я ее хорошо знаю, умею делать, выполнять	4,8%	–	–
Позволяет повысить профессиональную квалификацию, знания, предоставляет возможности для профессионального роста, развития	4,1%	–	–
Нравится содержание труда (не раскрывая подробно, что именно)	3,1%	3,3%	6,6%
Я ее люблю	2,1%	–	–
Направлена на борьбу с преступностью, правонарушителями и т. д.	1,4%	1,5%	2,5%
Удовлетворяет потребность в общении (связана с взаимодействием с людьми)	0,7%	0,7%	3,4%
Дает возможность самостоятельно и независимо принимать решения	0,7%	–	0,7%
Работа стабильна (дает уверенность в завтрашнем дне)	0,7%	2,6%	0,9%
Работа престижна	0,3%	6,2%	1,1%
Направлена на наказание виновных, преступников	0,3%	0,4%	0,7%
Работаю в хорошем коллективе, с приятными людьми	–	0,4%	1,1%
Направлена на поиск и восстановление истины	–	0,4%	0,6%
Прочие ответы	14,4%	11,7%	5,6%
Общее число респондентов (принято за 100%)	291	274	1104
Ответили на вопрос	250	227	896
Общее число ответов	344	306	1137
Обобщенные категории			
<i>Социальная направленность работы</i>	41,9%	47,5%	39,0%
<i>Значимость работы для самого сотрудника</i>	38,5%	30,2%	46,6%

Первое, что обращает на себя внимание при анализе таблицы, – это высокая степень совпадения значительной части ответов в исследованиях разных лет. Можно утверждать, что сходства во мнениях респондентов наблюдается значительно больше, чем различий, а последние носят, скорее, частный характер. Например, за 14 лет, прошедших между первым и последним опросами, немного выросло число прокурорских работников, считающих, что их работа хорошо оплачивается (с 2,4% до 5,2%). В 2009 г. относительно больший, чем в другие годы, процент опрошенных полагал, что их работа престижна (6,2% против 0,3% и 1,1%) и стабильна, дает ощущение уверенности в завтрашнем дне (2,6% против 0,7% и

0,9%). Последовательно увеличивалось также число ответов, относимых к категории «прочее». Подавляющее большинство из них относилось к группе даваемых «не в плане заданного вопроса».

Некоторые содержательные категории ответов встречались лишь в двух или одном опросе. Например, в 2014 г. никто из опрошенных не отнес к достоинствам служебной деятельности то, что он работает в хорошем коллективе, с приятными людьми или то, что его работа направлена на поиск и восстановление истины. Впрочем, и в другие годы число подобных ответов было минимально, в пределах статистической погрешности (от 0,4% до 1,1%).

Изучение полученных результатов позволило выделить два обобщенных смысловых блока ответов, (на основе классификатора второго порядка). В них вошли ответы респондентов, в совокупности включающие от 85,6% (2000–2001 гг.) до 77,7% (2009 г.) от их общего числа (см. две последние строки таблицы 1).

В первом исследовании наибольшую по численности группу (46,6%) составляли ответы, в которых опрошенные подчеркивали значимость и привлекательность работы для самих сотрудников прокуратуры. Они указывали на то, что работа интересна (9,0%), их привлекает ее содержание (6,6%); отмечали, что она удовлетворяет базовые потребности личности: в самоактуализации, творчестве, общении (около 30%). В том числе 20,7% опрошенных считали, что выполняемая ими работа, ее содержание удовлетворяют их потребность в самоактуализации (ответы типа «приносит удовольствие, удовлетворение», «позволяет в полной мере реализовать себя, свои способности», «это мое призвание» и т.д.) Другие прокурорские работники полагали, что наиболее привлекательные характеристики их профессиональной деятельности связаны с творческим характером труда (6,2%), возможностью самостоятельно принимать ответственные решения (0,7%), а также с тем, что их работа требует постоянных контактов с новыми интересными людьми (3,4%).

Вторую по численности группу образовали ответы 39,0% опрошенных прокуроров, указавших на то, что в работе их больше всего привлекает ее социальная направленность и высокая общественная значимость, польза, которую они своими действиями приносят государству, обществу и гражданам. При этом 17,8% обследованных особо подчеркнули правозащитный характер своей деятельности, указали, что она дает возможность помогать людям (в особенности малоимущим), защищать их интересы, восстанавливать справедливость. 13,9% прокурорских работников, принимавших участие в опросе, сделали акцент на защите прав государства и общества, укреплении законности и правопорядка в стране.

В опросе 2009 г. были получены те же самые основные группы ответов, но их «удельный вес» поменялся местами. Так, 47,5% прокурорских работников отметили социальную направленность своего труда, его общественную значимость (в том числе 16,1% – направленность на защиту прав государства и общества, а 24,8% – интересов граждан), а 30,2% – содержательные характеристики работы, важные для самих респондентов, в том числе связанные с базовыми потребностями личности: в самореализации (10,2%), творчестве (4,7%), общении (0,7%).

Данные последнего опроса носят промежуточный характер: 41,9% опрошенных указали на различные причины привлекательности работы, обусловленные ее социальной направленностью (в том числе на защиту прав государства и общества – 15,1%, на защиту прав граждан – 22,0%). 38,5% прокуроров-руководителей, принимавших участие в опросе, отмечали значимость и привлекательность работы лично для них. В отличие от предыдущих исследований, респонденты среди прочих ответов из этой группы отмечали,

что работа позволяет им повышать профессиональную квалификацию, уровень знаний, предоставляет возможности для профессионального развития (4,1%).

Иные причины, вызывающие интерес к работе, такие, как высокий уровень оплаты труда или престижность службы в прокуратуре, назывались значительно реже. Так, лишь незначительное число опрошенных (от 2,5% до 1,4%) в качестве наиболее привлекательной особенности выделили направленность своей работы на борьбу с преступностью. И лишь единицы продемонстрировали выраженный «карательно-обвинительный уклон», указав, что им нравится работа, поскольку она направлена на наказание виновных (от 0,7% до 0,3%).

В целом результаты цикла исследований свидетельствуют о том, что основными деятельностными факторами, определяющими мотивацию труда прокуроров, стабильно выступают *социально ориентированный характер работы и ее способность удовлетворять базовые потребности личности (в самоактуализации, творчестве, общении и др.)*. Использование этих особенностей на практике открывает широкие возможности для мотивирования работников со стороны руководства, формирования у них позитивного настроя, высокой готовности к служебной деятельности. Эти факторы также необходимо принимать во внимание при совершенствовании систем морального и материального стимулирования труда, в процессе воспитательной работы в органах прокуратуры, а также при профориентационной работе с молодежью.

Уже отмечавшаяся высокая степень совпадения результатов трех опросов свидетельствует об их высокой надежности. Вместе с тем достоверность полученных данных, на наш взгляд, имеет определенные ограничения, обусловленные влиянием фактора социальной желательности. Особенно сильно он проявляется в ситуации, когда респондентов просят ответить на лично и общественно значимые вопросы, по поводу которых и в обществе в целом, и в профессиональном сообществе сложились жесткие стереотипы того, о чем принято и не принято, неприлично, открыто говорить (или, в случае анкетного опроса, писать).

Обсуждая свою работу, прокуроры в подавляющем большинстве давали лишь социально одобряемые и нейтральные ответы, тем более потому, что писали их от первого лица. Так, никто не указал, что работа нравится ему потому, что она позволяет установить контакты с различными должностными лицами, которые будут полезны, если он уволится из органов прокуратуры и перейдет на другую работу, помогут строить дальнейшую профессиональную карьеру. Или, тем более, что работа позволяет использовать должностное положение в личных целях либо дает ощущение власти над людьми. Вместе с тем нельзя исключить то, что какая-то часть из более чем полутора тысяч опрошенных прокурорских работников подобные особенности своей работы оценивают наиболее высоко, считают их ведущими достоинствами, придающими ей личностный смысл.

Влиянием фактора социальной желательности, возможно, объясняется и очень малое число ответов, в которых привлекательность работы связывается с тем, что она дает возможность покарать преступников, правонарушителей. И это при том, что поддержание государственного обвинения в уголовном процессе – одна из основных функций органов прокуратуры, важнейшее направление деятельности прокуроров. Учитывая изложенное, можно считать, что в исследованиях была изучена структура *социально приемлемых деятельностных факторов мотивации труда* прокуроров. С учетом этого ограничения результаты цикла исследований, на наш взгляд, обладают высокой достоверностью.

Литература

1. *Кроз М.В.* Мотивация труда прокурорских работников // Социально-психологическое самочувствие прокурорских работников как фактор повышения эффективности деятельности органов прокуратуры: сб. научных трудов / Под ред. А.Я. Сухарева, Г.Х. Ефремовой. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. С. 55–60.
2. *Кроз М.В.* Психология личности прокурора: пособие для прокуроров. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012. 112 с.
3. *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Удовлетворенность трудом работников органов прокуратуры как фактор их социально-психологического самочувствия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 5 (13). С. 20–25.
4. Мотивация персонала [Электронный ресурс]. URL: <http://becmology.ru/blog/management/motivatcia.htm> (дата обращения: 27.02.2016)

Action factors of work motivation of prosecutors

Kroz M.V., PhD (Psychology), Leading Researcher of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation (m.kroz@mail.ru)

The article presents the results of three studies (2000-01, 2009 and 2014) of activity-related factors that have a significant impact on prosecutors work motivation. As part of the questionnaire respondents (more than a thousand public prosecutors of different sex, age, employment status and place of service) were offered to complete the unfinished sentence, stating the reasons for the attractiveness of their work. The results showed that the main factors stably defining prosecutors professional motivation (80% of responses) were socially-oriented nature of the work, its focus on strengthening the rule of law in the country, helping people, especially the poor, disadvantaged groups of population, as well as the ability to meet the basic needs of the individual employee. (Self-actualization, creativity, professional growth, and others.). Other answers (high wages, the prestige of the profession, stability and others.) were given much less. The problem of the reliability of the data and an impact of social desirability were discussed.

Keywords: work motivation, professional activity, prosecutors, questioning, the method of pending proposals.

References

1. Kroz M.V. Motivatsiya truda prokurorskikh rabotnikov. Sotsial'no-psikhologicheskoe samochuvstvie prokurorskikh rabotnikov kak faktor povysheniya effektivnosti deyatel'nosti organov prokuratury [The motivation of prosecutors. The Socio-psychological state prosecutors as a factor of increase of efficiency of activity of bodies of Prosecutor's office. Proceedings of the] In Sukhareva A.Ya., Efremova G.Kh. (ed.). Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 2002. pp. 55 – 60.
2. Kroz M.V. Psikhologiya lichnosti prokurora: posobie dlya prokurorov [Psychology of personality of the Prosecutor: a manual for prosecutors]. Moscow: Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2012. pp. 33 – 37.
3. Kroz M.V., Ratinova N.A. Udovletvorennost' trudom rabotnikov organov prokuratury kak faktor ikh sotsial'no-psikhologicheskogo samochuvstviya [Job satisfaction of employees of prosecution bodies as a factor of their socio-psychological well-being]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation], 2009, no 5 (13), pp. 20 – 25.
4. Motivatsiya personala [Elektronnyi resurs] [Staff motivation]. URL: <http://becmology.ru/blog/management/motivatcia.htm> (Accessed 27.02.2016)